



ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)

Том 20. № 2

Volume 20. No. 2

LOGOS ET PRAXIS

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

2021

ISSN 2587-9715 (Print)
ISSN 2658-3585 (Online)



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

LOGOS ET PRAXIS

2021

Том 20. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LOGOS ET PRAXIS

2021

Volume 20. No. 2



LOGOS ET PRAXIS

2021. Vol. 20. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69699** of May 5, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Editorial Staff:

Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.B. Tokareva* – Chief Editor (Volgograd)

Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.N. Vasilyeva* – Deputy Chief Editor (Volgograd)

Cand. Sc. *M.B. Poltavskaya* (Volgograd)

Cand. Sc. *T.S. Gorina* – Executive Secretary and Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Sen. Res. *Aksadi Yudit* (Budapest, Hungary); Dr. Sc., Prof. *L.V. Baeva* (Astrakhan); Dr. Sc. *N.V. Dulina* (Volgograd); Dr. Sc., Prof. *N.N. Lebedeva* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.R. Lychkovskaya* (Odessa, Ukraine); Dr. Sc., Prof. *A.I. Pigalev* (Volgograd); Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Sergeeva* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *A.L. Strizoe* (Volgograd); Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Tereshchenko* (Minsk, Belarus); Dr. Sc., Prof. *V.B. Ustyantsev* (Saratov)

Editors, Proofreaders: *A.A. Blinova*,
N.M. Vishnyakova, *M.V. Gayval*
Editor of English texts *E.A. Eltanskaya*
Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing Sept. 6, 2021.
Date of publication: Dec. 9, 2021.
Format 60×84/8. Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 17.2. Published pages 18.5.
Number of copies 500 (1st duplicate 1–31).
Order . «C» 31.

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 46-02-72. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: jvolsu7@gmail.com

Journal website: <https://psst.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

LOGOS ET PRAXIS

2021. Т. 20. № 2

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-69699** от 5 мая 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 46-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: jvolsu7@gmail.com
Сайт журнала: <https://psst.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала:
<https://psst.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филос. наук, доц. *С.Б. Токарева* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р социол. наук, доц. *Е.Н. Васильева* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. социол. наук *М.Б. Полтавская* (г. Волгоград)
канд. филос. наук *Т.С. Горина* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

ст. науч. сотр. *Аксади Юдит* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р филос. наук, проф. *Л.В. Баева* (г. Астрахань);
д-р социол. наук *Н.В. Дулина* (г. Волгоград); д-р экон. наук, проф. *Н.Н. Лебедева* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.Р. Лычковская* (г. Одесса, Украина);
д-р филос. наук, проф. *А.И. Пигалев* (г. Волгоград);
д-р социол. наук, доц. *О.В. Сергеева* (г. Санкт-Петербург); д-р филос. наук, проф. *А.Л. Стризов* (г. Волгоград); канд. социол. наук, доц. *О.В. Терещенко* (г. Минск, Беларусь); д-р филос. наук, проф. *В.Б. Устьянцев* (г. Саратов)

Редакторы, корректоры: *А.А. Блинова*,
Н.М. Вишнякова, *М.В. Гайваль*
Редактор английских текстов *Е.А. Елтанская*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 06.09 2021 г.
Дата выхода в свет 09.12 2021 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 18,5.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.).
Заказ . «С» 31.

Свободная цена

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗОЛЯЦИЯ В ОТКРЫТОМ ОБЩЕСТВЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

[О Всероссийской научно-практической конференции «Изоляция в открытом обществе: осмысление социальных практик в период пандемии»] (Токарева С.Б., Яворский Д.Р.)	6
Леонтьева Е.Ю., Леонтьев А.Н. Карантинное осмысление некоторых метафизических проблем	7
Кройзен О. COVID-19 и многоязычный мир: грамматическое понимание нашего нынешнего затруднительного положения [На англ. яз.]	15
Ломако О.М. Философские дискурсы мирового общества риска в ситуации пандемии	25
Карчагин Е.В. Справедливость в условиях пандемии COVID-19: мобильностный капитал и новый социальный порядок	31
Димитрова С.В., Овдина К.С. Свобода и независимость в период пандемии	39
Макаров А.И., Спирич Т.В. Утешение справедливостью: осмысление травматических событий пандемии в религиозном сознании	48
Черничкин Д.А. Трансформация религиозной коммуникации под влиянием пандемии COVID-19	56
Стризов А.Л. Вызов социальной изоляции: российский контекст	65
Матвиенко Е.А. Социальные последствия пандемии в контексте проблем современного образования	74
Храпова В.А. Социальная изоляция как фактор самосохранения личности	83
Копанева В.А. Кризис признания в условиях социальной изоляции	89
Дулина Н.В., Ануфриева Е.В. Влияние пандемии на изменение повседневных практик жителей Волгограда: гендерные различия (по итогам прикладного социологического исследования)	95
Ситникова Я.И., Николенко Н.А. Рынок социального обслуживания населения в условиях пандемии: новые практики и технологии	110
Зырянова М.О. К вопросу о классификации фейковой информации в период пандемии коронавируса	124
Тимофеева Т.С., Беликова А.В. Особенности восприятия жизненной перспективы в трудной жизненной ситуации (на примере пандемии COVID-19)	132

Войтов А.В., Гладков Д.В. Социальная готовность к последствиям пандемии: социологический взгляд	143
-------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

Широкалова Г.С. От эффекта к аффекту и обратно... (Размышления о книге: Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 [Текст]: монография / Н. Х. Гафиятулина, В. В. Касьянов, П. С. Самыгин, С. И. Самыгин; отв. ред. М. А. Васьяков. – М.: РУСАЙНС, 2020. – 178 с.)	154
-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

ФИЛОСОФИЯ

Кожевникова М.Н. Анатомия исследовательского процесса в свете феноменологического подхода и проблема «удостоверения»	162
----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Ермилова А.В. Профессиональный возраст: к вопросу о социологической концептуализации (на примере профессиональных спортсменов)	172
--------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

CONTENTS

ISOLATION IN OPEN SOCIETY: UNDERSTANDING SOCIAL PRACTICES DURING THE PANDEMIC

[On the All-Russian Scientific and Practical Conference “Isolation in Open Society: Understanding Social Practices During the Pandemic”] (Tokareva S.B., Yavorsky D.R.)	6
Leontieva E.Yu., Leontiev A.N. Quarantine Understanding of Some Metaphysical Problems	7
Kroesen O. COVID-19 and Polyglot Peace: A Grammatical Understanding of Our Present Predicament	15
Lomako O.M. Social Philosophical Discourse of the World Risk Society in a Pandemic Situation	25
Karchagin E.V. Justice in the COVID-19 Pandemic: Mobility Capital and New Social Order	31
Dimitrova S.V., Ovdina K.S. Freedom and Independence During the Pandemic	39
Makarov A.I., Spirin T.V. Consolation by Justice: Religious Consciousness of Pandemic Traumatic Events	48
Chernichkin D.A. Transformation of Religious Communication Under the Influence of the COVID-19 Pandemic	56
Strizov A.L. Social Isolation Challenge: Russian Context	65
Matvienko E.A. Social Consequences of the Pandemic in the Context of Modern Education Problems	74

<i>Khrapova V.A.</i> Social Isolation As a Factor of Self-Preservation of the Individual	83
<i>Kopaneva V.A.</i> The Crisis of Recognition in the Context of Social Exclusion	89
<i>Dulina N.V., Anufrieva E.V.</i> Influence of the Pandemic on Change of Everyday Practices of Volgograd Residents: Gender Differences (Based on the Results of Applied Sociological Research)	95
<i>Sitnikova Ya.I., Nikolenko N.A.</i> The Pandemic Social Services Market: New Practices and Technologies	110
<i>Zyryanova M.O.</i> On the Classification of Fake Information During the Coronavirus Pandemic	124
<i>Timofeeva T.S., Belikova A.V.</i> Features of the Perception of a Life Perspective in a Difficult Life Situation (On the Example of the COVID-19 Pandemic)	132

<i>Voytov A.V., Gladkov D.V.</i> Social Readiness for the Consequences of the Pandemic: Sociological View	143
-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

SCIENTIFIC REVIEWS

<i>Shirokalova G.S.</i> From Effect to Affect and Back... (Reflections on the Book: Russian Society in Self-Isolation. Social Effects and Consequences of the COVID-19 Pandemic [Text] : Monograph / N. Kh. Gafiatulina, V. V. Kasyanov, P. S. Samygin, S. I. Samygin ; ed. by M. A. Vaskov. – Moscow : RUSAYNS, 2020. – 178 p.)	154
----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

PHILOSOPHY

<i>Kozhevnikova M.N.</i> The Anatomy of Research Process in the Light of the Phenomenological Approach and the Problem of Identification	162
------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

<i>Yermilova A.V.</i> Professional Age: On the Issue of Sociological Conceptualization (On the Example of Professional Athletes)	172
----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------	-----



ИЗОЛЯЦИЯ В ОТКРЫТОМ ОБЩЕСТВЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

18 февраля 2021 г. в Волгоградском государственном университете по инициативе кафедры философии института права совместно с кафедрой социологии и социальных технологий прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Изоляция в открытом обществе: осмысление социальных практик в период пандемии». Более сорока исследователей – философов, социологов, политологов, психологов из Архангельска, Астрахани, Волгограда, Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Ярославля и других городов – представили свои доклады на заседаниях секций «Социальные риски пандемии», «Опыт и социальные практики трансгрессии в культуре» и «Самосохранительное поведение и демографическая политика в условиях пандемии».

В настоящем номере журнала мы публикуем избранные статьи, представляющие собой расширенные версии докладов участников конференции. Тексты расположены в порядке конкретизации исследуемых проблем. Подборку открывает статья Е.Ю. Леонтьевой и А.Н. Леонтьева «Карантинное осмысление некоторых метафизических проблем», в которой проблематика пандемии рассматривается в онтологической (метафизической) перспективе. В статьях О. Кройзена «COVID-19 and Polyglot Peace: A Grammatical Understanding of Our Present Predicament» и О.М. Ломако «Философские дискурсы мирового общества риска в ситуации пандемии» проблемы пандемии анализируются в глобальном социокультурном контексте. В статьях Е.В. Карчагина «Справедливость в условиях пандемии COVID-19: мобильностный капитал и новый социальный порядок», С.В. Димитровой и К.С. Овдиной «Свобода и независимость в период пандемии» проблематика пандемии преломляется в этических категориях справедливости и свободы. Изучению реакции религиозного сознания и религиозных сообществ на ситуацию пандемии посвящены статьи А.И. Макарова и Т.В. Спирина «Утешение справедливостью: осмысление травматических событий пандемии в религиозном сознании» и статья Д.А. Черничкина «Трансформация религиозной коммуникации под влиянием пандемии COVID-19». Специфика российского контекста восприятия пандемии рассматривается в статьях А.Л. Стризов «Вызов социальной изоляции: российский контекст» и Е.А. Матвиенко «Социальные последствия пандемии в контексте проблем современного образования». Наконец, изучению личностных реакций на ситуацию пандемии посвящены статьи В.А. Храповой «Социальная изоляция как фактор самосохранения личности» и В.А. Копаневой «Кризис признания в условиях социальной изоляции».

Результаты социологических исследований, посвященных самосохранительному поведению и демографической политике в условиях пандемии, излагаются в статьях Н.В. Дулиной и Е.В. Ануфриевой «Влияние пандемии на изменение повседневных практик жителей Волгограда: гендерные различия (по итогам прикладного социологического исследования)», Я.И. Ситниковой и Н.А. Николенко «Рынок социального обслуживания населения в условиях пандемии: новые практики и технологии», М.О. Зыряновой «К вопросу о классификации “фейковой информации” в период пандемии коронавируса», Т.С. Тимофеевой и А.В. Беликовой «Особенности восприятия жизненной перспективы в трудной жизненной ситуации (на примере пандемии COVID-19)», А.В. Войтова и Д.М. Гладкова «Социальная готовность к последствиям пандемии: социологический взгляд».

Редакция выражает благодарность авторам статей за сотрудничество и надеется на то, что знакомство с содержанием текущего номера журнала будет интересным и плодотворным для читателей.

С.Б. Токарева,
доктор философских наук,
Д.Р. Яворский,
доктор философских наук



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.1>

UDC 304.44

LBC 87.1

QUARANTINE UNDERSTANDING OF SOME METAPHYSICAL PROBLEMS

Elena Yu. Leontieva

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Alexander N. Leontiev

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The pandemic and the quarantine situation have had and continue to have multi-directional influence on the processes of social and individual life. From unprecedented acceleration and progress (in information technologies and getting involved with them) to slowdown, and sometimes full stop and stagnation (tourism business, transport sector). Comprehension of what is happening will be a long process. The authors propose to reevaluate some metaphysical problems actualized by the experienced situation. These issues include virtual reality, which clearly defined its boundaries and it became clear that the state many plunged into in the process of quarantine and isolation is not a kind of it. The problem of social space, which has changed, intertwined, confused a person in his social roles and statuses. Physically, one place of stay at different times of the day with the help of information technologies was transformed into a space for work, scientific debate, education, family life, entertainment and even sports. The philosophical problem of uncertainty having left the theoretical discourse has directly invaded the lifeworld and everyday life of every person, influenced all spheres of life, plans and prospects for the future. Becoming a social reality uncertainty during a pandemic has acted as a factor that erodes the existence of people, their habitual, definable, measurable being, which begins to lose its characteristics, losing its identity. It becomes unpredictable, ambiguous, unplanned. Such a being casts doubt on many usual forms of organizing the achievement of results in almost any field of activity: setting a goal, choosing methods and systematic movement towards its implementation. That is how project thinking is realized. However, in a situation of total uncertainty, it begins to fail and turns out to be inefficient. A possible overcoming this situation is thinking aimed at realizing and «understanding real circumstances». Thinking that was appreciated primarily by Russian philosophers and the Eastern tradition of philosophy.

Key words: pandemic, quarantine, metaphysical problems, social space, uncertainty, design thinking.

Citation. Leontieva E. Yu., Leontiev A. N. Quarantine Understanding of Some Metaphysical Problems. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 7-14. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.1>

УДК 304.44

ББК 87.1

КАРАНТИННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Елена Юрьевна Леонтьева

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Александр Николаевич Леонтьев

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Пандемия и карантинная ситуация оказали и продолжают оказывать разновекторное влияние на процессы социальной и индивидуальной жизни. От небывалого прежде ускорения и прогресса (в информационных технологиях и приобщении к ним) до замедления, а иногда остановки и стагнации (турис-

тический бизнес, транспортная сфера). Осмысление происходящего будет длительным процессом. Авторы предлагают пересмотр следующих метафизических проблем, актуализированных переживаемой ситуацией: 1) виртуальная реальность, которая четко обозначила свои границы (стало понятно, что то, во что погрузились многие в процессе карантина и изоляции, таковым не является); 2) проблема социального пространства, которое изменилось, переплелось, запутало человека в его социальных ролях и статусах, потому что физически одно место пребывания в разное время суток при помощи информационных технологий трансформировалось в пространство работы, научного диспута, обучения, семейной жизни, развлечения и даже спорта; 3) сугубо философская проблема неопределенности, которая, покинув теоретический дискурс, буквально вторглась в жизненный мир и повседневность каждого человека, оказав влияние на все сферы жизни, на планы и перспективы будущего. Став социальной реальностью, неопределенность в период пандемии выступила фактором, размывающим бытие людей, их привычное, определяемое, измеряемое бытие, которое начинает утрачивать свои характеристики, теряя свою идентичность. Оно становится непросчитываемо, неоднозначно, непланируемо. Такое бытие ставит под сомнение многие привычные формы организации достижения результатов практически в любой сфере деятельности: постановка цели, выбор методов и поэтапное движение к ее осуществлению. Именно так реализуется мышление, называемое проектным, которое в ситуации тотальной неопределенности начинает давать сбой и оказывается неэффективным. Возможным выходом и преодолением этой ситуации оказывается мышление, направленное на осознание и «понимание реальных обстоятельств», мышление, на которое, в отличие от европейцев, делали ставки русские философы и которое воплощается в философии Востока.

Ключевые слова: пандемия, карантин, метафизические проблемы, социальное пространство, неопределенность, проектное мышление.

Цитирование. Леонтьева Е. Ю., Леонтьев А. Н. Карантинное осмысление некоторых метафизических проблем // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 7–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.1>

Осмысление началось еще год назад, когда «специалисты поразмышлять» оказались в карантине, имея свободное время и неопределенность перспектив его продолжения / завершения. Развернуться можно было в полной мере, что и было сделано большинством «мыслящих и философствующих», и воплотилось это в многочисленных публикациях по самым различным вопросам, которые породила новая пандемийно-карантинная реальность. Темы, которые поднимались, обсуждались, публиковались или просто вспыхивали и угасали, самые разнообразные [Antentas 2020; Correa, Copperwaite 2020; Dahiya 2020; Katila, Gan, Goodwin 2020; Nocco, Sponziello 2020; Welsch et al. 2020]. Доказательством тому могут быть даже не названия (максимально различные) статей, а просто перечисление журналов (а еще шире – исследовательских сфер и специальностей) – в которых эти публикации находили свое воплощение: это и экономика с бурным развитием форм дистанционных продаж и доставки товаров первой необходимости; и политика, максимально минимизировавшая личные реальные контакты лидеров и их окружения; и духовная сфера, перешедшая тоже в онлайн (концерты, выставки, лекции, практики и даже проповеди); и, само собой, социальная сфера, в которой празднова-

ние юбилеев с виртуальным присутствием на экранах мониторов всех многочисленных родственников стало почти нормой.

Осмысление и переосмысление происходящих (далеко не впервые, но впервые в таком масштабе) событий пандемийного кризиса всех и всего будет идти еще долго и явно наложит отпечаток на все последующие рефлексии человечества о происходящем, происходившем и о том, что произойдет. При этом на повестку дня вынесены и обсуждаемые прежде, и отчасти забытые, и принципиально новые темы. Объектом коррекции, уточнения, пересмотра стали и некоторые традиционно философские проблемы. Рассмотрим некоторые из них.

Виртуальная реальность. Она, на наш взгляд, наконец, четко обозначила себя и свои границы, и стало понятно, что то, с чем мы имели дело в процессе карантина и изоляции, таковым не является. Обозначенные Н.А. Носовым ее характеристики в «Манифесте виртуальности» – порожденность, актуальность, автономность, интерактивность не проявлялись ни каждая отдельно, ни все вместе в процессе перемещения жизни в онлайн [Носов 2001, 5]. Последнее не представляет собой погружения в виртуальную реальность, и тем более ее создание – это лишь иная форма вос-

приятия и контакта с реальностью через те средства, которые предоставляют современные информационные технологии. Несмотря на то что «мир перешел в онлайн», он не ушел в виртуальность, а продолжил оставаться той же реальной реальностью, но просто презентует себя теперь нам Другим способом, не непосредственно, а опосредованно. Эти опосредованные средства уже очень разнообразны – от привычного настольного компьютера с большим экраном, гарнитурой и солидной клавиатурой до миниатюрного телефона, имеющего все вышеназванное, но просто в несколько ином виде. При этом обе «машины» прекрасно справляются со своими обязанностями – презентации нам реальности, непосредственное восприятие которой оказалось по определенным причинам затруднено или невозможно. Отметим также, что если говорить о предельных основаниях бытия указанных средств и технологий, то вспомним здесь слова Дона Тапскотта: «Торговля, сделки, общение между людьми, научные открытия – все свершается заряженными частицами в кристалликах кремния или стеклянных волокнах, которые получают из простого песка» [Тапскотт 1999, 59]. Слова эти можно охарактеризовать как пророчество, потому что сказаны они были еще в конце прошлого века.

А вот что действительно изменилось, переплелось и смешалось, запутало человека в его социальных ролях и статусах, так это **социальное пространство**. Именно это породило ряд проблем иногда психологического, порой экзистенциального характера. Для большинства людей ДО пандемии существовали дом, работа (офис), магазины, места культурного времяпровождения и т. д. Это были в подавляющем большинстве случаев физически пространственно различные места, в которых люди осуществляли свою самую разнообразную деятельность. Теоретики социального пространства [Леденева 1995] указывали на то, что его создают сами люди, субъекты, участвующие и формирующие то или иное социальное взаимодействие, независимо от физического места нахождения. Например, пространство философской школы вполне может существовать в саду или под сенью дерева, а не обязательно в академически строгой аудитории, однако люди привыч-

но реализовывали свои тематические взаимодействия, выполняли свои различные социальные роли в физически определенных местах, где они и формировали то или иное социальное пространство (научного диспута, учебного процесса, семейной жизни и т. д.). И эти пространства редко, а чаще всего никогда не пересекались, хотя понятие «удаленная работа» уже в начале нашего века стало входить в привычный обиход. Пандемия перевела в указанный удаленный режим многие профессии, разбив привычные границы «дом – работа – отдых». Однако в данном случае нивелировалась разница не между видами деятельности, а скорее, между пространством, в рамках которого эта деятельность реализовывалась. Одно физическое место пребывания в разное время суток превращалось в пространство работы, научного диспута, обучения, семейной жизни, развлечения и даже спорта. И это неожиданно оказалось сложно и принять, и переживать. Задолго до пандемии обсуждаемые философами особенности социального пространства теперь коснулись буквально каждого, и для каждого стало очевидно, что «социальное пространство не... сведено к физическому пространству социума, оно детерминировано человеческой субъективностью... и что как социальное пространство создает социальные отношения, так и социальные отношения создают социальное пространство» [Виноградова 2005, 42]. К 2020 г. уже существовало понятие дистанционной работы, и те, кто имел подобный опыт, знали свои секреты (работать в определенной одежде, в конкретном месте и времени, отстраняться от происходящего вокруг). Не имеющие такого опыта столкнулись с трудно переживаемой проблемой смешения самых разных видов и форм социального пространства в одном пространстве физическом. И если одномоментное выполнение работы дома еще переживается как позитивное состояние, то постоянная работа «на удаленке» лишает многих людей ориентиров и границ дома и офиса. Затянувшись на многие месяцы, подобная ситуация стала вызывать неприятие, а порой и нежелание выполнять привычные и приятные ранее виды деятельности. И полное осмысление ковидно нивелированного социального пространства еще предстоит осуществить.

Пандемия обозначила в новом ракурсе еще одну проблему, которая всегда считалась сугубо философской – **неопределенность мира и мир неопределенности** [Лешкевич 1994]. В предисловии к книге «Мир человека: неопределенность как вызов», изданной в 2019 г., авторы писали: «В современную эпоху человечество переживает острую и дискомфортную ситуацию неопределенности. Никто не может с уверенностью прогнозировать не только отдаленное, но и ближайшее будущее. Новая ситуация существенно сказывается на самоидентичности человечества. Есть ли у него, как у человечества будущее? Не является ли кризис века глобализации последним для него?» [Белкина (ред.) 2019, 8]. О какой неопределенности говорят авторы? Сегодня эти слова кажутся мягко говоря наивными: то, что они называют неопределенностью в 2019 г. спустя всего лишь год уже оценивается как жизнь определенная, прогнозируемая, вполне себе проектно ориентированная. Однако следует заметить, что авторы рассматривают, скорее, неопределенность в глобальном масштабе: «На рубеже 20–21 веков мировоззренческая ситуация человечества изменилась, прежде всего в связи с появлением идеи глобализации. Пока что она воспринимается как переходная эпоха, но никому не известно, какой станет новая «органическая эпоха. В этом и состоит интрига, провоцирующая ситуацию небывалой доселе неопределенности мира» [Белкина (ред.) 2019, 10]. Действительно, авторы сборника выполняют классическую роль философа: они описывают мировую тенденцию, рефлексиируют на уровне философских обобщений. Однако новый ракурс неопределенности в 2020 г. проявился именно в том, что она стала повседневностью для каждого и буквально каждый осознал новую для себя – неопределенную реальность привычного жизненного мира.

2020 г. заставил миллионы людей изменить или гораздо чаще просто не реализовать свои планы. Не только по болезни, но в связи с изменившейся ситуацией в мире, когда были закрыты границы, минимизировано транспортное сообщение между государствами, наложены карантинные меры внутри стран. Загадывать и планировать (что так свойственно человеку информационного и глобального

мира) стало почти «дурным тоном», потому что мы можем всего лишь предполагать, но не более того. При этом неопределенность завтрашнего дня коснулась не только значительных проектов (как то: путешествия или бизнес-планы), но и привычных, незначительных на первый взгляд дел, вплетенных в повседневность каждого из нас (сходить в парикмахерскую, зайти в кафе, магазин и т. д.). Внезапно все осознали, что их решения и планы зависят от огромного количества факторов и условий, невыполнение которых тут же лишает всякое планирование, и как следствие, всякую определенность какого-либо смысла. И если прежде о неопределенности говорили философы, привычно «болея всеми горестями мира», то теперь все и каждый задумались о происходящем и о последствиях невиданной прежде неопределенной ситуации [Duck, Rawls 2020].

Пандемия заставила всех остановиться. Остановиться и иначе посмотреть на проблемы, которые казались столь значительными, что занимали большую часть наших мыслей и нашей жизни; на окружающих, которые, как оказалось, решают те же вопросы, что и мы, более того, они похожи на нас и у нас общие страхи и радости; на самих себя, как уязвимых, биологически несовершенных, простых смертных. Причем таковыми «простыми смертными» на проверку оказались все. Не исключено, что это один из плюсов проживаемой пандемии. Однако остановка и стала следствием возникшей неопределенности: когда ты не знаешь (и не можешь с уверенностью предположить), что будет завтра, остается лишь оглядываться вокруг, осмысливать происходящее и ждать. Ждать изменения ситуации до такого состояния, которое позволит сначала что-то уяснить и определить, потом что-то предположить, затем принять решение, и потом уже действовать. Состояние неопределенности для прагматичного, рационального, проектно мыслящего современного западного мира оказалось суровым испытанием.

При этом неопределенность как феномен отнюдь не была чем-то неизвестным и новым. Ее изучали и продолжают изучать в разных аспектах, разных контекстах, но в философском дискурсе неопределенность имеет различные интерпретации и смыслы. Например,

в античности у Платона определенность принадлежит идеальному миру, миру упорядоченному и совершенному. Соответственно, неопределенность – это черта несовершенного мира вещей. Так, Платон разводит эти понятия как принадлежащие разным мирам [Платон 1990 I]. Однако рассмотрение определенности и неопределенности в их противопоставлении, тем более в принадлежности к разным мирам, – лишь одна из интерпретаций. Диалектический подход всегда ориентировал на противопоставление в их единстве, а после становления синергетики как науки они стали рассматриваться в контексте изучения становления «порядка из хаоса» [Пригожин, Стенгерс 1986].

Под определенностью философы рассматривали ограниченность, измеримость, а под неопределенностью – неограниченность, неизмеримость. Так, устанавливаются пределы неопределенности и происходит переход на стадию определенности, где сущность вещей и объектов возможно понять, а следовательно определить [Готт, Урсул 1971]. Исходя из этого, ситуация утраты измеримости и ограниченности ведет к неопределенности и, как следствие, к невозможности объяснения сущности вещей и объектов. Вспомним, что Гегель при определении качества говорил о «тождественной с бытием определенности... качественная же определенность едина со своим бытием» [Гегель 1970 I, 137]. Определенность, таким образом, выступает как условие бытийности объектов, явлений, всей совокупности происходящих событий и ситуаций: «...так что, если нечто теряет свое качество оно перестает быть самим собой» [Гегель 1970 I, 137].

Став реальностью буквально для каждого, а не просто объектом философского дискурса, неопределенность в период пандемии выступила ключевым фактором, размывающим бытие большинства людей, то есть привычное, определяемое, измеряемое бытие начинает утрачивать свои характеристики, теряет свою идентичность. Оно становится другим бытием. Оно непросчитываемо, неоднозначно, непланируемо – и в этом смысле совершенно непривычно. А может оно вообще теряет свою бытийность? И становится небытием? Но это лишь тема для размышления.

Теряющее вследствие неопределенности свою идентичность бытие подвергает сомнению многие привычные в настоящее время формы организации достижения результатов практически в любой сфере деятельности: когда мы ставим цель и последовательно движемся к ее осуществлению, тем самым реализуя мышление, направленное на достижение результата, так называемое **проектное мышление**. В.А. Лекторский в статье «Мышление» Новой философской энциклопедии электронной библиотеки ИФ РАН отмечает, что мышление может быть двух типов – либо «направлено на понимание реальных обстоятельств (в какой ситуации приходится действовать, как устроен мир), либо на достижение практического результата (как достичь того, что мне нужно)» [Лекторский web]. При этом мышление первого типа – это осмысление себя и окружающего мира, физического и социального, ориентация в обстановке и ситуации на основе уже имеющихся знаний (обыденного, мифологического, философского, научного). Мышление второго типа «существует в форме решения задач в ходе практических действий, а также в виде составления проектов действий (выявление системы средств, обеспечивающих достижение поставленной цели)» [Лекторский web]. Трудно не согласиться с тем, что мышление в ряде случаев (и это мышление второго типа) действительно реализуется как выстроенная система достижения цели, включающая в себя совокупность методов, а порой и технологий. Акцент именно на этой специфике мышления как сугубо европейской был в свое время в фокусе наших исследовательских интересов. Было обосновано, что такая специфика отразилась в особом интересе западных мыслителей к вопросам логики и метода: «Именно в них было гипертрофировано рациональное отношение к действительности, а мышление человека сводилось к расчленению мира и анализу структурно-логических форм его выражения» [Леонтьева 1993, 9].

Однако в ситуации тотальной неопределенности, которая начинает пронизывать жизненный мир буквально каждого человека, указанная спецификация мышления, именуемого в современном дискурсе «проектное», начинает сбивать. Проектное мышление, выстро-

енная на нем система проектной деятельности, которая требует необходимости управления, воплощают и отражают мышление второго типа, которое в своем предельном виде воплощает, на наш взгляд, рационализм и рациональность как особый способ восприятия мира и отношения к нему. Если в эпоху классической философии это мышление находило свое проявление в указанных выше проблемах логики и метода, то в современном мире – в распространении и развитии идеи «проектов» и проектного мышления.

Однако проект и реализация проекта – деятельность, в которой максимально элиминируется какая-либо неопределенность, неоднозначность, невозможность следования заранее запланированным действиям. Проект здания позволяет, исключая любые неопределенности, создать и просчитать будущий результат. Обращаю внимание на отсутствие слова «строительство». Инженерный проект здания позволяет учитывать только объективные факторы – особенности почвы и площадки для строительства, качество материалов, их химический состав и физические характеристики. Это все можно просчитать и действительно предельно минимизировать не просчитываемые, неопределенные факторы.

Сложность возникает, когда проект касается сферы неопределенностей и рисков, а таковой всегда была социальная сфера и собственно социальное проектирование и управление социальными проектами (как раздел менеджмента) обращает внимание именно на эту трудность. Однако даже если неопределенность ожидается как необходимый внешний или внутренний фактор, она просчитывается, оценивается как риски и фактически из статуса неопределенности переходит в веер возможного развития событий, который также может быть просчитан. Но как быть с управлением и проектностью, если неопределенность становится, как мы указали выше, «ключевым фактором», разрушая саму бытийную определенность? Возникает вопрос: не разрушает ли тотальная неопределенность саму возможность адекватного и результативного социального проектирования? А следовательно, проектный подход к различным видам деятельности нивелируется и теряет смысл. Не ставит ли неопределенность под

сомнение и само проектное мышление, или она просто вносит в него коррективы? При ответе на этот вопрос вновь обратимся к статье В.А. Лекторского. По мнению философа, традиционно и в течение длительного времени, прежде всего, осмысление окружающего мира, социальности, себя самого, то есть по классификации мышление первого типа (а внутри него – теоретическое) рассматривалось как выражающее «сущность мышления и одновременно как высшая человеческая ценность. Но даже теоретическое мышление понималось преимущественно как рассуждение (в первую очередь дедуктивное, а затем также и индуктивное). Поэтому предлагавшиеся теории мышления были узкими по охвату проявлений реального мышления. Сегодня существуют концепции, полагающие, что проектное мышление вытесняет исследовательское мышление вообще и теоретическое в частности. В действительности же второй тип мышления необходимо предполагает первый: невозможно проектировать деятельность без знания реальной ситуации и без выявления возможности получения желаемого результата с помощью тех или иных средств» [Лекторский web]. Знание же реальной ситуации и возникает, когда, как мы писали выше, человек останавливается и осмысливает увиденное, оглядываясь вокруг себя. Неопределенность в данном случае выступает ситуацией, в которой проектное мышление себя не оправдывает, как мы указали выше, сбивает. Единственным возможным выходом и преодолением этой ситуации оказывается мышление первого типа, на которое, в отличие от европейцев, делали ставки русские философы и которое воплощается в философии Востока.

В заключение отметим, что умение мыслить, рассуждать, рефлексировать, осознавать (без конкретной цели достичь в соответствии с определенными методиками четко запланированного результата) формируют прежде всего дисциплины гуманитарного блока – философия, культурология, история, политология – и их преподавание в режиме онлайн (на который перешло в период карантина большинство учебных заведений) лишает процесс общения-обучения его важнейших составляющих, которые не могут быть прописаны в качестве последовательности действий, алго-

ритмов и технологий простой передачи знаний. Вот уже почти двести лет позитивистски ориентированные ученые сгуют на нерезультативность мировоззренческих дисциплин, расходуя мышление впустую, не приносящих нужное и практически полезное знание, а следовательно, замедляющее развитие человека и увеличение его знаний. Однако, на наш взгляд, это именно тот тормоз, который позволяет Homo sapiens по-прежнему сохранять свое человеческое лицо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белкина (ред.) 2019 – Белкина Г.Л. (ред.). Мир человека: неопределенность как вызов. М.: ЛЕНАНД, 2019.
- Виноградова 2005 – Виноградова Н.Л. Социальное пространство и социальное взаимодействие // Вестник ВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 39–54.
- Гегель 1970 – Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. М.: Мысль, 1970.
- Готт, Урсул 1971 – Готт В.С., Урсул А.Д. Определенность и неопределенность как категории научного познания. М.: Знание, 1971.
- Леденева (ред.) 1995 – Леденева А. (ред.). Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995.
- Лекторский web – Лекторский В.А. Мышление // <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01daff7ab9742c7e8e9ed5da>.
- Леонтьева 1993 – Леонтьева Е.Ю. Специфика европейского мышления (философско-методологический аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 1993.
- Лешкевич 1994 – Лешкевич Т.Г. Неопределенность в мире и мир неопределенности: философские размышления о порядке и хаосе. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1994.
- Носов 2001 – Носов Н.А. Манифест виртуалистики. М.: Путь, 2001.
- Платон 1990 – Платон. Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1990.
- Пригожин, Стенгерс 1986 – Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986.
- Тапскотт 1999 – Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество. М.: Рефл-бук, 1999.
- Antentas 2020 – Antentas J.M. Coronavirus: Notes on Crisis, Borders and the Future of Neoliberalism // *Geographica Helvetica*. 2020. № 4 (75). P. 431–436. DOI: 10.5194/gh-75-431-2020.
- Correa, Copperwaite 2020 – Correa L.E., Copperwaite F. Poetics in the Time of Pandemic. There is Always Going to Be a Before and an After // *Portal (Australia)*. 2020. № 1–2 (17). P. 23–35. DOI: 10.5130/pjm.v17i1-2.7505.
- Dahiya 2020 – Dahiya A. The Phenomenology of Contagion // *Journal of Bioethical Inquiry*. 2020. № 17. P. 519–523. DOI: 10.1007/s11673-020-09997-4.
- Duck, Rawls 2020 – Duck W., Rawls A.W. Interactional Expectations Reconfigure in the Time of Covid-19: Implications for the Uncertainty of Social «Reality» // *Etnografia e Ricerca Qualitativa*. 2020. № 2. P. 207–216. DOI: 10.3240/97806.
- Katila, Gan, Goodwin 2020 – Katila J., Gan Y., Goodwin M.H. Interaction Rituals and ‘Social Distancing’: New Haptic Trajectories and Touching from a Distance in the Time of COVID-19 // *Discourse Studies*. 2020. № 4 (22). P. 418–440. DOI: 10.1177/1461445620928213.
- Nocco, Sponziello 2020 – Nocco S., Sponziello M. Habitat, società ed economia “Post Virus”. Scenari possibili // *Documenti Geografici*. 2020. № 1. P. 619–632. DOI: 10.19246/DOCUGEO2281-7549/202001_39.
- Welsch et al. 2020 – Welsch R., Hecht H., Chuang L., Castell Ch. von. Interpersonal Distance in the SARS-CoV-2 Crisis // *Human Factors*. 2020. № 7 (62). P. 1095–1101. DOI: 10.1177/0018720820956858.

REFERENCES

- Belkina G.L. (ed.), 2019. *The Human World: Uncertainty As a Challenge*. Moscow, LENAND Publ.
- Vinogradova N.L., 2005. Social Space and Social Interaction. *Vestnik VSU. Seriya: Humanitarnye nauki*, no. 2, pp. 39–54.
- Hegel G.V.F., 1970. *Science of Logic. In 3 vols*. Moscow, Mysl' Publ.
- Gott V.S., Ursul A.D., 1971. *Certainty and Uncertainty As a Category of Scientific Knowledge*. Moscow, Znanie Publ.
- Ledeneva A. (ed.), 1995. *Contemporary Social Theory: Bourdieu, Giddens, Habermas*. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. un-ta.
- Lectorsky V.A. *Thinking*. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01daff7ab9742c7e8e9ed5da>.
- Leontyeva E. Yu., 1993. *Specificity of European Thinking (Philosophical and Methodological Aspect)*. *Cand. philos. sci. abs. diss.* Rostov-on-Don.
- Leshkevich T.G., 1994. *Uncertainty in the World and the World of Uncertainty: Philosophical Reflections on Order and Chaos*. Rostov-on-Don, Rostov State University.
- Nosov N.A., 2001. *Manifesto of Virtualistics*. Moscow, Put' Publ.

- Plato, 1990. *Writings. In 4 vols.* Moscow, Mysl' Publ.
- Prigogine I., Stengers I., 1986. *Order from Chaos: A New Dialogue Between Man and Nature.* Moscow, Progress Publ.
- Tapscott Don, 1999. *Electronic Digital Society.* Moscow, Repl-buk Publ.
- Antentas, J.M., 2020. Coronavirus: Notes on Crisis, Borders and the Future of Neoliberalism. *Geographica Helvetica*, no. 4 (75), pp. 431-436. DOI: 10.5194/gh-75-431-2020.
- Correa L.E., Copperwaite F., 2020. Poetics in the Time of Pandemic. There is Always Going to Be a Before and an After. *Portal (Australia)*, no. 1-2 (17), pp. 23-35. DOI: 10.5130/pjmis.v17i1-2.7505.
- Dahiya A., 2020. The Phenomenology of Contagion. *Journal of Bioethical Inquiry*, no. 17, pp. 519-523. DOI: 10.1007/s11673-020-09997-4.
- Duck W., Rawls A. W., 2020. Interactional Expectations Reconfigure in the Time of Covid-19: Implications for the Uncertainty of Social "Reality". *Etnografia e Ricerca Qualitativa*, no. 2, pp. 207-216. DOI: 10.3240/97806.
- Katila J., Gan Y., Goodwin M. H. 2020. Interaction Rituals and 'Social Distancing': New Haptic Trajectories and Touching from a Distance in the Time of COVID-19. *Discourse Studies*, no. 4 (22), pp. 418-440. DOI: 10.1177/1461445620928213.
- Nocco S., Sponziello M., 2020. Habitat, societa ed economia "Post virus". Scenari possibili. *Documenti Geografici*, no. 1, pp. 619-632. DOI: 10.19246/DOCUGEO2281-7549/202001_39.
- Welsch R., Hecht H., Chuang L., Castell Ch. von., 2020. Interpersonal Distance in the SARS-CoV-2 Crisis. *Human Factors*, no. 7 (62), pp. 1095-1101. DOI: 10.1177/0018720820956858.

Information About the Authors

Elena Yu. Leontieva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and Law, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, prof.elena.leontyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3568-8285>

Alexander N. Leontiev, Candidate of Sciences (Philosophy), Associated Professor, Department of Philosophy and Law, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, alexander.leontyev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3550-2508>

Информация об авторах

Елена Юрьевна Леонтьева, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и права, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, prof.elena.leontyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3568-8285>

Александр Николаевич Леонтьев, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, alexander.leontyev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3550-2508>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.2>

UDC 130.2

LBC 87.6



COVID-19 AND POLYGLOT PEACE: A GRAMMATICAL UNDERSTANDING OF OUR PRESENT PREDICAMENT

O. Kroesen

Delft University of Technology, Delft, Netherland

Abstract. The challenge of the COVID-19 pandemic, it is argued in this contribution, can only be met by a common effort of responsibility by all nation states across the world. That is what the COVID-19 pandemic has in common with the upcoming climate crisis and with the social and economic problems of the emerging world society in general. This contribution, however, is not focused on direct and effective methods and solutions. Such measures and methods can only meet their objectives within the framework of a new understanding. It requires a new way of ordering the world, a new type of man, a new way of speaking with and to each other. A new mindset and attitude are required. This, it is proposed, will be a mindset shaped by the grammatical method or, more commonly called, the dialogical philosophy of Rosenstock-Huessy and a circle of friends. It is the aim of the grammatical method to find the right rhythm, sequence and alternation of the different values and institutions of different societies and cultures. This can put the analytical methods and measures for the COVID-19 crisis within the broader framework of a history of salvation. We have to understand where each of our traditions is coming from, and how we are challenged to find a common destination. The COVID-19 crisis turns such mutual understanding and a sense of common purpose into a true imperative. Therefore the potential of the grammatical method to meet that requirement is explored with a special focus on the understanding of language by Rosenstock-Huessy and Levinas.

Key words: COVID-19 pandemic, language, grammatical method, dialogue, history of salvation, world wars, planetary life.

Citation. Kroesen O. COVID-19 and Polyglot Peace: A Grammatical Understanding of Our Present Predicament. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 15-24. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.2>

УДК 130.2

ББК 87.6

COVID-19 И МНОГОЯЗЫЧНЫЙ МИР: ГРАММАТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ НАШЕГО НЫНЕШНЕГО ЗАТРУДНИТЕЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Отто Кройзен

Делфтский технологический университет, г. Делфт, Нидерланды

Аннотация. В статье утверждается, что проблема распространения коронавирусной инфекции может быть решена только общемировыми усилиями всех национальных государств. Это сближает пандемию COVID-19 с климатическим кризисом, с социальными и экономическими трудностями перед формирующимся мировым сообществом. Однако цель статьи состоит не в том, чтобы предложить прямые и эффективные методы решения проблемы. Это возможно только в рамках нового понимания ситуации, что требует нового способа упорядочения мира, нового типа человека, нового способа говорить друг с другом, нового мышления и отношения. Предполагается, что это будет мышление, сформированное грамматическим методом, или, как его чаще называют, диалогической философией Розенштока-Хюсси и круга его единомышленников. Цель грамматического метода состоит в том, чтобы найти правильный ритм, последовательность и чередование различных ценностей и институтов разных обществ и культур. Это позволяет рассматривать аналитические методы и меры для преодоления кризиса COVID-19 в более широких рамках истории спасения. Человечеству необходимо понять истоки своих культурных традиций и на этом основании сформулировать свое общее предназначение. Кризис COVID-19 превращает такое взаимопонимание и чувство общей цели в истинный

императив. Потенциал грамматического метода, призванного решить эти задачи, исследуется на примере философско-лингвистических концепций О. Розенштока-Хюсси и Э. Левинаса.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, язык, грамматический метод, диалог, история спасения, мировые войны, планетарная жизнь.

Цитирование. Кройзен О. COVID-19 и многоязычный мир: грамматическое понимание нашего нынешнего затруднительного положения // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 15–24. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.2>

Introduction

The COVID-19 pandemic is one of the birth pains of the movement towards one global society. We are in the midst of a social revolution that turns nation states and power blocs into parts of one global society. Such a global society is the minimum requirement to meet the challenges of our era, poverty, climate change, mass extinction, violence. But each social revolution, in order to succeed, needs a new language, a new discourse. This new language has emerged during and after the world wars. In essence the world wars are the world revolution, because they mobilized even the remotest parts of the world and they left humanity with the one certainty that it has to live together lest it destroys itself.

It is striking that the language theory of Rosenstock-Huessy came as a response to the first world war, where nations took themselves as absolutes, and that the language theory of Levinas came as a response to the second world war and its atrocities. The message was the same: responsibility for a common future. A better word would even be “responsiveness”. Both of them came up with the idea that the core of our existence is not self-identity, but substitution (Levinas) or transubstantiation (Rosenstock-Huessy). Speech as relation to the other becomes more central than thinking.

Our present day politicians and policies do not yet meet that standard. The COVID-19 pandemic does not only isolate us from each other, but also makes most of our politicians grapple for resources to serve their own constituency. But like with climate change the COVID-19 crisis cannot be solved on a national basis. So our politicians cannot avoid it: they have to talk instead of fight.

1. A strange thing about the diary of Anne Frank

The diary of Anne Frank has become a famous document from the second world war the

world over. It is a diary of a Jewish young girl who had to hide with her family for two years during the German occupation. In 1944 the family was betrayed and apprehended. Anne Frank died in 1944 in Bergen Belsen from typhus. The diary has been translated in 70 languages. Why has it become so popular? The war only appears at the horizon of the book, as its background. The theme of the book is about eight people who had to live together and cope with each other in a too small space. That very well represents the postwar situation of the emerging global society [Leenman 2016]. That is the situation the world wars have brought us into. On a subconscious level that may explain the popularity of the diary. The prospect and the difficulty of living together in a too small space and having to cope with each other despite all differences and conflicts, is precisely the worldwide situation created by the world wars.

The emerging worldwide society is not orchestrated by a central state and having a central state wouldn't even be desirable despite the worldwide cooperation required. This world society has no center and that precisely is the difference between having a state and having a society. A society consists of a multiplicity of centers. Many stakeholders pursuing their own interests and nevertheless have to deal with each other. They do not always like each other, or trust each other, but they are stuck with each other in this small world. They have to negotiate, they have to talk. They have to listen, whether they like it or not. They have to make room for each other in order to make room for a common future. The small society of eight people in the book of Anne Frank mirrors the worldwide predicament we find ourselves in.

2. The world wars as world revolution

The world wars brought us into this predicament. They made it impossible for even the smallest state to turn its back to the rest of

world society. They were the unavoidable outcome of European economic competition and imperialism. They were not only predicted by Karl Marx, but also by Friedrich Nietzsche. The scramble for Africa since 1870, the process of European imperialism subjecting more and more colonies to the European nations, and the emergence of Germany as a central state uniting the different German principalities, are part of it [Winkler 2009]. New technologies were introduced and large-scale production by big investments took off. The European nations took themselves as absolutes and treated each other as external objects, external markets and competitors [Rosenstock-Huessy 1993]. The nations that went to war all suffered from a superiority complex: they estimated it would be a short conflict in which their own forces would easily prevail. They underestimated their enemies. This attitude is related to the prevailing philosophy of the subject with its rationality. For the rational subject everything outside becomes an object. At the level of individual companies this brings a focus on production dealing with everything, workers, materials, a means to reach that goal [Rosenstock-Huessy 1926]. At the level of national politics this meant that one's nations habits came to be understood as logical and rational and values and habits of different nations were considered as inferior and decadent. At the same time the economy globalized and technology unified the world. As a consequence the age of reason stumbled into the most irrational power conflict the world had ever seen.

3. Beyond the dialectics of the French and the Russian Revolutions

Was the scientific socialism of the Russian Revolution than the better solution? The aim was not to leave production and distribution in the hands of individual companies but avoid externalization of costs on the workers and on nature by having all control in the hands of a rationally administrated central government. Five year plans replaced the market, ruthlessly moving people and production materials around in the newly established Soviet Union. And true, during the crisis of 1929 the Soviet Union did not suffer the economic setbacks of the Western nations. Since the second world war some form of central planning of the economy

has become part of the policies of every nation state. However, the dialectics between the French and Russian Revolution cannot hide the fact that both originated from the monolog of reason and logic. Therefore the question remains whether the five-year plan really was the new language of an emerging global society.

4. The discovery of language by Rosenstock-Huessy and a circle of friends

When the first world war broke out Eugen Rosenstock-Huessy was already teaching as a so-called *Privatdozent* at the University of Leipzig since 1912. He was born of Jewish parents in 1888 although his parents lived according to the Christian calendar, so that he once stated he became spiritually awake as a Christian. In the middle of the war he had his vision of European history that would later (1931) lead to his book on European history, *Die Europäischen Revolutionen; Volkscharaktere und Staatenbildung* [Rosenstock-Huessy 1989]. While the European nations were tearing each other apart the vision of European history dawning to him in the trenches of Verdun entailed that the European revolutions which had emerged in the respective nations of Europe actually were part of a dialogue. In creating and developing their different national characters the European nations reacted on each other and build further on each other. That dialogue was the essence of European history. The next revolution sets right the achievements of former ones, after its original innovation and inspiration has become obsolete and petrified. Each time unarticulated parts of our human character are rediscovered and are assigned a more central place and receive a more pronounced expression. Each time a new human type emerges together with a new order of law and a new language. These human types with their ways of speech and codes of behavior, values and inspirations now have to live together by mutual interpenetration, by finding the right alternation of their different values and ways of life.

In this interpretation of history language is put at the forefront. Rosenstock-Huessy was already for a longer time interested in language. In his exchange of letters with his friend Rosenzweig, Rosenzweig asked him at one moment his opinion about the meaning of

languages. This led to a lengthy letter, from 1916, which later became the heart of the brochure *Angewandte Seelenkunde*, published in 1923 [Rosenstock-Huessy 1963]. It also became the methodological basis of the *Stern der Erlösung*, the later main work of Rosenzweig, published in 1921 [Rosenzweig 1976]. In both works it is the imperative of a new love that commands a new marching order both in personal life and in history. Such a new marching order implies a rupture in the natural course of events. As a consequence human life and history breaks in two halves. I have to go beyond my past. It is my soul that is already at the other shore. The new love calls for obedience and courage. The war itself in its meaning was such a new imperative. It called for other commitments than they had before. Rosenstock-Huessy had prepared himself for becoming a scientist of history and language, a real German professor. He now became the first editor of the first factory newspaper of Germany at Daimler-Benz. After the war he couldn't continue his scientific career just like that. He saw how in the turmoil of the national crisis, of labor and industry, the German people was losing its direction and orientation. By means of this factory newspaper and later by organizing work camps with participants from all walks of life he tried not to communicate some or other conviction, but to create mutual understanding in view of a future to come. Challenging, discussing, and involving professors and priests and jobless and students in those discussions, he tried to create a basis of communication and understanding. In this approach language is not in the first place the vehicle for communication, but a means of creating trust and of opening up. A new spirit was becoming awake in those work camps.

The work camps as well as the factory newspaper helped people to grow in their capacity to speak. It helped to replace the most natural reaction towards the fragmentation and mechanization both of the factory system and the war experience. In the understanding of Rosenstock-Huessy the proletarianization of the workers did not so much consist in too low wages but much more in their instrumentalization. Paid by the day or the hour, or per week, being of value merely by the work of their hands, that is what robbed them of their time perspective and of their belongingness and that is what made them

uprooted. This uprootedness was the problem of the population of Germany in general after the first world war [Rosenstock-Huessy 1920]. It had become impossible to identify with some larger history, say the mission of the German Empire, or whatever could provide a lasting identity. All those options had lost their credibility. The most natural reaction to this uprootedness is and has always been to cling all kinds of mythical collectivisms. Socialism and communism as well provided the workers with a collective identity. This made these movements attractive for the workers more than low wages. In a situation of uprootedness these collectivisms created artificial identities, like later also fascism and National Socialism did. In the work camps, however, the collective labor provided the experiential basis of mutual recognition. By exchanging opinions and taking people seriously as adults, by inviting professors and other speakers as participants in the ongoing discussion and not so much as people who know all and everything, workers were challenged to think and judge of their own and to exercise a more independent judgment. It was this capacity to listen and speak and take responsibility that Rosenstock-Huessy wanted to foster.

5. The grammatical method

These circumstances need to be highlighted so that the reader understands the experiential basis of the grammatical method of Rosenstock-Huessy. The grammatical method was not just another theoretical tool. Instead, Rosenstock-Huessy accurately followed the grammatical order of his own experiences. He theorized what he went through himself. He already summarized his grammatical method in his *Soziologie* of 1926 (later completed and published in 1956 and 1958). It is called grammatical, because the moods of grammar play a decisive role in it. The *imperative* mood is expressed by the formula $1 = 1$, meaning that in relation to the realization of a new imperative lonely individuals are at the forefront. They break away from the existing group and have the courage to start something new. The existing group, the collective, like a trade union or a political party that provides identity, is expressed by the, meaning that an indefinite number of people identifies with some idea or utopia or any other collective understanding. This is the *participative*

mood of language, the participation in a common history. In the tension between imperative mood and participative mood individuals should grow towards having their own judgment and having an adult exchange of insights and opinions. This is the *conjunctive* mood, because in open discussion and debate people are conjugated to each other by proposals and counterproposals. Also insights marry with each other. That means they can be valued besides each other and contribute to each other, fine-tune each other: $2 = 1$. Finally the labor group, the team at the shopfloor, represents the *indicative mood*. The shared experience of managing their own daily affairs creates a basis of mutual recognition and growth in responsibility. This is expressed by the formula $3 = 1$, where the number 3 can also be replaced by any other number of workers sharing their daily work as a team.

Rosenstock-Huessy called this fourfold alternation of grammatical moods the cross of reality. By this term he expresses the fact that the alternation, the capacity of saying no to one's fixed identity, is the way of taking up the cross of Christ in the present predicament. The real paganism in our time is the refusal to change by the refusal to respond. "People have to accept me as I am" – that is paganism. For this so-called cross of reality Rosenstock-Huessy also used the sentence "respondeo etsi mutabor", I respond although that brings a change [Rosenstock-Huessy 1970]. At the core of my identity, I do not merely identify with myself, but my future destination is calling upon me. I continuously have to stop with that what I am good at and I have to change and adopt correction and integrate different contributions. In this way ultimately my identity is created. In this way the imperatives of the past that haven't been dealt with sufficiently keep calling upon me as well and this call from the past together with the call from future "make" my identity. Actually my identity is a process in transition. In fact there is no self-identity. By the response that I cannot avoid, step-by-step my identity is created. Rosenstock-Huessy also calls this process *transubstantiation*, because the new generation is constantly evoked anew both by the calls from the past and the destination from the future, and these are the substance of my being, my substance consisting in my response. I am not filled by my own substance. I am as it were a verse in a larger poem.

His friend Rosenzweig absorbed and accepted all these insights on language, but he insisted on the eternal meaning of the voice of Judaism, the people by which the imperative mood was revealed for the first time in its full weight, as in the Jewish Bible and in the Jewish tradition. In its feasts, liturgy, traditions, and its understanding and the practice of the Torah the Jewish people provide the one and lasting incarnation of the imperative for a final and definite justice and peace at the end of history. If it is the Christian mission to change history step-by-step by endorsing time and again new imperatives and realizing them in a process of revolutionary changes the Jews have a different mission. The Christian mission can only be understood as radiation that comes from the Jewish mission, which is to maintain the fire itself where the light comes from. It is Israel that lives in the heat of the fire in its loyalty to the Torah, in its living as a lasting people. This lasting voice of Israel, Rosenzweig felt, is what he should join and express. That is also the message of his *Stern der Erlösung*. That also explains his new practice after its publication. He started the *Freies Jüdisches Lehrhaus* in 1920 in Frankfurt with the aim to teach Judaism in a more self-conscious way.

Within the circle of friends contributing the new approach involving names like Buber, Von Weizsäcker, Michel, one more name should be singled out in this context, that is Hans Ehrenberg. In 1920 he published a book with the title *Die Heimkehr des Ketzers*: the time had come that the divisions of the past should become the contributions as of now [Ehrenberg 1920]. The German word *Ketzer* refers back to the Greek "haeresis" which actually means that a group of people adopts part of the truth, claiming that their part of the truth is the complete truth. He also published texts from Russian philosophers with the title *Östliches Christentum*, in which he made the Christian Orthodox understanding of reality accessible for Western readers. In Dostoevsky and Tolstoy he considered the time to have come for Russian orthodoxy to open up to the west. The Russian orthodox tradition has shown that in the midst of harsh circumstances there is always in a miraculous way room for heroic deeds of gratuitous love. Where in the West the Christian mission might be understood as a process to reorganize society, the Christian orthodoxy of

Russia doesn't organize, but one does help a family through the winter with a sack of potatoes. Sparks of mercy lighten in the dark.

6. The rediscovery of language by Levinas

The discovery of living speech of Rosenstock-Huussy and his circle of friends was characterized by a sudden breakthrough and then a gradual effectuation until the reception process broke off in 1933, with the coming to power of Hitler. In the case of Levinas it was the other way around. In a gradual process of growth and continuous rephrasing he came to an ever deeper understanding of language. Born in 1906 in Lithuania he witnessed the Russian Revolution from close by in 1917. Probably he had similar high expectations as many other Russian Jews. Later he studied with Husserl from 1923 in Germany, Strasbourg, where he also met Heidegger whose philosophy greatly impressed him but from whom he also took a distance. His book of 1961 *Totalité et Infini* can be considered an ethical alternative for the philosophy of Heidegger [Levinas 1961]. His constant accusation to Heidegger was not in the first place that he joined National Socialism, but that his philosophy neutralized human existence, by which he means: he replaced first impressions by general descriptions. Everything becomes neutralized by an intellectual gaze and an intellectual distance towards it, even if whatever ethical considerations may still be present. Levinas is going in the opposite direction: the moral relationship with the other, in the human face, confronts me, appeals to me, agitates me, makes me even the hostage of the commandment of responsibility towards the other human being. It is exposure, more direct than any reflection, more light than the eye can bear, not objectifiable – these are the metaphors in which he describes the urgency of responsibility. The word infinity underlines it. There is no measure. It is overwhelming. It is a command, it creates an asymmetry between me and the other as if the other appears (the term epiphany is used!) from on high.

A decisive influence on Levinas is from Rosenzweig, who is too often present in his work to be cited, as he states. After the second world war Christianity cannot be a seduction for the Jews any more, he notes [Levinas 1963]. On the other hand Levinas doesn't want his philosophy to be

understood as an exclusively Jewish philosophy. It is philosophy. And it should be criticized and understood as such. Nevertheless, like Rosenzweig, he wants to provide a philosophical expression of the Jewish experience of life. And where Rosenzweig uses the term love for the imperative mood, and even speaks of a command to love, Levinas rather prefers the more dry term responsibility or responsiveness. It is not the case that the imperatives of language replace critical and systematic thinking, but the order is from impression to reflection. The idea of infinity, concrete in the human face that challenges me to be responsible, triggers my finite thoughts. It makes me think. I have to answer.

In two important respects the expressions used in his 1973 work *Autrement qu'être, où au delà de l'essence*, are more pronounced when it comes to language than comes forward from his former work. First in this work he differentiates between (French) *dit* (the said) and *dire* (to say). Living speech is always more than what is said. What has been said can afterwards be systematized and reflected upon, and objectified. But the speech act itself is an act of living responsibility, always ahead of reflection. The act of responsibility is in living speech and the system of language itself is a secondary development. Afterwards, reflecting on living speech (*dire*), I may become aware of what precisely I said as an objective statement (*dit*). Life is always more. One is not above it but in it. The other important notion, connected to this, is *substitution*. Always a word refers to another word, expressions implicate and evoke each other. When we equal $A = B$, to an extent at least A can function as a replacement, a substitution for B; by A I understand B. But in its core speaking is itself also substitution: being-for-the-other. It is my essence as a living creature and as human being to be that reference to the other in the core of my existence. Being human is substitution by me for the other, not by choice, but essentially. That doesn't mean that being human only consists of bearing responsibility and that there is no joy and enjoyment. But, also enjoying the food, enjoying the weather and the elements, is already a typically human joy: it assumes peace established, responsibility taken. Otherwise it becomes subhuman, a refusal of responsibility, mixed with fear.

7. Influence of the Russian tradition of Levinas' understanding of language

Although it is often stated that the philosophy of Levinas is essentially Jewish, there is also reason to argue for other influences. Speaking of substitution and even using terms for it like expiation and atonement reminds of the Christian tradition. A Jewish friend of Levinas Jankǎľvitch, became a Christian, and wrote about Christian themes like forgiveness, but that doesn't hinder Levinas in still calling him a Jew in his way of expressing and behaving [Levinas 1963]. Attempts of interviewers to bring to his attention the value of the Christian tradition and explaining the Christian convictions of the interviewers, fail due to his reaction that he doesn't need the Christian contribution to get the same result. Substitution is for him as Jewish as it may be Christian for others. In another respect he may be more Jewish, in that he doesn't pay much attention and has not much confidence in history as a process of growth. He points to the Holocaust to underline the fragility of such growth.

The spirit of Russian orthodoxy may be present in his work as well. When he describes the human face as miserable in essence, arguing that in the other human being we are essentially confronted with human suffering and a call for responsibility, aren't we then in the sphere of Tolstoy and Dostoevsky? On top of that, isn't responsibility for "essential misery" also an expression of gratuitous love without any system or organization? Levinas doesn't seem to trust these systems of salvation of history very much, just like Russian orthodoxy doesn't. Systems of salvation are always on the verge of turning into their opposite. On the one hand we need institutions for protection of human rights and justice, but on the other hand these systems of justice fail to respond to the human face before us in an act of unique responsibility. Soon we will become subject to the rules of those institutions, which then take away responsibility from us [Levinas 1973]. Always in any system of justice some third person is left out. Always someone knocks at the door in order to be let in. But in that criticism, one might ask, does he express his Jewish sense of justice, or also the Russian orthodox conviction that true love cannot be organized?

8. Rosenstock-Huessy's understanding of the European heritage and polyglot peace

Perhaps Levinas' thinking about institutions and social systems is also influenced by the Russian Revolution. His focus on inclusion or exclusion in the rules and regulations does in any case not focus on the human characteristics, values, the human types, mindsets and qualities incorporated in one or other social system. One of the main characteristics of the social system of the Soviet Union was central planning in order to serve the material needs of the masses. Cool calculation and planning have become more articulated and pronounced as legitimate values due to the Russian Revolution. But all the European nations are characterized by a specific set of human qualities that make their systems work. Each and every European revolution succeeded by producing a different set of human qualities and types. Since these human qualities were successful in a time of crisis they became part of the methods for the management of the daily affairs as well. Rosenstock-Huessy distinguishes at least seven of such social upheavals together with the mindsets developing from them.

The papal revolution: during the struggle for investiture (the nomination of bishops) which started in 1076 the Pope claimed authority above the Emperor, although he didn't have physical or military power at his disposal. He always had to move different actors by means of diplomacy and the spiritual authority derived from his office. But throughout Europe laypeople and spiritual people alike came to recognize his authority. During that revolution the spiritual character of his authority was articulated more emphatically and people from high to low learned to distinguish between worldly power and spiritual authority. Authority itself as a human quality in the process became a more spiritual thing.

The city revolution: in the struggle between Pope and Emperor, especially during the 12th century, fraternities, guilds and city councils took the initiative to organize themselves from the bottom up. Formerly organizations like guilds would always have been kept in check by the imperial power. But now guilds and fraternities started to claim jurisdiction for themselves, they made their members take an oath on the laws and regulations,

often under the leadership of the mendicant orders which supported them. They built walls around the cities and negotiated with the nobility with or without some fighting for their independence. In the course of this revolution they developed more civil behavior, as a first step of creating trust and cooperation beyond family loyalties of a clannish or tribal origin. Guilds and fraternities were at the same time spiritual and professional organizations. An open attitude of cooperation increasingly became an asset and a general human quality, that is, part of the public mindset: civility.

The German Reformation: after the theses of Luther in 1517 the German princes were in support of the new movement for Reformation. One of the important claims of Martin Luther was that every believer should be free in his and her own conscience, standing directly in front of God as responsible without being dependent on the mediation of the church. Also the Lutheran princes claimed that same right, so that they took over the authority over Canon law from the church, albeit on the one condition, that they should also orient their consciences on the gospel, which practically meant, orient themselves towards the theological faculties dispersed over the country, for spiritual guidance. Monks and nuns broke away from the monasteries and freely exercised different professions. The freedom of conscience and a professional attitude at farmer homesteads or bakeries, shoemakers etc. became a characteristic of the professions in Germany. Conscientiousness implies a combination of freedom and responsibility. Up to our time this professionalism in Germany leads to high quality products.

The British parliamentary revolution: the lower nobility followed the Calvinist version of the Reformation, which put the right to reform also in the hands of the lower authorities, city councils, or any social group (at least when necessary), that was well-organized and capable to organize church and society from the bottom up. The Commons, the lower nobility in Britain, conquered parliament in a decisive revolutionary change brought about in 1688, the Glorious Revolution. Their team spirit, which they already exercised during the revolution and which made them win the revolution became an important and lasting characteristic of the British Parliament and of British society. This public

spirit remained a strong human quality of the British involving many bottom-up organizations, foundations, NGOs for self-organization and for meeting the needs of society.

The French Revolution: free citizens without an office, just individuals, put an end to the “artificial” hierarchical rule of the nobility and the king with a claim of being just rational and natural and secular. National unification and public opinion were paramount values in governance and public life. The passion of public opinion drove the revolution forward and became a national character trait.

The Russian Revolution: cool calculation of the needs of the proletarians and cool treatment of all the territories of the USSR as one big factory for production by means of five-year plans to which and all and everything was subject has become a lasting characteristic of the nation.

The World Wars: the upheaval of the world wars confronted the nations with the fact that in their competition they had become little more than forces of nature clashing with each other. The only way out has become more intense negotiation, responsibility, in other words: speech itself had to be exercised with a new intensity and has become more pronounced. Besides being a medium for information language increasingly developed into a means of mutual interpretation and interpenetration of different and opposing values. We are in the middle of this process even though we also live under the heavy impact of the French and the Russian Revolution. Everywhere we hear the language of self-destination (France), comprehensive planning (Russian), but also of dialogue and responsibility towards each other and towards the (vulnerable) future, which actually represents the spiritual heritage of the world wars. It is language, living speech, that needs to establish a polyglot peace: different contributions merge with each other and marry to each other. They have to find the when and where of the relevance of each of them, find the right alternation, modify each other, rescue each other, replace each other, support each other. The global postwar order is not merely a sort of mathematical system that includes or doesn't include some or other people from its planning (as Levinas tends to describe it), but more so an order in which different values, human qualities, and concomitant institutions support each other and talk to each other in a continuous and living

process. Such is the vision of Rosenstock-Huessy, which he not only put forward in his book about the European Revolutions, but also in his later work on the emergence of one world society, the *Soziologie* [Rosenstock-Huessy 1956, Rosenstock-Huessy 1958].

**Conclusion: moral neighborhood
and planetary pioneering**

The message of the world wars and of the post world-war situation is clear: we are stuck with each other and we will have to accept responsibility for each other. The language philosophy of Rosenstock-Huessy and later after the second world war Levinas prepares us for that new situation. The primary fact of our existence is that we live morally speaking as neighbors of each other and that as neighbors we have to accept responsibilities we didn't ask for. The world has become one village and the consequences of an economic crisis or a military conflict in one part of the world are immediately felt in the rest of the world. And although we tend to behave as if that is not yet true, we are overtaken by the facts themselves and one of those facts is the COVID-19 situation.

Therefore it is not merely by well understood self-interest that we have to take responsibility for each other. First it is a primary moral fact. It is important to emphasize this sequence, because without recognition of this moral fact and of the new rule of language as connected to the grammatical method, concrete measures and policy proposals will not be taken seriously. The urgency, that is, in terms of the grammatical method, the *imperative* that drives the change should first be recognized. We may not be in a position to solve the COVID-19 crisis if we do not manage to share the vaccines with the whole world population. If the coronavirus circulates in a substantial part of the world population there is a high risk of genetic modification leading to a new type of corona virus that is resistant to the existing vaccines. That might easily lead to a situation in which global society has to go through the complete Corona crisis for a second time. The way the emerging worldwide society deals with the Corona situation also is a warming up for the real crisis that is coming towards us, global warming and climate crisis.

Secondly our different moral and cultural qualities, codes, mindsets, – they need to be understood as contributions. Here a reminder of Hans Ehrenberg is in place: our specializations, culturally, religiously speaking and morally speaking should be tuned towards each other. Not one of them is absolutely right in itself, but all of them need to find the right timing for them to be true. The absolute truths of the past in that sense need to become denominations, voices in a choir. That also implies that our differences may be more interesting than some common denominator. Like a father and a mother need to fine-tune their different contributions towards each other, but not erase their differences, the care of the mother, the strength of the father, in order to raise their children towards maturity, the different traditions that constitute the richness of this world have to find the right order and sequence and alternation.

It may be clear that the way forward cannot be opened merely by representatives of world governments. One cannot expect nation states and power blocs to pioneer new futures. Instead, small groups have to pioneer their way forward in order to clear the thicket around us and find a road that can also be followed by larger numbers. These can be small enterprises, NGOs, civil initiatives, bottom-up networks all over the world [Kroesen 2000]. Our world is endangered by mythical collectivisms of all kinds: uprooted people always try to secure their belongingness even if it means they identify with dangerous political movements and so-called strong leaders. But small groups that recognize their differences may create a different atmosphere and draw others with them. Like the original tribes did such groups have to pioneer their way forward, they are not certain where they are going. The old tribes had to move in space, our modern entrepreneurial and pioneering tribes have to move through time: experiment with new ways of cooperation while also re-connecting to the past. They are the creative minorities that lead the way. Concretely that means they experiment by means of the grammatical method: they are the ones who take a new imperative seriously and follow proposals and counterproposals. Thanks to their substitution, and the sacrifice connected to it, a transubstantiation takes place of the heritage of many cultures into new responsibilities and human types. Their pioneering and courage and their responsibility for the others creates the

support base for institutional change in the end. Only in this way the nations and cultures of this world will live together in a space that is otherwise too small. The COVID-19 situation “forces” us to take the next step in that movement.

REFERENCES

- Ehrenberg H., 1920. *Die Heimkehr des Ketzers – eine Wegweisung*. Würzburg, Patmos Verlag.
- Kroesen J.O., Darson R., Ndegwah J.D., 2020. *Cross-Cultural Entrepreneurship and Social Transformation: Innovative Capacity in the Global South*. Saarbrücken, Lambert.
- Leenman B., 2016. *Als God stukloopt – De maatschappij als erfgenaam van de kerk*. Vught, Skandalon.
- Levinas E., 1961. *Totalité et Infini*. Den Haag, Nijhoff.
- Levinas E., 1963. *Difficile Liberté*. Paris, Albin Michel.
- Levinas E., 1973. *Autrement qu’être*. Den Haag, Nijhoff.
- Rosenstock-Huessy E., 1920. *Die Hochzeit des Krieges und der Revolution*. Würzburg, Patmos Verlag.
- Rosenstock-Huessy E., 1926. *Vom Industrierecht – Reschtssystematische Fragen*. Berlin, Herman Sack.
- Rosenstock-Huessy E., 1956–1958. *Soziologie*. In 2 Bd. Stuttgart, Kohlhammer.
- Rosenstock-Huessy E., 1963. *Angewandte Seelenkunde. Die Sprache des Menschengeschlecht*. Bd. I. Heidelberg, Verlag Lambert, Schneider.
- Rosenstock-Huessy E., 1970. *Speech and Reality*. Norwich, Argo Books.
- Rosenstock-Huessy E., 1989. *Die Europäischen Revolutionen und der Charakter der Nationen*. Moers, Brendow.
- Rosenstock-Huessy E., 1993. *Out of Revolution – Autobiography of Western Man*. New York, Argo Books.
- Rosenzweig F., 1976. *Der Stern der Erlösung*. Den Haag, Nijhoff.
- Winkler A., 2009. *Geschichte des Westens von den Anfängen in der Antike bis zum 20. Jahrhundert*. München, C.H.Beck.

Information About the Author

O. Kroesen, PhD, Assistant Professor in Cross-Cultural Management and Entrepreneurship, Business Ethics, Delft Center for Entrepreneurship, Delft University of Technology, PO Box 5, 2600 AA Delft, The Netherlands, J.O.Kroesen@TUDelft.nl, <https://orcid.org/0000-0002-3054-1639>

Информация об авторе

Отто Кройзен, доктор философии, профессор [в области] кросс-культурного менеджмента и предпринимательства, деловой этики, Делфтский центр предпринимательства, Делфтский технологический университет, PO Box 5, 2600 AA г. Делфт, Нидерланды, J.O.Kroesen@TUDelft.nl, <https://orcid.org/0000-0002-3054-1639>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.3>

UDC [1: 316] (430)

LBC 87.6

SOCIAL PHILOSOPHICAL DISCOURSE OF THE WORLD RISK SOCIETY IN A PANDEMIC SITUATION

Olga M. Lomako

Saratov State University named after N.G. Chernyshevski, Saratov, Russian Federation

Abstract. The author considers the situation associated with coronavirus pandemic and its possible consequences for social cultural processes. The difficulty in risk analysis is that the risk is between objective and subjective, between rational and irrational, between social and existential. The logic of uniqueness gives way to the logic of ambiguity, which finds its expression in the connection of the risk society with the cosmopolitanism. Ulrich Beck's concept of the cosmopolitan turn of modern civilization is updated, which is revealed through the concepts of "danger", "social inequality" and through the existentials "fear", "uncertainty", which indicate the social vulnerability of modern society. We are talking about the need to distinguish between risk and danger, about their complex relationship in modern conditions. Global risks include the coronavirus pandemic: risk has become a global hazard from which future risks and crises originate. The reflexivity of the unknown and the methodological cosmopolitanism – point to a global change in the society in the 21st century, whose priority is security. Cosmopolitanism is expressed in social delocalization, which includes three dimensions: spatial, temporal, and social. Risks have symbolic and existential content and include life guidelines, traditions and cultural norms. The coronavirus was a challenge to the intellectual sphere of society. The author focuses on the transformation of risks in the field of science and education. Self-isolation and social distance initiate the active introduction of distance education and media education. Attempts are being made to identify possible risks resulting from the introduction of media technologies in the educational system. The concept of the multiplicity of interpretations of riskogenics allows us to understand the prospects for the transformation of the global risk society in a pandemic situation.

Key words: social philosophy, world risk society, pandemic, security, methodological cosmopolitanism, social risk discourses, media education.

Citation. Lomako O.M. Social Philosophical Discourse of the World Risk Society in a Pandemic Situation. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 25-30. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.3>

УДК [1: 316] (430)

ББК 87.6

ФИЛОСОФСКИЕ ДИСКУРСЫ МИРОВОГО ОБЩЕСТВА РИСКА В СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ

Ольга Михайловна Ломако

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются ситуация, связанная с пандемией коронавируса в мировом обществе риска, и ее возможные последствия для социокультурных процессов. Трудность в социально-философском анализе риска заключается в том, что риск находится между субъективным и объективным, между рациональным и иррациональным, между социальным и экзистенциальным. Логика однозначности уступает место логике многозначности, которая находит свое выражение в соединении общества риска с космополитизмом. Актуализируется концепция У. Бека о космополитическом повороте современной цивилизации, это раскрывается через понятия «опасность», «социальное неравенство» и через экзистенциалы «страх», «неуверенность», которые свидетельствуют о социальной уязвимости современного общества. Речь идет о необходимости различения риска и опасности, о их сложной взаимосвязи в современных условиях. К глобальным рискам относится пандемия коронавируса: риск стал глобальной опасностью, из которой берут начало будущие риски и кризисы. Рефлексивность неизвестного и методологический космополитизм

указывают на изменение социального бытия в XXI в., приоритетом которого становится безопасность. Космополитизм выражается в социальной деллокализации, которая включает три измерения: пространственное, темпоральное и социальное. Риски обладают символическим и экзистенциальным содержанием и включают жизненные ориентиры, традиции и нормы культуры. Коронавирус явился вызовом интеллектуальной сфере общества. Автор акцентирует внимание на трансформации рисков в области науки и образования. Самоизоляция и социальная дистанция инициируют активное внедрение дистанционного образования и медиаобразования. Предпринимаются попытки выявления возможных рисков в результате внедрения медiateхнологий в образовательную систему. Представление о множественности трактовок рискогенности позволяет осмыслить перспективы трансформации мирового общества риска в ситуации пандемии.

Ключевые слова: социальная философия, мировое общество риска, пандемия, безопасность, методологический космополитизм, социальные дискурсы риска, медиаобразование.

Цитирование. Ломако О. М. Философские дискурсы мирового общества риска в ситуации пандемии // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 25–30. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.3>

Взрыв пандемии коронавируса и борьба с ним означают вызов и двойную ответственность для науки. Пандемия изменила роль образования в обществе. Еще никогда прежде она не была настолько в центре внимания социума, поскольку никогда прежде не оказывалась компасом не только для политических решений, но и для всех сфер общественной жизни. Это значение научных исследований и внимание к ним раскрывают огромную ответственность. В то же время COVID-19 представляет многостороннее поле для изучения. Поэтому стало очевидным, насколько важной является кооперация в науке как в национальном, так и в интернациональном масштабе. В условиях эпидемии выявилась также ценность сохранения знаний. Вполне очевидно, что в период продолжительной пандемии общественность и политика ждут от исследователей быстрых и эффективных результатов [Becker 2020, 2–3].

Первым ответом на вызов SARS-CoV-2 стало обращение к футурологии и прогнозированию – бегство в будущее, словно по сравнению с будущим настоящие проблемы не так уж и важны. «Каким будет мир после пандемии?» – вот вопрос, который задают политики, экономисты, представители разных областей знания и практики. «Однако в условиях не просто пандемии, а общего кризиса понятие “мир после пандемии” оказывается слишком сильным обобщением – и для описания текущей реальности, и как концепт... Такие обобщения... исключают из поля зрения сверхсуммативность, когда на фоне собственной логики развития биокатаклизма взаимосвязанные изменения в политике, экономике, технологиях и институтах

вступают в контакт с движениями в сфере идеологии и культуры, сознания и бессознательного, запуская процессы обвального характера» [Рубцов 2020, 23–24].

Приоритетными направлениями становятся ранняя диагностика, исследование причин и интенсивности воздействия на человеческий организм эпидемий и пандемий на примере SARS-CoV-2 и других патогенных микроорганизмов и вирусов. Сюда относятся также психологические, общественные и культурные факторы возникновения, распространения и лечения эпидемий, включая правовые и этические импликации.

В своем проекте под названием «Политическая иммунология» Б.В. Марков проводит аналитику биологического, социально-исторического и культурно-символического контекстов дискуссий о природе COVID-19. Он приходит к неутешительному выводу, что наше представление о том, какими должны быть отношения человека с природой, оказывается весьма сомнительным: «Экологический и, наконец, вирусологический кризис со всей отчетливостью показывает, что ее капиталистическое освоение представляет собой угрозу выживанию человечества» [Марков 2021, 4]. Продолжая свою мысль, он говорит, что первой необходимостью при осмыслении начала пандемии была попытка сопротивления врагу-вирусу. Усилия ученых направлены на разработку нового оружия – лекарств, средств индивидуальной защиты и вакцины; медики, спасая больных, рискуют как на войне – собственной жизнью. Страх, неопределенность и изоляция достаются обывателю. Паника, охватившая людей, подталкивает к вопросу: «В чем причина страхов и не свиде-

тельствуют ли они об уязвимости современного общества?» [Марков 2021, 5].

В своем фундаментальном труде «Мировое общество риска. В поиске утраченной безопасности» У. Бек рассматривает соотношение риска и социальной уязвимости, подчеркивая, что данные понятия представляют по сути две стороны одной медали. Эта простая мудрость разделяется всеми подходами к изучению риска как некоего совокупного продукта. Более того, без определения понятия социальной уязвимости речь о глобальных опасностях теряет всякое содержание. В последние годы термин «уязвимость» постепенно стал ключевым в исследованиях рисков и теперь составляет ядро глобального социально-структурного анализа. Социальная уязвимость есть суммарный термин, включающий средства и возможности, которыми располагают индивиды, общества и целые народы для того, чтобы осмыслить риски и последствия в самом их бытии. Социально-философское понятие уязвимости имеет решающее отношение к будущему, оставаясь при этом тесно связанным со всей глубиной прошлого, поскольку «культурные раны» образуют значимый фон для понимания космополитических конфликтов. Чем более маргинальными являются экономические и политические возможности определенной социальной группы, тем уязвимее она. Но что означает уязвимость в определенном контексте и как она приобрела свою значимость?

Согласно концепции У. Бека, социальная уязвимость не ограничивается ни временем, ни пространством, а может пониматься методологически только из космополитического момента. «Последовательное проведение космополитического анализа позволяет вскрыть космополитические патологии, в которых перекрещивание природных и социальных условий и опасностей могут разжечь величайшие катаклизмы XXI века» [Beck 2015, 322]. Именно таким катаклизмом явилась пандемия коронавируса с ее глобальным кризисом.

Герд Гигеренцер, директор «Центра компетенции по риску» (Zentrum für Risikokompetenz), основанного в Германии в 2009 г., в монографии «Риск. Как принимают правильные решения» обращает внимание на важность пони-

мания природы рисков и их последствий прежде всего в области медицины. С большим сожалением он отмечает полное отсутствие в учебных планах большинства медицинских факультетов проблематики рисков. Иначе говоря, «врачи учатся всему, но только не тому, как оценивать риски» [Gigerenzer 2014, 209].

Риск означает предвидение неизвестного, предсказание непредсказуемого. В начале XXI в. каждое действие связано с ним. Он становится глобальным. На вопрос о том, что же определяет глобальные риски, немецкий социолог и философ У. Бек дает четкий ответ: это прежде всего делокализация, (Delokalisation), которая означает, что причины и следствия совершаемых действий больше не ограничены каким-либо одним географическим местом или пространством. Они в принципе пронизывают собой все и присутствуют везде. При этом последствия рисков не могут быть предусмотрены и просчитаны. Это значит, что риски являются лишь гипотетическими, поскольку речь идет о предсказании непредсказуемого. «Делокализация связана, в свою очередь, с невозможностью компенсирования современных рисков, поскольку их последствия необратимы» [Beck 2015, 103]. Так, например, бесповоротным является изменение климата, прогресс в генетике. Несомненно, возникновение молекулярной медицины явилось сменой парадигмы в науке. Если диагностика происходит не с помощью клинического исследования и аппаратного измерения, а определяет изменения генома и протеома – это означает очевидный научный прогресс. Предикативная генная диагностика, обладая генетической информацией, рассматривает вопросы будущего далеко за границами терапии, а возможность многих заболеваний или частота некоторых предрасположенностей могут быть определены, от этого во многом зависят индивидуальные жизненные планы и социальные проекты. Знание о повышенных рисках заболеваний может способствовать их предотвращению. Однако, с другой стороны, «генная инженерия открывает дверь к проникновению рисков, имеющих далеко идущие негативные последствия» [Bruchhausen, Schott 2008, 216]. Если прогресс в генетике вторгается в человеческую природу необратимым для нее способом, уже не приходится говорить о какой-либо

компенсации риска, поскольку разрушается сама логика этого.

Методологический космополитизм должен пониматься в этом смысле как «формирующаяся исследовательская повестка дня» (Forschungsagenda), которая позволяет возвратиться к исходному предмету анализа современной реальности – действительности, ставшей ни национальной, ни интернациональной, а космополитической. Такой ракурс исследования открывает горизонт для «космополитического реализма» – новой критической теории мирового общества риска, основной смысл которой заключается в том, что внешние опасности воспринимаются как опасности внутренние.

При этом глобализация внешних проблем как проблем внутренних следует своей собственной логике. «Внешние опасности являются латентными последствиями биологических, технических, экономических решений, принимаемых как государствами, так и отдельными индивидами. Чем новее проблемы, тем более они непостижимы, тем труднее становится предвидение реальной опасности» [Beck 2015, 288]. Именно к таким опасностям относится пандемия коронавируса: риск стал глобальной угрозой, из которой берут начало будущие риски и кризисы.

Речь идет об антагонизме риска, который кроется в самой его логике – противостояние между теми, кто принимает решения (Entschlosser), и пострадавшими (Betroffene) – социальными группами, народами, которые страдают от этих решений и их последствий. Такое социальное неравенство есть продукт особого рода, рождаемый внутренней логикой риска, суть которой в предвидении непредсказуемого.

Тот, кто пытается раскрыть связь риска и социального неравенства, должен определить суть социально-философского понятия риска. Он не задается изначально, лишь впоследствии распределяется социально неравномерно, так что риск и социальное неравенство оказываются неразрывно связанными. Эта асимметрия и заключающееся в ней противостояние дальнейших жизненных перспектив не являются чем-то поверхностным и побочным, а составляют саму сущность риска.

Очень часто риск и опасность понимают как одно и то же. Если опасность приходит извне, то риск всегда предполагает собой чье-либо решение. Следовательно, тот, кто это решение принимает, производит тем самым радикальную асимметрию между теми, кто принимая решение, отваживается на риск и предвидит его последствия, и теми, кому предопределено и предписано нести на себе, на своем здоровье и жизни последствия чужих решений, не имея никакой возможности как-то повлиять на ситуацию, будучи не в состоянии принять какое-то участие в исполнении решений [Beck 2015, 252].

По убеждению Н. Лумана, риски представляют собой специфическую форму диспозиции будущего, «двусторонний медиум вероятного / невероятного, переход от одной стороны к другой» [Luhmann 2003, 81]. Можно принять рискованное решение или ждать, но при этом ожидание также оборачивается риском. Речь идет о различии риска как предвиденной катастрофы и катастрофы фактической. В данном случае глобальный риск понимается как инсценировка возможной реальности мирового риска. Именно через инсценировку мирового риска будущая катастрофа представляется как существующая в настоящем. При этом сам термин «инсценировка» вовсе не означает – как это часто встречается в обыденном мышлении и в разговорной речи – некую фальсификацию действительности через преувеличение «нереальных» рисков. Феномен «инсценировки риска» детерминирован мировым обществом риска.

Все стороны социального бытия пронизаны рисками, обретающими глобальный характер: экономика, политика, медицина и т. д. Большую тревогу вызывают риски, связанные с состоянием современного образования, с необходимостью перехода на дистанционные формы обучения. Информация и дигитализация становятся новой «религией» – тем проектом, согласно которому «нет субстанционального различия между субъектом и объектом, между человеком и техникой» [Feustel 2018, 137]. Принципиальное изменение статуса информации в информационном обществе означает тотальное расширение ее негативных возможностей практически во всех сферах социальной действительности, в том чис-

ле, несомненно, в сфере образования, которое в условиях пандемии стало дистанционным.

Как справедливо замечает В.В. Савчук, при дистанционной форме образования «главными требованиями полагаются способ трансляции информационного материала, его наглядность и доступность. Однако возможность доступности информации приходит в противоречие с ее реальным избытком. В результате важным оказывается не столько поиск информации и не сама информация, сколько отсеивание ненужной и ложной информации. Как следствие, рождается новая форма бегства от свободы и новая форма отчуждения через подчинение сетевому коллективно-му разуму» [Савчук 2020, 84–85].

В начале июня 2020 г. в Германии была образована междисциплинарная комиссия исследования пандемии, в которую вошли 18 представителей из разных областей науки, включая исследования в сфере образования. Приоритетом является анализ кризисной устойчивости (Krisenresistenz) образовательной сферы и направлений инноваций в области дигитализации обучения – это и есть та необходимость, которую диктует опыт пандемии. Какие ресурсы, компетенции и условия нужны системе образования – вопрос не новый, но с учетом условий пандемии он встает с большей настойчивостью и требует ответа [Unterstell 2020, 4–5].

Вопросы медиаобразования, дигитализации образования в условиях пандемии стали предметом дискуссий в России и далеко за ее пределами, обретая космополитический характер. Предпринимаются попытки выявления возможных рисков в результате внедрения медиатехнологий в образовательную систему. Разводя понятия «медиаобразование» и «образование», А.И. Стребков предостерегает как от «абсолютизации медиаобразования», так и от его «принудительного насаждения» в педагогический процесс, что может привести к риску «возвращения догматизма в образовании». При этом автор подчеркивает, что внедрение дигитализации в образование «должно стать естественным процессом и потребностью той или иной образовательной программы; лишь компетентностная необходимость должна выступать основополагающим критерием инкорпорации медиаобра-

зовательных технологий» [Стребков 2020, 5]. Образование как творческий процесс формирования образа человека требует особой атмосферы, определенного места погруженности в интеллектуальную работу, совместного проживания дискурсивного события.

Риски не являются ценностно нейтральными, они обладают символическим и экзистенциальным содержанием, которое включает жизненные ориентиры, традиции и нормы культуры. Так, география и топография города – благодаря изменению жилища, соответственно, условиям комфорта – определили условия реализации индивидуализма в эпоху Модерна. Однако решение этой проблемы тут же породило другую – одиночество человека и его неукорененность. Если прежнее место понималось как ойкумена, где воспитывалось чувство солидарности и взаимопонимания, то современное городское жилище больше всего похоже на обитаемый остров для изолированного индивида [Ломако 2014, 50]. Город диктует совершенно определенный – «городской» – стиль отдыха. Возникают анимационные центры, гипермаркеты и другие места комфортабельного досуга и массового развлечения. Пребывание в местах скопления людей, растворение в массе часто означают для человека и отдых от него самого. Требование социальной дистанции и длительной самоизоляции как необходимые условия борьбы с пандемией явились серьезным психологическим испытанием прежде всего для жителей больших городов.

Пожалуй, основная трудность в анализе риска заключается в том, что риск находится между рациональным и иррациональным, между определенностью и неопределенностью, субъективностью и объективностью. Логика однозначности уступает место логике многозначности, которая находит свое выражение в соединении общества риска с космополитизмом. Возникновение пандемии привело к изменению многих философских понятий и метафор описания современного общества. Так, самоизоляция и социальная дистанция, надежность и ненадежность, доверие и ожидание, надежда и разочарование, страх и неуверенность наполняются новым содержанием и активно включаются в семантику социально-философского дискурса. Трансформация мирового общества риска в ситуации наступле-

ния COVID-19 инициирует появление новых философских дискурсов, направленных на создание общей планетарной ответственности, на поиск новых возможностей минимизации рисков и опасностей настоящего с ориентиром на будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ломако 2014 – *Ломако О.М.* Трансформация власти в большом городе: генеалогия и аналитика // *Власть*. 2014. № 3. С. 48–51.
- Марков 2021 – *Марков Б.В.* Политическая иммунология. М.: Проспект, 2021.
- Рубцов 2020 – *Рубцов А.В.* Вирусы и цивилизация. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов // *Вопросы философии*. 2020. № 8. С. 20–31.
- Савчук 2020 – *Савчук В.В.* Медиаобразование – эпифеномен цифровизации // *Вопросы философии*. 2020. № 5. С. 83–86.
- Стребков 2020 – *Стребков А.И.* Медиаобразование и образование: риски, потери и приобретения // *Вопросы философии*. 2020. № 3. С. 5–8.
- Beck 2015 – *Beck U.* Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2015.
- Becker 2020 – *Becker K.* Mit exzellenten Grundlagen und Gemeinschaftssinn // *Forschung*. 2020. No. 2. S. 2–3.
- Bruchhausen, Schott 2008 – *Bruchhausen W., Schott H.* Geschichte, Theorie und Ethik der Medizin. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008.
- Feustel 2018 – *Feustel R.* Am Anfang war die Information. Berlin, Verbrecher Verlag, 2018.
- Gigerenzer 2014 – *Gigerenzer G.* Risiko. München: Verlag Random House GmbH, 2014.

- Luhmann 2003 – *Luhmann N.* Soziologie des Risikos. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 2003.
- Unterstell 2020 – *Unterstell R.* Richtungsweisende Perspektiven // *Forschung*. 2020. № 3. S. 4–5.

REFERENCES

- Lomako O.M., 2014. The Transformation of Power in a City: Genealogy and Analytics. *Vlast'*, no. 3, pp. 48-51.
- Markov B.V., 2021. *Political Immunology*. Moscow, Prospekt Publ.
- Rubcov A.V., 2020. Viruses and Civilization. About the New Bio-Disasters Influence on the Evolution of Socio-Cultural Models and Civilizational Projects. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 20-31.
- Savchuk V.V., 2020. Media Education is an Epiphenomenon of Digitalization. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 83-86.
- Strebkov A.I., 2020. Media Education and Education: Risks, Losses and Acquisitions. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 5-8.
- Beck U., 2015. *World Risk Society. In Search of the Lost Security*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag Publ.
- Becker K., 2020. With Excellent Foundations and a Sense of Community. *Forschung*, no. 2, pp. 2-3.
- Bruchhausen W., Schott H., 2008. *History, Theory and Ethics of Medicine*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ.
- Feustel R., 2018. *At the Beginning Was the Information*. Berlin, Verbrecher Publ.
- Gigerenzer G., 2014. *Risiko*. Munich, Random House GmbH Publ.
- Luhmann N., 2003. *Sociology of Risk*. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ.
- Unterstell R., 2020. Groundbreaking Perspectives. *Forschung*, no. 3, pp. 4-5.

Information About the Author

Olga M. Lomako, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Theoretical and Social Philosophy, Saratov State University named after N.G. Chernyshevski, Astrakhanskaya St, 83, 410012 Saratov, Russian Federation, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Информация об авторе

Ольга Михайловна Ломако, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.4>

UDC 177.9

LBC 87.713.12

JUSTICE IN THE COVID-19 PANDEMIC: MOBILITY CAPITAL AND NEW SOCIAL ORDER

Evgeniy V. Karchagin

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The COVID-19 pandemic forces us to reconsider the conceptual boundaries of the world and everyday social order, affecting such pairs of concepts as: natural / artificial; habitual / extraordinary. The author considers one of the aspects of the changes having occurred: the transformation of spatial mobility, which is connected with deep social changes. In the first part, the experience of isolation is interpreted on the basis of the theoretical resources of the social theory of mobilities, primarily the concepts of mobility capital and mobility justice. Not all social groups were equally mobile, because they had different mobility capital. The issue of mobility equity has taken in a new context: a natural global threat that has exacerbated the existing inequalities caused by the emergency. The second part of the article deals with the concept of “state of emergency” by G. Agamben and analyzes the issue of transgression of the system of the world social order, including its everyday dimension. The answer to this question is given on the basis of an analysis of the interpretations and forecasts of the leading contemporary European intellectuals (Agamben, Žižek, Latour, Sloterdijk, Fuller). The problems of social distancing, the transformation of higher education, the increase in the powers of the state, associated with medical justifications are considered. Important parameters of the new social order are the environmental factor and the need for socio-critical optics to understand the consequences of the pandemic. Analysis captures the increasing role of digital intermediaries of social interactions, which forms a new context for the problem of justice, opening up perspectives for issues of distance with digital technologies and issues of digital ecology.

Key words: mobility, mobility capital, social order, emergency, justice, COVID-19, pandemic, new normality.

Citation. Karchagin E. V. Justice in the COVID-19 Pandemic: Mobility Capital and New Social Order. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 31-38. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.4>

УДК 177.9

БК 87.713.12

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: МОБИЛЬНОСТНЫЙ КАПИТАЛ И НОВЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Евгений Владимирович Карчагин

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Пандемия COVID-19 заставляет пересмотреть концептуальные границы мирового и повседневного социального порядка, затронув такие пары понятий как: естественное / искусственное; привычное / чрезвычайное. Данная статья затрагивает один из аспектов произошедших изменений: трансформацию пространственной мобильности, который, однако, имеет выход и на уровень анализа более глубоких общественных изменений. В первой части опыт изоляции осмысливается на основе теоретических ресурсов социальной теории мобильностей, прежде всего понятий мобильностного капитала и мобильностной справедливости (Дж. Урри, Т. Крессвел, В. Кауфман, М. Шеллер, Н. Кук, Д. Бутц). Не все социальные группы оказались одинаково (им)мобильными, поскольку обладали разным мобильностным капиталом. Проблема мобильностной справедливости приобрела новый контекст – естественной глобальной угрозы, из-за которой усугубились существующие неравенства, обусловленные чрезвычайной ситуацией. Во второй части статьи затрагивается понятие «чрезвычайное положение» Дж. Агамбена и анализируется вопрос трансгрессии системы мирового социального порядка, включая его повседневное измерение. Ответ на этот вопрос дается на осно-

вании анализа интерпретаций и прогнозов ведущих современных европейских интеллектуалов (Дж. Агамбен, С. Жижек, Б. Латур, П. Слотердайк, С. Фуллер). Рассматриваются проблемы социального дистанцирования, трансформация высшего образования, увеличение полномочий государства, сопряженные с медицинскими обоснованиями. Кроме того, важным параметром нового социального порядка является экологический фактор и необходимость социально-критической оптики для осмысления последствий пандемии. Делается прогноз, который фиксирует возрастающую роль цифровых посредников социальных взаимодействий, что формирует новый контекст для проблемы справедливости, открывающий перспективы для вопросов политической дистанции с цифровыми технологиями и цифровой экологии.

Ключевые слова: мобильность, мобильностный капитал, социальный порядок, чрезвычайное, справедливость, COVID-19, пандемия, новая нормальность.

Цитирование. Карчагин Е. В. Справедливость в условиях пандемии COVID-19: мобильностный капитал и новый социальный порядок // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 31–38. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.4>

Введение

30 января 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила вспышку инфекции, вызванную коронавирусом SARS-CoV-2, чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение. Длительность и масштаб распространения пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. и ее всестороннего воздействия на сложившийся порядок заставляют поставить вопрос о трансгрессивных эффектах пандемии. При этом важен и глобальный уровень, и уровень повседневности¹. Поскольку они взаимосвязаны, трудно сказать, где происходят самые серьезные изменения. Однако многие согласятся, что COVID-19 представляет собой «патологический эксперимент на природе наших общественных отношений» [Sharin web]. Действительно, пандемия заставляет пересмотреть концептуальные границы мирового и повседневного социального порядка, затронув такие пары понятий, как естественное / искусственное; привычное / чрезвычайное.

В данной статье затрагивается один из аспектов произошедших изменений – спад, «кризис» пространственной мобильности. В ситуации, вызванной решениями правительств, одни пространства и маршруты перемещений, оказались недоступны, другие – ограниченно доступны. В этой связи в статье я касаюсь: 1) последствий пандемии для социальной жизни, способствовавших углублению существующих неравенств и несправедливости в сфере мобильности; 2) трендов в изменениях социального порядка, определяющих будущее социальности.

Мобильностный капитал и справедливость в условиях пандемии

Изоляция – это феномен, схватывающий сущность «пандемического» опыта. В изоляции люди лишились свободы передвижения, то есть оказались в ситуации, в которой невозможно совершать те движения и перемещения, которые были привычны и доступны ранее, и этот опыт обездвижения требует осмысления.

Для прояснения этого опыта я обращаюсь к социальной теории мобильностей [Урри 2012]. Почему мобильностная парадигма выбрана для осмысления социальных проблем, вызванных пандемией? Основной ее потенциал – теоретическая фундаментальность, то есть это по большому счету теория общества вообще: одновременно и полноценная социальная теория, и философская антропология. Мобильность представляет собой ключ к пониманию того, что такое человек и общество вообще, поскольку люди и социальные группы производят различные виды движения.

Главным ресурсом этой теории для целей статьи я считаю два различия. Первое проводит границу между обычным движением (movement), то есть простым перемещением и мобильностью – перемещением, сопряженным с определенным смыслом. Если движение означает простой факт перемещения из пункта А в пункт Б, то мобильность обязательно связана со значением и смыслом [Cresswell 2006, 9]. Второе различие касается мобильности, то есть социокультурного движения, и «мотильности» (потенциальной мобильности) [Kaufmann, Bergman, Joye

2004]. В этой связи люди обладают неравным мобильностным капиталом, поскольку мобильность – это ресурс. Не всякий человек обладает одинаковым ресурсом движения. Люди по-разному мобильно «оснащены» и имеют разные возможности совершать нужные для себя перемещения. Не всегда движение есть благо, иногда, когда человеку необходимо остаться на месте и не перемещаться, вынужденное движение представляется как тягота и нежелательное обременение. Соответственно, существуют мобильно бедные и мобильно богатые люди, а также неравномерное распределение мобильности и мобильностного капитала, то есть возможности (и одновременно невозможности) перемещаться или оставаться на месте.

Существенность человеческих передвижений и возможности оставаться на месте выражается в том, что ограничение передвижения и, наоборот, принуждение к перемещениям воспринимаются негативно и являются одной из форм поражения в правах. В изоляции многие люди были вынуждены трансформировать свой привычный режим (им)мобильности.

Карантинные и изоляционные меры в разных странах получили различную степень: если в некоторых регионах Российской Федерации был введен режим чрезвычайной ситуации, то во многих других государствах было объявлено чрезвычайное положение. Многие люди для того, чтобы сохранить возможность обеспечить свои семьи и себя необходимым для жизни, были вынуждены перемещаться по городу, подвергая свою жизнь и жизнь близких риску. У них не было возможности оставаться в совершенной изоляции, в связи с чем обострилось социальное неравенство между теми, кто может выполнять удаленную работу, и теми, кто вынужден совершать поездки каждый день. Пандемия оказалась особенно тяжелым испытанием для жителей индийских трущоб, африканских неформальных поселений и бразильских фавел и в целом для городов Глобального Юга. Однако негативные последствия в отношении риска здоровья испытывали и небогатые жители городов Глобального Севера [Cole et al. 2020].

Данные по таким городам, как Барселона и Нью-Йорк, показывают, что пандемия оказала наибольшее влияние на горожан, ко-

торые редко занимаются удаленной работой и чьи поездки на работу увеличивают вероятность заражения вирусом [Gutiérrez, Miravet, Domènech 2020]. Иными словами, это обще-значимая глобальная проблема.

Социальное положение тех, у кого мобильностный капитал меньше, усугубилось, ухудшилось. В итоге они пострадали больше, нежели те, кто обладали возможностью не совершать этих перемещений или пребывать в своих жилищах, более удобных и менее стесненных для жизни, и имели возможность работать удаленно, то есть владели средствами цифровой коммуникации. В лучшей ситуации оказались люди с более высокими доходами и уровнем жизни, которые не зависят от общественного транспорта, имеют личные автомобили и загородную недвижимость. Это ставит проблему справедливости заново и в новом контексте.

Как таковая проблема справедливости возникает в ситуации необоснованных неравенств, которые могут быть двух типов: естественными и искусственными. С естественным неравенством люди стараются совладать с помощью социокультурных механизмов. Гораздо более негативно воспринимаются неравенства социального или культурного происхождения, у которых нет достаточного обоснования и от этого они воспринимаются как несущественные. Это приводит к возмущению со стороны «чувства» справедливости, что требует соответствующей реакции и понимания. Как пишет Г. Коген, «акцидентальное неравенство – несправедливо» [Cohen 2011, VII–VIII].

Следующим инструментом для понимания опыта изоляции я считаю обращение к понятию справедливости, которое неизбежно состоялось и в мобильностной теории, прежде всего благодаря работам американской исследовательницы Мими Шеллер [Sheller 2018]. Действительно, источником той или иной формы порядка мобильности могут быть как естественные причины (климат или стихийные бедствия²), так и социокультурные факторы, включая действия правительств и различных общественных организаций.

Пандемия оказалась фактором, который превышает силу и масштаб локального бедствия, и «неконкретность», удаленность климатического фактора. Пандемический эффект

оказался чрезвычайно близким, когда практически все люди на длительное время были лишены возможности совершать привычные передвижения, и наоборот, обычные передвижения стали сопрягаться с опасностью и риском для здоровья и жизни. Пандемию можно назвать естественным фактором чрезвычайного характера. Ограничения для мобильности имелись на всех уровнях – от закрытия государственных и региональных границ до режима индивидуальной самоизоляции, что сделало для большого количества людей близким опыт чрезвычайного. Ранее исследователей справедливости такие факторы привлекали в меньшей степени, однако теперь значимость этого фактора вырастает и чрезвычайный характер этой ситуации тоже требует осмысления. Если привычный опыт жизни располагается на пересечении пары понятий – естественное / природное и социальное / искусственное; то новый опыт оказался периодом продолжительного *чрезвычайного*, главным фактором которого стал природный феномен вирусной инфекции.

Чрезвычайное положение и «новая нормальность»

Самым знаменитым теоретиком чрезвычайного является итальянский философ Джорджо Агамбен. Его аналитическая реконструкция истории чрезвычайного положения показала, что европейские власти начиная с римского периода использовали его для отмены или «временной приостановки» права [Агамбен 2011, 10]. В результате с начала XX в. чрезвычайное положение становится из исключения правилом, превращаясь в «управленческую технологию» [Агамбен 2011, 16].

Чрезвычайное положение сдвинуло нашу привычную жизнь, ведь это состояние продлилось относительно долго. Природное явление (вирус) было опосредовано государственными властными мероприятиями и постепенно стало частью повседневной рутины. Пандемия как чрезвычайное явление постепенно стало оповседневниваться. Однако любое чрезвычайное положение неизбежно должно смениться нормальным. В этом контексте многих беспокоит вопрос, каким теперь будет социальный порядок, новая «нормальность»?

Будет ли эта ситуация продлеваться дальше и в каком виде? Будет ли откат, и в какой степени, в каких странах и в каком положении кристаллизуется порядок «новой нормальности»? Носит ли трансгрессия временный характер, то есть произойдет ли откат к «доковидным» временам или мы стали свидетелями трансгрессии необратимого характера?

Дж. Агамбен не мог не отреагировать на социально-политические изменения, сопровождавшие пандемию. В своей довольно радикальной книге «Где мы находимся? Эпидемия как политика» [Agamben 2020] он выделил несколько трендов, обозначившихся во время пандемии и имеющих все шансы закрепиться в будущем. Существенными я считаю четыре: трансформация высшего образования; социальное дистанцирование; появление «медицинской религии»; увеличение полномочий государства.

Главнейший из перечисленных трендов – *социальное дистанцирование*, опосредованное цифровыми технологиями, на мой взгляд, будет расширяться. Роль цифровых устройств и нечеловеческого фактора при этом многократно возрастет. Тренд на *закрытие университетов* мне представляется слишком радикально сформулированным. Речь скорее идет о серьезной деформации или трансформации университетской академической жизни, поскольку останется вопрос социализации студентов и профессиональная социализация будущих ученых. Уничтожение университетов не сможет решить задачу воспроизводства кадров высшей квалификации.

Увеличение полномочий *государства* сопряжено с появлением *медицинской религии*. Согласно Агамбену, во время пандемии возникла новая управленческая парадигма: «политика биобезопасности». Новое положение вещей таково, что опасность представляет каждый человек. Под подозрением оказывается не условный выходец из арабских стран и носитель стереотипных черт радикального экстремиста, а человек без маски, человек чихающий; каждый человек становится подозрительным и подозреваемым. В связи с этим можно предположить, что мировой порядок претерпит существенные изменения, подобно тому, как это случилось после 11 сентября 2001 г., когда была объявлена война против

международного терроризма, а принцип безопасности позволил нарушать принципы личной неприкосновенности и иметь правительствам «тоталитарный характер». Можно упомянуть появившуюся после этого «инфраструктуру безопасности», ставшую привычной в транспортных узлах. Возможно, что теперь она «обогатится» медицинской составляющей.

Не все исследователи в своих высказываниях столь же радикальны и критичны, как Агамбен. Б. Латур, например, находит большую пользу в том, что у людей появилось время побыть наедине с собой, поразмышлять. Вместе с этим обнаружилась польза в том, что люди занимались эпистемологическими вопросами, обсуждая статистику и степень доверия данным. Однако самый большой урок заключается в том, чтобы понять, что вирусы внутри нас и нам нужно научиться жить с ними: «Это огромный эксперимент. Это глобальная катастрофа, которая пришла не извне, как война или землетрясение, а изнутри. Вирусы полностью внутри нас. Мы не можем полностью их выбросить. Мы должны научиться жить с ними» [Watts web]. Мы заперты в «критической зоне», мы находимся внутри Геи, Жизни с большой буквы [Watts web]. Л. Брайант присоединяется к Б. Латуре, отмечая важность темы материальности как ответственности перед планетой: «Мы сталкиваемся с планетарным коррелятом, который требует переосмысления нашего отношения к материальности и нашему материальному воплощению» [Bryant web].

Своеобразный синтез акцентов Агамбена и Латура можно найти у Р. Эспозито. В своем критическом развороте он отмечает парадоксальность самого выражения «социальная дистанция»: «Дистанцирование не может быть социальным, и дистанцирование всегда приводит к десоциализации и сокращению коммунальных форм жизни» [Esposito web]. Пандемия в очередной раз продемонстрировала несправедливость и неравенство современного капиталистического мирового порядка, что ставит вопрос о его альтернативах. Р. Эспозито указывает в этой связи на «третий вариант собственности»: «Частные блага принадлежат частным лицам, а общественные блага принадлежат государству, но общее достояние (commons) – это блага, которые принад-

лежат всем одинаково, поскольку они не допускают никаких претензий на исключительную собственность» [Esposito web]. В своем экологическом развороте он утверждает, что действенным ответом капитализму может стать экология: «Капиталистическая экономика должна двигаться к модели, которая более совместима с экологическими ценностями. Он должен пройти радикальную экологическую реформу, зеленую реформу. Для некоторых людей оцифровка – это даже частичный ответ» [Esposito web].

Известный словенский философ С. Жижек осмысляет пандемию с левых, критических позиций. С его точки зрения, нас ожидает двойная альтернатива будущего мирового порядка: обновленный коммунизм или новое варварство «с человеческим лицом», проявившееся в пандемию как «безжалостные меры выживания, применяемые с сожалением и даже сочувствием, но легитимированные экспертными мнениями» [Žižek 2020, 86] и как восприятия коронавируса в качестве «полезной инфекции, которая позволяет человечеству избавиться от старых, слабых и больных, подобно тому как вырвать полусгнившие сорняки, чтобы молодые, более здоровые растения могли процветать и таким образом способствует глобальному здоровью» [Žižek 2020, 69]. В этом смысле сама по себе экологическая оптика может иметь «обратное» измерение, негативную сторону. Само по себе принятие в расчет природных явлений и их важности не гарантирует избавления от худших форм евгеники и витализма.

В свою очередь, С. Фуллер ставит серьезный вопрос о реактивной и проактивной стратегиях взаимодействия с пандемией в будущем: «Приверженцы принципа предосторожности склонны предполагать, что человечество «всегда уже» подчинено некоему универсальному внешнему агенту, называемому, скажем, «Природа» или «Гея», в терминах которого мы можем находиться либо в равновесии, либо в конфликте. В любом случае этот оппонент не является предметом переговоров: он устанавливает предел допустимой деятельности. Напротив, приверженцы принципа проактивности склонны предполагать более игровые отношения с оппонентом, при этом заратустрийский императив Ницше «что

не убивает меня, делает меня сильнее» действительно применяется. Это подходит для мира бесконечных пандемий, в котором противник может находиться на данный момент, но может видоизменяться, чтобы создать угрозу в будущем, что, в свою очередь, может потребовать радикального пересмотра своих *modus operandi* и даже *raison d'être*, включая инкорпорацию ранее невидимого «другого» [Fuller 2020, 555].

В этом контексте мне кажется более реалистичной «материально-цифровая» версия «новой нормальности». Я считаю, что ее теоретическое описание и осмысление возможно благодаря обращению к материальному повороту в социально-гуманитарном знании. В последние десятилетия планомерно возрастала роль материального и вещного фактора в наших социальных опосредованиях. В частности, цифровые технологии достигли такого уровня развития, что теперь они заявляют о себе и, вероятнее всего, станут полноправными участниками социальной жизни. Пандемия помогла проявиться и укрепиться новым «субъектам» социальной жизни. Эти посредники по всей видимости окажутся «в выигрыше» в этой новой реальности и новой нормальности.

П. Слотердайк говорит о необходимости менять «грамматику нашего поведения» [Sloterdijk web], отмечая готовность большого числа людей соблюдать меры предосторожности и дистанцирование. Пандемия прежде всего показала, что мы живем в одно время: «Человечество достигло ситуации синхронности на основе потока информации. Мы действительно глобально связаны и все больше и больше живем в одном временном измерении» [Sloterdijk web]. Относительно успешное поддержание дистанции, синхронизация коммуникаций в большой степени стали возможными именно благодаря уровню развития и повсеместности цифровых технологий. Проблема справедливости нового порядка тем самым *цифровизируется*.

Заключение

Неравномерный мобильностный капитал в сочетании с экономическим «прототипом» сказался на возможностях людей трансфор-

мировать привычные практики (им)мобильности. Перемещения и воздержание от них оказались сопряжены с угрозой здоровью и жизни не от вируса, а от социально-экономических причин. В период изоляции не все люди оказались готовыми к «новой нормальности», вызванной пандемией.

Обречем ли мы новый мировой порядок, более несправедливый, чем прежде, или несправедливый по-другому? Судя по всему, меняется контекст проблемы справедливости. В структуры и порядки мобильного неравенства и несправедливости включены не только люди, но и разнообразные нечеловеческие факторы. Общественная реальность в большей степени будет пронизана цифровыми технологиями. В связи с этим можно предположить снижение в будущем пространственной мобильности. Поскольку серьезный урон претерпел туризм, то есть основания ожидать развитие дигитального туризма.

Другой важный момент касается улучшения в довольно короткий срок экологической ситуации на планете, в результате чего природа и «естественное» оказались в выигрыше. В связи с этим, возможно, следует ожидать возрастание экологического фактора в общественной жизни, и практиках и инфраструктуре мобильностей. Весьма вероятно увеличение доли экологически безопасных видов транспорта.

Вирус во многом выступил как концептуальное орудие, объединяющее людей, схватывающее человечество как единство на новых основаниях. Во время пандемии снова был поставлен вечный вопрос: «что значит быть человеком?» Определяется ли он через движение, прикосновение, использование цифровых посредников и т. д.? Возможно, нам стоит обдумать вопрос о «политической» дистанции с цифровыми технологиями, а не с людьми. Возможно, существенную роль в общественных и теоретических дискуссиях будут играть вопросы цифровой экологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. анализ городской повседневности в условиях пандемии: [Карчагин, Назарова, Янин 2020].

² Канадские исследователи Н. Кук и Д. Бутц так описывают последствия стихийного бедствия в

северной части Пакистана: «в контексте оползневой катастрофы в Аттабаде, мобильность справедливость повлечет за собой демократическое государственные процедуры принятия решений, способствующие участие Годжалиса в определении коллективной стратегии для борьбы с суженной мобильностью, средства для разработки адаптированных способностей к мобильности на индивидуальном уровне, и условия, которые позволяют эти возможности реализовать [Cook, Butz 2016, 5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агамбен 2011 – *Агамбен Дж.* Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Издательство «Европа», 2011.
- Карчагин, Назарова, Янин 2020 – *Карчагин Е.В., Назарова М.П., Янин К.Д.* Городская повседневность в условиях пандемии COVID-19 // Социология города. 2020. № 4. С. 42–50.
- Урри 2012 – *Урри Дж.* Мобильности. М.: Праксис, 2012.
- Agamben 2020 – *Agamben G.* A che punto siamo? L'epidemia come politica. Macerata: Quodlibet, 2020.
- Bryant web – *Bryant L.R.* A World Is Ending [Identities: Journal for Politics, Gender and Culture] // <https://identitiesjournal.edu.mk/index.php/IJPGC/announcement/view/21>.
- Cohen 2011 – *Cohen G.A.* On the Currency of Egalitarian Justice, and Other Essays in Political Philosophy. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2011.
- Cole et al. 2020 – *Cole H., Anguelovski I., Baro F., Lamarca M.G.* The COVID-19 Pandemic: Power and Privilege, Gentrification, and Urban Environmental Justice in the Global North // *Cities & Health*. 2020. P. 1–5. DOI: 10.1080/23748834.2020.1785176.
- Cook, Butz 2016 – *Cook N., Butz D.* Mobility Justice in the Context of Disaster // *Mobilities*. 2016. Vol. 11. № 3. P. 400–419.
- Cresswell 2006 – *Cresswell T.* On the Move: Mobility in the Modern Western World. N. Y.: Taylor & Francis, 2006.
- Esposito web – *Esposito R.* The Biopolitics of Immunity in Times of COVID-19: An Interview with Roberto Esposito [Antipode Online] // <https://antipodeonline.org/2020/06/16/interview-with-roberto-esposito/>.
- Fuller 2020 – *Fuller S.* A Post-Truth Proactionary Look at the Pandemic // *Postdigital Science and Education*. 2020. Vol. 2, № 3. P. 551–555.
- Gutiérrez, Miravet, Domènech 2020 – *Gutiérrez A., Miravet D., Domènech A.* COVID-19 and Urban Public Transport Services: Emerging Challenges

- and Research Agenda // *Cities & Health*. 2020. P. 1–4. DOI: 10.1080/23748834.2020.1804291.
- Kaufmann, Bergman, Joye 2004 – *Kaufmann V., Bergman M.M., Joye D.* Motility: Mobility As Capital // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2004. Vol. 28, № 4. P. 745–756.
- Shapin web – *Shapin S.* COVID and Community // <https://lareviewofbooks.org/article/covid-and-community/>.
- Sheller 2018 – *Sheller M.* Mobility Justice: The Politics of Movement in an Age of Extremes. L.; N. Y.: Verso, 2018.
- Sloterdijk web – *Sloterdijk P.* Humans are Not Prepared to Protect Nature // <https://www.dw.com/en/how-do-we-change-peter-sloterdijk-environment-coronavirus-on-the-green-fence-climate-change/a-53533840>.
- Žižek 2020 – *Žižek S.* Pandemic!: Covid-19 shakes the world. N. Y.; L.: OR Books, 2020.
- Watts web – *Watts J.* Bruno Latour: “This is a Global Catastrophe That Has Come from Within” [The Guardian] // <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/06/bruno-latour-coronavirus-gaia-hypothesis-climate-crisis>.

REFERENCES

- Agamben G., 2011. *Homo Sacer. State of Emergency*. Moscow, Europe Publ.
- Karchagin E.V., Nazarova M. P., Yanin K. D. 2020. Urban Daily Life in the COVID-19 Pandemic. *Sotsiologiya Goroda*, no. 4, pp. 42-50.
- Urri Dzh., 2012. *Mobilities*. Moscow, Praksis.
- Agamben G., 2020. *A che punto siamo? L'epidemia come politica*. Macerata, Quodlibet.
- Bryant L.R., 2020. A World Is Ending. *Identities: Journal for Politics, Gender and Culture*. URL: <https://identitiesjournal.edu.mk/index.php/IJPGC/announcement/view/21>.
- Cohen G.A., 2011. *On the Currency of Egalitarian Justice, and Other Essays in Political Philosophy*. Princeton; Oxford, Princeton University Press.
- Cole H. et al., 2020. The COVID-19 Pandemic: Power and Privilege, Gentrification, and Urban Environmental Justice in the Global North. *Cities & Health*, 2020, pp. 1-5. DOI: 10.1080/23748834.2020.1785176.
- Cook N., Butz D., 2016. Mobility Justice in the Context of Disaster. *Mobilities*, vol. 11, no. 3, pp. 400-419. DOI:10.1080/17450101.2015.1047613.
- Cresswell T., 2006. *On the Move: Mobility in the Modern Western World*. New York, Taylor & Francis.
- Esposito R., 2020. The Biopolitics of Immunity in Times of COVID-19: An Interview with Roberto

- Esposito [Antipode Online]. URL: <https://antipodeonline.org/2020/06/16/interview-with-roberto-esposito/>.
- Fuller S., 2020. A Post-Truth Proactionary Look at the Pandemic. *Postdigital Science and Education*, vol. 2, no. 3, pp. 551-555.
- Gutiérrez A., Miravet D., Domènech A., 2020. COVID-19 and Urban Public Transport Services: Emerging Challenges and Research Agenda. *Cities & Health*, pp. 1-4. DOI:10.1080/23748834.2020.1804291.
- Kaufmann V., Bergman M.M., Joye D., 2004. Motility: Mobility as Capital. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 28, no. 4, pp. 745-756.
- Shapin S., 2020. *COVID and Community*. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/covid-and-community>.
- Sheller M., 2018. *Mobility Justice: The Politics of Movement in an Age of Extremes*. London; New York, Verso.
- Sloterdijk P., 2020. *Humans are Not Prepared to Protect Nature*. URL: <https://www.dw.com/en/how-do-we-change-peter-sloterdijk-environment-coronavirus-on-the-green-fence-climate-change/a-53533840>.
- Žižek S., 2020. *Pandemic!: Covid-19 Shakes the World*. New York, London, OR Books.
- Watts J., 2020. Bruno Latour: “This is a Global Catastrophe That Has Come from Within”. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/06/bruno-latour-coronavirus-gaia-hypothesis-climate-crisis>.

Information About the Author

Evgeniy V. Karchagin, Doctor of Sciences (Philosophy), Associated Professor, Department of Philosophy, Sociology and Psychology, Volgograd State Technical University, Akademicheskaya St, 1, 400074 Volgograd, Russian Federation, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Карчагин, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и психологии, Волгоградский государственный технический университет, ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация, evgenkar@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7398-9292>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.5>

UDC 123

LBC 87.159

FREEDOM AND INDEPENDENCE DURING THE PANDEMIC

Svetlana V. Dimitrova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Kristina S. Ovdina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The scale and the speed of the spread of the new coronavirus strain and economic crises associated with it are becoming the reason to rethink the essential features and ways of interaction between freedom and independence. The aim of the research is to consider new and evaluate the significance of traditional approaches to defining independence and freedom. The authors analyze the mechanisms of the formation and development of biopower, the effectiveness of which is manifested in the possibility of turning people into “obedient bodies” (M. Foucault) and reducing human existence to the state of “bare life” (J. Agamben). The researchers emphasize that the highest form biopower manifestation, arose due to the effective development of medicine, became the possibility of transforming life and death into political concepts that require a “special solution”. Therefore, the restrictive measures that arose during the spread of COVID-19 cannot be considered as a manifestation of total forms of addiction are established by biopolitics. The research allows the authors to come to the conclusion that the impossibility of achieving freedom and the loss of independence arise in the process of consistent implementation of the individualistic ideals. The results of the study contain a few contradictions identified by the authors. First of all, the development of biopower points that the concern for people’s health enables the State to penetrate and manage all spheres of an individual’s existence including issues of life and death. Biopolitics does not contribute to the establishment and development of civil rights, but creates effective means for reducing people to a state of “bare life”. In the spread of COVID-19 the contradiction of following the individualistic ideals became obvious. Risks and threats that have a global character are confronted by a person unwilling to take responsibility. The revealed contradictions lead to the conclusion that a condition to maintain independence and achieve freedom in the modern world can be the formation of the new types of solidarities that make it possible to overcome the autonomy of existence and develop a responsible attitude to what is happening in the world.

Key words: freedom, independence, biopower, biopolitics, “bare life”, individualism, solidarity.

Citation. Dimitrova S.V., Ovdina K.S. Freedom and Independence During the Pandemic. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 39-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.5>

УДК 123

ББК 87.159

СВОБОДА И НЕЗАВИСИМОСТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Светлана Васильевна Димитрова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Кристина Сергеевна Овдина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Масштабы и скорость распространения инфекции нового штамма коронавируса и связанных с ним экономических кризисов становятся основанием для переосмысления сущностных свойств и способов взаимодействия свободы и независимости. Целью исследования является рассмотрение новых и оценка значимости традиционных подходов к определению независимости и свободы. Проводится анализ

механизмов становления и развития биовласти, эффективность которой проявляется в возможности превращения людей в «послушные тела» (М. Фуко) и низведения бытия человека к состоянию «голой жизни» (Дж. Агамбен). Авторы подчеркивают, что высшей формой проявления биовласти, возникшей благодаря эффективному развитию медицины, явилась возможность превращения жизни и смерти в политические понятия, которые требуют «специального решения». В связи с этим ограничительные меры, возникшие в период распространения инфекции COVID-19, не могут быть рассмотрены как проявление тотальных форм зависимости, которые устанавливаются биополитикой. Логика исследования позволяет авторам прийти к выводу о том, что невозможность обретения свободы и потеря независимости возникают в процессе последовательной реализации идеалов индивидуализма. Выводами исследования стали выявленные авторами противоречия. Первое, касающееся развития биовласти, указывает на то, что забота о здоровье людей дает возможность государству проникать во все сферы существования индивида и управлять ими, включая вопросы жизни и смерти. Биополитика не способствует установлению и развитию гражданских прав, а создает эффективные средства для низведения людей к состоянию «голой жизни». В условиях распространения инфекции COVID-19 очевидным стало противоречие, сформированное в результате следования индивидуалистическим идеалам. Рискам и угрозам, обретающим глобальный характер, противопоставляется «скользящий по поверхности», не желающий брать на себя ответственность человек. Выявленные противоречия приводят к выводу о том, что условием сохранения независимости и обретения свободы в современном мире может стать формирование типов солидарностей, позволяющих преодолеть автономность существования и выработать ответственное отношение к происходящему в мире.

Ключевые слова: свобода, независимость, биовласть, биополитика, «голая жизнь», индивидуализм, солидарность.

Цитирование. Димитрова С. В., Овдина К. С. Свобода и независимость в период пандемии // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 39–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.5>

Режим изоляции, карантинные меры, изменившие стиль и ритм жизни обществ, государств и отдельных людей, выступили основанием для переосмысления таких базовых понятий, как свобода, независимость, автономия. В условиях пандемии возникла «пограничная ситуация», приведшая к переоценке ценностей, а отношение к карантинным ограничениям поляризовало общество. С одной стороны, сформировалась позиция, согласно которой введенные ограничения являются необходимой мерой, улучшающей эпидемиологическую обстановку, с другой – возникла убежденность в том, что принятие новых форм контроля не обеспечивает безопасность, а лишь ограничивает свободу граждан.

Неправительственная организация «Freedom House», занимающаяся исследованиями политических и гражданских свобод, в своем докладе «Влияние COVID-19 на глобальную борьбу за свободу» утверждает, что пандемия спровоцировала кризис демократии во всем мире, а принятые правительствами меры в большинстве стран подорвали основные принципы демократии, создавая кризис глобальной свободы [Rupucci, Slipowitz web].

Рассмотрим, какие формы зависимости возникли из-за ограничений, введенных в период пандемии.

Во-первых, ограничение свободы передвижения, которое в период локдауна касалось не только перемещения в другие страны и города, но распространялось на передвижения в местах проживания людей.

Во-вторых, значительно сузилась возможность свободного выбора и свободы действий людей. Выбор форм активности, реализующих как производственную деятельность, так и досуг, значительно сократился. Виды деятельности и формы отдыха людей стали строго регламентироваться государством.

В-третьих, появились новые способы контроля и риски при реализации прав, касающихся свободы слова и информации. Согласно отчету правозащитной организации «Freedom House», во время пандемии значительно снизился уровень свободы в интернете. По данным организации, «многие правительства намеренно используют карантин для ужесточения ограничений, к числу которых относится введение новых инструментов слежки за гражданами» [Shahbaz, Funk web].

Между тем современные IT-технологии сыграли важную роль в период пандемии, поскольку большинство видов социального взаимодействия и форм активности людей переходят в область виртуального. Самоизоляция, карантинные ограничения значительно усили-

ли зависимость человека от информационно-коммуникационных технологий. Люди стали доверять технологиям все больше личной информации в условиях отсутствия необходимых конфиденциальных гарантий и законов. Таким образом, «отстаивание свободы интернета должно предусматривать меры по смягчению отрицательных побочных эффектов возросшей взаимосвязанности» [Морозов 2014, 327].

Так, особенность современной ситуации в том, что система ограничительных мер, включающая в себя свободу передвижения, изменение / ослабление социальных связей, межличностных форм коммуникаций, проблематизирует не только достижение свободы, но возможность независимого существования человека.

Актуальным становится определение сущностных различий свободы и независимости. Целью исследования является анализ новых и оценка значимости традиционных подходов к определению позитивной и негативной свободы. Амбивалентность свободы проявляется в том, что открытие новых путей освобождения неизменно сопровождается новыми видами зависимости.

Важными, находящимися в поле непосредственного восприятия, оказываются проблемы биополитики, биовласти. Понятие «биовласть» используется для описания степени зависимости, при которой подконтрольным объектом является тело человека. Расширение масштабов биополитических процессов (реализующих биовласть) проявляется и в установлении новых форм «социальной сегрегации и иерархизации», а также оказывается «действие на соответствующие силы тел и общностей, обеспечивая отношения господства и эффекты гегемонии» [Фуко 1996, 246].

Актуальным является тезис М. Фуко о единстве процессов, направленных на борьбу с эпидемией и создающих условия для формирования дисциплинированного общества. Автор работы «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» отмечает, что «чума – не общий праздник, а строгие границы; не нарушение законов, а проникновение правил даже в мельчайшие детали повседневной жизни посредством совершенной иерархии, обеспечивающей капиллярное функционирование власти; не надеваемые и сбрасываемые маски,

а присвоение каждому индивиду его “истинного” имени, “истинного” места, “истинного” тела и “истинной” болезни» [Фуко 2020, 241].

Однако в ходе исследования властных отношений М. Фуко представил зарождение и развитие новой формы власти – «биовласти». «Дисциплинирующая власть управляет множеством для того, чтобы превратить его в послушные тела и заставить участвовать в общественных процессах с целью получения экономической выгоды. Биополитическая технология обращается к множественности именно потому, что оно уже участвует в общих глобальных процессах: рождение, воспроизводство, болезни, смерть и т. д.» [Самовольнова 2017, 262].

Усиление контроля биовласти связано с разработкой и применением специализированных методов исследования человеческого организма, квалифицированных практик, направленных на сохранение здоровья людей и делающих подконтрольными такие процессы, как рождаемость и продолжительность жизни. Эффективные высококвалифицированные действия предоставляют возможность власти проникать во все формы жизни человека, включая биологическую.

Современный итальянский исследователь, профессор Венецианского университета Дж. Агамбен, развивая идеи М. Фуко, утверждает, что при определении механизмов становления и масштабов воздействия биовласти необходимо «проанализировать отношение, которое связывает друг с другом голую жизнь и суверенную власть» [Агамбен 2011, 88]. Понятие «голая жизнь» вводится итальянским философом для того, чтобы показать, как власть устанавливает границу между правовым и естественным / биологическим существованием человека.

Важно отметить, что естественное состояние – это понятие, которое широко использовалось мыслителями XVII–XVIII веков. Несмотря на различие подходов к определению естественного состояния, философы утверждали, что общественный договор необходим, поскольку он (договор) способствует установлению гражданской формы существования людей. Если у Т. Гоббса государственная власть должна была преодолеть естественное состояние – «войну всех против всех», то,

согласно учению Дж. Локка, переход к общественному состоянию предполагает заключение политического соглашения, при котором сохраняются главные характеристики естественного закона – это равенство и свобода. Ведь закон природы «требует мира и сохранения всего человечества» [Локк 1988, 265].

Таким образом, установление власти государства выступает условием перехода к гражданской форме жизни. Заключение общественного договора предполагает, что граждане принимают на себя обязательства в обмен на сохранение жизни и частной собственности.

Парадокс заключается в том, что современный уровень развития цивилизации выступает условием для того, чтобы «вернуть» людей не просто к естественному состоянию, а низвести их к «голой жизни». Отличие «естественного состояния» от «голой жизни» заключается в том, что человек не возвращается к следованию законам природы, а по воле государства оказывается в положении, при котором даже вопрос о жизни и смерти решается правительством.

В состоянии «голой жизни» оказываются беженцы, узники концлагерей, а одним из механизмов лишения гражданских прав и низведения людей до состояния «голой жизни» является введение чрезвычайного положения. «Голая жизнь, в которую превратились заключенные лагерей, тем не менее не является естественным фактом, внеположным политике, который право способно лишь удостоверить или признать; скорее в нашем анализе это рубеж, где право всякий раз переходит в реальность, а реальность – в право и где два этих плана стремятся к неразличимости», – отмечает Дж. Агамбен [Агамбен 2011, 217].

Полная приостановка действий права, которую Дж. Агамбен определяет как «чрезвычайное положение», лишает людей гражданских прав, распространяя власть государства даже на решение вопроса о жизни и смерти. Таким образом, человек оказывается «лишенным символической “одежды” защищающих его (прикрывающих его естественную “наготу”) законов. Именно на этом пределе и обнаруживается чисто биологическое существование человека, которое больше ничего не стоит, а значит может быть уничтожено без

вины и ответственности. Символическое “стирание” предваряет физическое уничтожение человека» [Яркеев 2020, 55].

Следовательно, сущностные черты биовласти проявляются в том, что, основываясь на научных исследованиях, высококвалифицированных действиях, власть «может определять тот момент, в который жизнь перестает быть политически значимой» [Агамбен 2011, 181].

Режим самоизоляции, атомизация общества, которые сопровождаются усилением контроля и увеличением степени проникновения в жизнь людей, сформировали новый стиль поведения, одобренный экспертами и санкционированный государством. Однако возникшая в современных условиях беспрецедентная ситуация, характеристиками которой являются высокая скорость и мировые масштабы распространения инфекции, не является, на наш взгляд, качественно новой формой проявления биовласти.

Успешное развитие медицины уже привело к подвижности экзистенциальных границ. Констатация смерти не основывается только на объективных биологических показателях, а является еще и результатом соглашения медиков, юристов, религиозных деятелей и т. д.

Дж. Агамбен отмечает: «На наших глазах разворачивается всеохватывающий процесс, ставкой в котором является именно перекройка этих границ – и именно сейчас становится совершенно очевидным, что суверенная власть осуществляется лишь поддержанием границ, заново срастаясь с медицинским и биологическим знанием» [Агамбен 2011, 258].

Тело национализируется, проблема определения границ жизни и смерти становится биополитической, «сегодня жизнь и смерть являются не собственно научными понятиями, но понятиями политическими, которые в силу своей политической природы приобретают точное значение лишь в результате специального решения» [Агамбен 2011, 208].

Между тем следует обратить внимание и на то, что биовласть тесно связана с идеалами индивидуалистской этики. По сути, задача биополитики заключается в том, чтобы индивид сосредоточил все внимание на самом

себе, собственном теле. Показательным является то, что забота о здоровье индивида, мероприятия, направленные на регулирование роста рождаемости и создание условий для увеличения продолжительности жизни людей, являются механизмами биополитики. «Право верховной власти суверена заставить человека умереть или позволить ему жить сменилось правом заставить индивида жить или позволить ему умереть» [Самовольнова 2017, 262]. Таким образом, последовательное движение к идеалам индивидуализма приводит к видам зависимости, которые поддерживаются биополитикой.

Отметим, что стремительное распространение инфекции и связанные с ним ограничения позволили прийти к пониманию о том, что следование идеалам индивидуализма не только не позволяет человеку обрести свободу, но и лишает независимости. Таким образом, возникшая «пограничная ситуация», на наш взгляд, сделала более явной ограниченность идеалов индивидуализма, следование которым является в настоящий момент угрозой выживанию, а высокая степень рискогенности современных обществ, глобальный характер угроз и опасностей становятся основанием для преодоления ценностей индивидуализма.

Важно отметить, что идеалы индивидуализма эпохи модерн уже были подвергнуты критике в учениях постмодернистов. Вместе с тем анализ новых форм проявления индивидуализма – «гипериндивидуализма» З. Баумана – «гиперпотребительства» Ж. Липовецки позволяют нам указать на особенность современной ситуации, которая заключается в том, что индивидуалистская этика сегодня выступает основанием не только кризиса идентификации, но и снижает способность человечества противостоять глобальным рискам и угрозам.

Между тем постмодернисты указывают на то, что в условиях существования изменчивого, гибкого, непредсказуемого мира возникают новые формы проявления индивидуализма. З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество» пишет, что «ненадежность, нестабильность, уязвимость – стали широко распространенными (и наиболее болезненно ощущаемыми) чертами современ-

ной жизни» [Бауман 2002, 154]. Определение перспектив развития связано с тем, что «впереди нас ждет лишь большая гибкость, большая рискованность и большая уязвимость» [Бауман 2002, 117]. При этом «неопределенность и мягкость» мира оказывает влияние на формы активности людей, этические идеалы, способы самоопределения.

Постоянный поиск идентичности является неожиданным и побочным продуктом глобализации. Проблема заключается в «незавершенности» идентичности, которая становится бременем для современного человека, так как «тяжесть “незавершенности” идентичности многократно усиливает индивидуальную ответственность за ее завершение» [Бауман 2002, 118].

Человек в глобализированном мире теряет свое статичное состояние, а его положение становится «неустроенным», иными словами, индивид в условиях современной реальности не имеет гарантированного сохранения стабильности ни в одной из сфер его жизни. Устойчивая идентичность сменяется пребыванием в ситуации постоянного выбора / изменения.

З. Бауман утверждает, что жизнь людей превратилась в череду сменяющихся эпизодов, которые никак не связаны между собой. Это проявляется в том, что люди вынуждены часто менять профессию и, соответственно, они овладевают навыками, которые могут быть использованы «здесь и сейчас». Независимому индивиду эпохи модерна, имеющему стабильный заработок, стремящемуся быть конкурентоспособным, совершенствующему свои профессиональные навыки, противостоит индивид, часто меняющий форму деятельности, имеющий временные заработки, сводящий контакты с другими людьми к исполнению пунктов контракта. «Фрагментация жизни, – пишет З. Бауман, – приводит к тому, что люди живут эпизодами, при этом жизнь превращается в серию не связанных между собой событий. Ощущение небезопасности – это такой рубеж, когда бытие распадается на фрагменты, а жизнь – на эпизоды» [Бауман 2002, 160].

В соответствии с проживаемыми жизненными эпизодами человек получает возможность просто выбрать / поменять соб-

ственную идентичность. Таким образом, современный человек становится воплощением фрагментарности, мобильности, гипериндивидуализма. Его жизнь теряет свою фиксированность и приобретает «текучий», постоянно движущийся характер.

Поскольку жизнь людей, поиск идентичности и способы достижения свободы кардинально меняются, то появляется необходимость в формировании новых концептов и теорий, описывающих современную картину мира и положение человека в ней. Еще в 1970–1980-х гг. Ж. Бодрийяр ввел термины с приставкой «гипер-». Французский философ в своей знаменитой работе «Симулякры и симуляция» вводит ключевой термин, характеризующий современность, – «гиперреальность». Этот термин, провозглашающий начало эры симуляции, используется для указания на сокрытие того, что реальное перестало быть таковым. «Отныне гиперреальное экранировано от воображаемого и от какого-либо различия между реальным и воображаемым, оставляя место лишь орбитальному самовоспроизведению моделей и симулированному порождению различий» [Бодрийяр 2016, 7].

Новые подходы к пониманию свободы и независимости в эру симуляции очень разнообразны, один из них представлен в учении Ж. Липовецки, в котором «гипермодернизм» связан прежде всего с культурой изобилия и избытка. В работе «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме» автор указывает на произошедший переворот, трансформацию ценностей, повлекшие за собой преобразование дискурсов и изменившие образ жизни людей. Ж. Липовецки отмечает, что «на смену дисциплинарному и воинствующему индивидуализму пришел индивидуализм на выбор – гедонистический и психологический, считающий главной целью личные достижения человека... исторический разрыв с неоиндивидуализмом означал еще большее усиление тяги к самостоятельности со стороны индивидов независимо от их социальной принадлежности и пола» [Липовецки 2001, 318].

Преодоление «дисциплинарной социализации» призвано способствовать установлению индивидуальной свободы, которая проявляется в поощрении индивидуальных потребностей и ориентированности социальных ин-

ститутутов только на мотивации и желания человека. «Жить свободно, не подвергаясь принуждениям, от начала и до конца выбирать свой способ существования – никакой другой факт общественной и культурной жизни не является более значительным событием в глазах современников», – отмечает Ж. Липовецки [Липовецки 2001, 21].

В условиях формирования новой стадии индивидуализма возникает тип личности, характерной чертой которого становится повышенное внимание к собственному телу. Нарцисс, интересы которого сосредоточены на «собственной самобытности», на красоте и желаниях своего тела, становится главным символом современности. Путь к свободе предполагает «бесконечную работу по освобождению, наблюдению и объяснению своей личности» [Липовецки 2001, 86].

Весьма парадоксально рассмотрена концепция свободы в работах американского социального теоретика Р. Сэмюэлса, который анализирует соотношение автономии / свободы и автоматизации. Разработчик концепции автомодернизма справедливо отмечает, что для понимания соотношения понятий свободы и независимости необходимо учитывать роль и степень влияния цифровых технологий на жизнь человека. А.В. Павлов, анализируя основные положения новой постпостмодернистской теории, отмечает, что в автомодернизме «высокий уровень автоматизации сочетается с усиленным желанием получить / завоевать личную автономию... по большому счету мы наблюдаем сегодня рождение новой культурной и социальной субъектности» [Павлов 2019, 447–448].

Современные технологии, социальные сети (которые стали востребованы еще в большей степени в период пандемии) дают человеку безграничные возможности для расширения и усиления индивидуализма. Современный человек любит проводить время в виртуальном пространстве, обновляя свои профили в социальных сетях, добавляя все больше и больше новой информации о себе, тем самым проявляя свой индивидуализм. Последний также имеет выражение в «эгокастинге», то есть в потреблении только той информации, которая соответствует собственному мировоззрению. Сэмюэлс говорит о том, что «современ-

ность указывает на доминирование науки, разума, равенства, индивидуализма, терпимости, но также преобладания безличности, отчуждения, сегрегации, колонизации и социального конформизма» [Samuels 2009, 8]. Цифровые технологии становятся парадоксальным местом, где, с одной стороны, человек стремится проявить свой индивидуализм, но с другой – попадает в рамки социального конформизма.

По мнению Сэмюэlsa, данные технологии придают человеку ощущение автономии и контроля над происходящим, хотя это чувство может носить иллюзорный характер. Исследователь утверждает, что человек, ведя свой собственный блог или играя в игру, ощущает, что имеет полный контроль над происходящим, но на самом деле он действует всего лишь в рамках заготовленных шаблонов. Иллюзорность таким образом понимаемой свободы становится очевидной при столкновении индивида с глобальными рисками, к числу которых относится и распространение COVID-19.

Индивидуальная свобода в «автомодерне» – это «свобода от...». «Свобода не думать или не взаимодействовать в социальных отношениях – это высоко ценяемая свобода в данном культурном порядке. Аналогичным образом авtomодернистское провозглашение свободы слова частично обусловлено стремлением освободиться от социальных, политических, межличностных и традиционных ограничений» [Samuels 2007, 236].

Таким образом, следование идеалам индивидуализма в эпоху модерна давало ощущение независимого существования немногим людям, вытесняя «на обочину» все более разнообразные группы (люди другой расы, мигранты, женщины и т. д.). В то же время гипериндивидуализм сделал наиболее значимым то, что раньше относилось к маргинальному поведению – исключение оседлости, «скольжение по поверхности», выражающееся как в непрерывном перемещении, поисках новых впечатлений, типов наслаждений, так и в отсутствии каких-либо форм ответственности.

Единственной заботой человека эпохи постмодерна становится обеспечение личной безопасности. Однако в условиях современ-

ного мира возникающие угрозы и риски могут сделать физически невозможным «скользящего по поверхности» человека. Так, наиболее последовательная реализация идеалов индивидуализма ясно показывает, что для сохранения жизни, независимости и создания условий для обретения свободы необходимо формировать чувство личной ответственности, которое станет основанием для возникновения новых форм солидарности.

Делая выводы, укажем на то, что в современном мире сформировался и достиг в наивысшей степени проявления ряд противоречий.

Первое из них связано с тем, что забота о жизни и здоровье человека неизменно предполагает расширение биовласти, создающей возможности оказывать воздействие / господствовать над телом человека. Наивысшая степень проявления биовласти заключается в том, что современная медицина позволила расширить экзистенциальные границы, сделав решение вопроса о жизни и смерти человека результатом принятых конвенций профессиональных групп и властных структур.

Второе противоречие проявляется в том, что даже первичный анализ возникающего опыта борьбы с распространением инфекции COVID-19 со всей очевидностью показал, что условием безопасности являются различные формы проявления гражданской активности, неинституционализированные типы солидарности. Вместе с тем особенность современного гибкого, изменяющегося мира заключается в том, что человек, приспосабливаясь к постоянно изменяющейся действительности, следует идеалам «гипериндивидуализма» и не находит оснований для формирования солидарности.

Третьим противоречием, которое может служить выводом нашего исследования, является указание на то, что распространение глобальных рисков и угроз выступит основанием для формирования социального порядка, фундированного такими типами солидарности, которые основаны на общечеловеческих ценностях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агамбен 2011 – Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011.

- Бауман 2002 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бодрийяр 2016 – *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2016.
- Липовецки 2001 – *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001.
- Локк 1988 – *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135–405.
- Морозов 2014 – *Морозов Е.* Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ: CORPUS, 2014.
- Павлов 2019 – *Павлов А.В.* Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело, 2019.
- Самовольнова 2017 – *Самовольнова О.В.* Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4 (10), ч. 2. С. 261–271.
- Фуко 1996 – *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Каталь, 1996.
- Фуко 2020 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2020.
- Яркеев 2020 – *Яркеев А.В.* Концепция биополитики и ее генеалогия // Дискурс-Пи. 2020. № 1 (38). С. 50–59.
- Repucci, Slipowitz web – *Repucci S., Slipowitz A.* Democracy After Lockdown. The Impact of COVID-19 on the Global Struggle for Freedom // <https://freedomhouse.org/report/special-report/2020/democracy-under-lockdown>.
- Shahbaz, Funk web – *Shahbaz A., Funk A.* Freedom on Net 2020. The Pandemics Digital Shadow // <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2020/pandemics-digital-shadow>.
- Samuels 2007 – *Samuels R.* Automodernism. Auto-modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // McPherson T. (ed.) *Digital Youth, Innovation, and the Unexpected*. Cambridge (MA): The MIT Press, 2007. P. 219–240.
- Samuels 2009 – *Samuels R.* New Media, Cultural Studies, and Critical Theory after Postmodernism. Automodernity from Zizek to Laclau. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009.

REFERENCES

- Agamben G., 2011. *Homo Sacer: Sovereign Power and Naked Life*. Moscow, Evropa Publ.
- Bauman Z., 2002. *Individualized Society*. Moscow, Logos Publ.
- Baudrillard J., 2016. *Simulacra and Simulation*. Moscow, POSTUM Publ.
- Lipovetsky G., 2001. *The Era of Emptiness. Essays on Contemporary Individualism*. Saint Petersburg, Vladimir Dal Publ.
- Locke J., 1988. *Two Treatises on Government. Essays. In 3 vols. Vol. 3*. Moscow, Mysl' Publ.
- Morozov E., 2014. *The Net Delusion. The Dark Side of Internet Freedom*. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ.
- Pavlov A. V., 2019. *Post-Postmodernism: How Social and Cultural Theories About "Clarify Our Time"*. Moscow, Delo Publ.
- Samovol' nova O. V., 2017. Socio-Philosophical Analysis of the Basic Concepts of Biopolitics: M. Foucault, J. Agamben, A. Negri. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie*, no. 4 (10), pt. 2, pp. 261–271.
- Foucault M., 1996. *The Will to Knowledge. Works of Different Years*. Moscow, Katal' Publ.
- Foucault M., 2020. *Discipline and Punish. The Birth of the Prison*. Moscow, Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh».
- Yarkeev A. V., 2020. The Concept of Biopolitics and its Genealogy. *Diskurs-Pi*, no. 1 (38), pp. 50–59.
- Repucci S., Slipowitz A. *Democracy After Lockdown. The Impact of COVID-19 on the Global Struggle for Freedom*. URL: <https://freedomhouse.org/report/special-report/2020/democracy-under-lockdown>.
- Shahbaz A., Funk A. *Freedom on Net 2020. The Pandemics Digital Shadow*. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-net/2020/pandemics-digital-shadow>.
- Samuels R., 2007. Automodernism. Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education. *Digital Youth, Innovation, and the Unexpected*. Cambridge (MA), The MIT Press, pp. 219–240.
- Samuels R., 2009. *New Media, Cultural Studies, and Critical Theory After Postmodernism. Automodernity from Zizek to Laclau*. New York, Palgrave Macmillan.

Information About the Authors

Svetlana V. Dimitrova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sve-dimitrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4962-0692>

Kristina S. Ovdina, Applicant, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ovdinakristina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4281-7620>

Информация об авторах

Светлана Васильевна Димитрова, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sve-dimitrova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4962-0692>

Кристина Сергеевна Овдина, соискатель кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ovdinakristina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4281-7620>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.6>

UDC 291.1

LBC 86.201

CONSOLATION BY JUSTICE: RELIGIOUS CONSCIOUSNESS OF PANDEMIC TRAUMATIC EVENTS

Andrey I. Makarov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Tikhon V. Spirin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article reviews secular and religious consciousness of the traumatic events of the coronavirus pandemic. Authors use the theory of cultural secularization for distinction of these two types of consciousness. In the modern age, the theory of “multiple worlds” developed, whose authors proved that people live in different worlds, realities and belong to different types of consciousness. The article analyzes two types of consciousness that create different life worlds of those who have these consciousnesses. The ethical component of understanding the universal traumatic event is analyzed in the aspect of the problem of connection between the concepts “consolation” and “justice”. Consolation practices have been known since antiquity, and justice as an effect of establishing cosmic order is considered in many world cultures. In times of crisis, archaic layers of social consciousness become actualized, since it is required to use all resources of collective memory. The secular consciousness is characterized by the idea of man-made immanent justice: justice is established by the creators of human laws. Religious consciousness is based on the idea of a transcendental source of justice that is Creator of being who is a transcendental subject. Comprehension of a traumatic event for religious consciousness is a process of its normalization by giving it the quality of a just event that is necessary for ordering the world, restoring balance between the actions of people and the actions of nature. The psyche is calmed down by giving a just meaning by correlating it with the universal law of the Cosmos or the Creator’s plan. Religious consciousness will always seek consolation in the aspect of the relationship between the immanent and transcendental levels of being, since its world is fundamentally dual, metaphysical.

Key words: pandemic, trauma, religious consciousness, consolation, justice, freedom.

Citation. Makarov A.I., Spirin T.V. Consolation by Justice: Religious Consciousness of Pandemic Traumatic Events. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 48-55. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.6>

УДК 291.1

ББК 86.201

УТЕШЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ: ОСМЫСЛЕНИЕ ТРАВМАТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ ПАНДЕМИИ В РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ

Андрей Иванович Макаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Тихон Викторович Спирин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются процессы осмысления травматических событий, связанных с пандемией коронавирусной инфекции, в светском и религиозном сознании. Для выделения различий двух видов сознания авторы используют теорию секуляризации культуры. В Новое время возникла теория «мно-

жественности миров», представители которой доказали, что люди живут в разных мирах, реальностях и являются носителями разных типов сознания. В статье анализируются два типа сознания, создающие для их носителей разные жизненные миры. Этическая составляющая осмысления всеобщего травматического события анализируется в аспекте проблемы связи понятий «утешение» и «справедливость». Практики утешения известны еще с античности, а справедливость как эффект установления космического порядка рассматривается во многих мировых культурах. В кризисное время архаические пласты общественного сознания актуализируются, так как требуется задействовать все ресурсы коллективной памяти. Для светского сознания характерно представление о рукотворной имманентной справедливости: она устанавливается творцами человеческих законов. Религиозное же сознание опирается на идею трансцендентного источника справедливости, то есть Создателя бытия, которым является трансцендентный субъект. Осмысление травмирующего события для носителей религиозного сознания – это процесс его нормализации через придание ему качества справедливого события, то есть необходимого для упорядочивания мира, восстановления равновесия между действиями людей и действиями природы. Через придание справедливого смысла посредством соотнесения с универсальным законом Космоса или замыслом Создателя успокаивается психика. Носитель религиозного сознания всегда будет искать утешения в аспекте отношений имманентного и трансцендентного уровней сущего, так как его мир принципиально двойственен, метафизичен.

Ключевые слова: пандемия, травма, религиозное сознание, утешение, справедливость, свобода.

Цитирование. Макаров А. И., Спирин Т. В. Утешение справедливостью: осмысление травматических событий пандемии в религиозном сознании // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 48–55. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.6>

Не первый раз человечество сталкивается с масштабными травмирующими огромные массы людей событиями, разрушающими систему интерпретации смысла происходящего в истории. Сознание человека, по сути, хрупко, в особенности того, кто привык к рутине. Поэтому существует насущная необходимость в объяснительных моделях стремительно изменяющейся реальности под воздействием кризиса. Такие модели интерпретации реальности нормализуют травматические события, вносят порядок в хаос и тем самым терапируют индивидуальную психику и коллективное сознание. Например, мировые войны, разрушавшие привычное восприятие людьми реальности, приносили людям посттравматическое стрессовое расстройство, которое активно исследовали ученые. Историки анализировали причинно-следственные связи между травматическими событиями, чтобы упорядочить их; философы придавали таким событиям онтологический статус, устраивая бытие; терапевты и психиатры создавали методики психического исцеления. В этом смысле история и философия практические дисциплины – именно в этом их предназначение в кризисные эпохи. В спокойное время философы и историки могут «играть в бисер» в школьных аудиториях, просвещая и насыщая информацией обучающихся, но в кризисные времена эта функция уходит на периферию.

Например, во время пандемии с изоляцией людей и спешного перевода преподавания гуманитарных дисциплин на дистантные формы коммуникации массы людей оказались перед лицом усиливающейся имитации образования и замены общения его эрзац-формами. Это может стать причиной глобального посттравматического синдрома всего общества. Поэтому актуальной становится именно практическая философия.

Введение режима социального разобщения и карантина в большинстве стран мира вновь поставили перед философией задачу устроения бытия современного человека, который о-бес-покоен, то есть критически лишен покоя, порядка и ритма, способного обеспечить относительную стабильность психики. В 2020 г. резко увеличилось количество депрессий. Человек, столкнувшийся на карантине со своим Я, пережил особый экзистенциальный опыт, подобный опыту анахоретов различных религиозных традиций. М.К. Мамардашвили писал: «...человеческое существо есть существо трансцендуса (от слова “трансцендирование”), что означает существо, способное выходить за свои собственные пределы» [Мамардашвили 2019, 76]. Мы предполагаем, что именно осознание себя в качестве трансцендирующего субъекта породило такую неблагоприятную картину реальности.

В изоляции люди, оставшись наедине с собой, получили ужасную возможность встать перед зеркалом и увидеть себя, свою экзистенцию. Некоторые обнаружили там пустоту или смутный образ существа без будущего. До этих событий индивиды отвлекались от осмысления своего Я участием в интенсивных социальных практиках, а в самоизоляции человеку пришлось долгое время находиться одному, что влекло его к размышлениям о собственном существовании. Однако рефлексия без метода или опыта приобщения к традиции, которая само по себе уже есть способ определенного отношения к миру и истории, будут плоскими, скользящими по поверхности событий, что не может принести утешения.

Утешение – это важная тема, присутствующая как в психологии, так и в философии. Для психологии есть практически только один повод для утешения – это смерть или болезнь. В других случаях депрессивных состояний прибегают не к утешению, а к излечению. Обширная религиозная утешительная литература содержит много других поводов для утешения: изгнание, бедность, политический провал, болезнь, кораблекрушение и старость [Gagarin 2010]. Что общего у всех этих причин, что является глубинной причиной страдания, которое требует утешения? *Нарушение равновесия* в мире. Нарушение равновесия традиционно, начиная с античной философии, связывается с понятием несправедливости (*adikia*), так как со времен Солона «естественным регулятором порядка становится справедливость» [Вернан 1988, 108]. Таким образом, пересекаются утешение и справедливость. Это делает актуальной разработку наряду с медицинскими терапевтическими практиками философских практик, терапирующих сознание людей. Большинство людей не обладает «инструментами» психотерапии и практической философии, которые помогают человеку разобраться в логике собственной жизни. Поэтому как когда-то книга Боэция «Утешение философией» была основой средневековых методов установления экзистенциального порядка индивидуальной и коллективной психики, так и теперь нужны соответствующие тексты. Мы не претендуем на создание такого текста в этой статье; цель ее – поставить проблему.

Глобальное и для многих травматическое событие пандемии побуждает людей искать причины произошедшего. Знание последних способно упорядочить историю, и значит, снять ужас, подпитываемый ее хаотизацией. В этих условиях даже важнее поиска исторических фактических причин пандемии найти правильные вопросы, проблематизировать ситуацию так, чтобы стали видны отдельные реальные проблемы, чтобы запутанная внешняя ситуация не внушала страх через запутывание сознания индивида, – это является задачей именно гуманитарных наук, призванных нормализовать реальность через ее категоризацию и логизацию. Одним из таких, на наш взгляд, является вопрос о смысле событий, ввергнувших людей в травматический процесс глобального социального эксперимента, поставленного историей глобализации экономических, политических и социальных контактов. В Новое время философия (в частности, представители теории «множественности миров») доказала, что люди живут в разных мирах, реальностях, потому что являются носителями разных типов сознания.

В этой статье нас будет интересовать вопрос о способе утешения, приведения сознания к гармонии в ситуации кризиса интеллектуальными ресурсами религиозного сознания. Понятно, что этот тип сознания сегодня можно рассматривать лишь на фоне доминирующего разрелигиозненного (светского) типа сознания. У носителей этих двух типов сознания различаются категории мышления и психологические реакции на происходящее. Нужно специально отметить, что религиозное сознание не отторгает рациональное мышление, но включает в него категории, присущие религиозным представлениям о реальности, – как об этом писал Генри Драммонд.

Для носителей религиозного сознания, помимо антропных субъектов, есть еще неантропные субъекты, которые являются полноправными участниками трансформирующих бытие событий. На какую бы систему идей не опиралось религиозное сознание: будь то монотеистическая идеология авраамических религий или представления об истинно существе бушменов, – количество субъектов всегда будет на порядок выше, чем у носителя светского сознания; это пре-

красно продемонстрировано в классических трудах Мирчи Элиаде.

В сложившейся ситуации ковидного социального эксперимента носители и религиозного, и светского сознания по необходимости обращались к этическому аспекту в интерпретации травматического события, ведь произошедшие глобальные события трагичны, связаны со смертью людей. Смерть требует размышлений о ней в этической плоскости, если она насильственная. И как ни странно может показаться на первый взгляд, но в части общественного сознания возник вопрос о субъекте смертоносного деяния: кто и зачем убил? Но ведь вирус – это неантропная сила, не обладающая субъектностью. Однако – как было отмечено Е.Л. Березович и О.Д. Суриковой – вирус подвержен антропоморфизации в сознании человека. «Причины, почему образ болезней активно используется в проклятиях, – это страшные симптомы и последствия болезни, иррациональность ее природы для наивного сознания, а также тот факт, что болезни нередко подвергаются антропоморфизации, наделяются свойствами деятельного субъекта» [Березович, Сурикова 2019, 37].

Если вирус представляется субъектом и осмысляется в этическом ключе – значит есть основание рассмотреть подобную интерпретацию как религиозную или квазирелигиозную. Квазирелигиозность характерна для так называемого «светского сознания», лишённого критического модуса мышления. Нужно ли говорить, что критическое мышление – это редкость для современного человека, погруженного в атмосферу пропагандистской речи, которой были переполнены СМИ, пишущие о пандемии. Пропагандистским типом речи в теории риторики называется неаргументированная речь, ориентированная на внушение, а не на убеждение. Например, совершенно очевидно, что в пропаганде антиковидных мер СМИ сделали упор на формирование страха и чувства вины. Это типичные признаки пропагандистской внушающей речи. Это уже было проанализировано учеными, в том числе медиками. Дискуссии о мерах, предпринимаемых администрациями регионов и федеральными органами, – неотъемлемая часть критического мышления – были прямо запрещены медикам приказом Минздрава от

27.10.2020, из которого следовало, что сотрудникам учреждений, подведомственных Министерству здравоохранения РФ, необходимо согласовывать в устной или письменной форме с пресс-службой министерства свои комментарии на тему COVID-19 [Минздрав web] ¹. И хотя запрет касался руководителей учреждений и главных внештатных специалистов, понятно, что это ограничивало если не право, то возможность дискуссий в среде специалистов.

Введенный режим самоизоляции, в отличие от режима насильственного карантина, предполагает самодисциплину и внутреннюю цензуру мысли и действия, которую СМИ единолично, конечно, сформировать не могут, так как это коллективная задача семьи, образовательных учреждений и общественных институций. СМИ стали спешно пытаться сформировать страх смерти и чувство вины за нарушение антиковидных мер, – все это активизировало в светском сознании квазирелигиозные когнитивные схематизмы мышления. Поэтому в части общественного сознания произошла антропоморфизация вируса, наделение его субъектностью; и возник вопрос: справедлива ли судьба, принесшая пандемию? Фатализм также подпитывается политикой СМИ, которые не пишут о расследовании причин возникновения вируса и логике мер, предложенных ВОЗ. Вернее, наспех были вброшены версии такой логики, но дискуссии все были свернуты, а это означает, что верификацию предлагаемый СМИ дискурс не прошел. Но там, где нет системных разумных объяснений, начинают активизироваться архаические программы сознания.

Таким образом, в части общественного сознания закономерно возник вопрос о судьбе и справедливости происходящего. Закономерность этого вопроса состоит в том, что этические структуры сознания отвечают за утешение во время горя и кризисов издревле – это хорошо исследовано на примере Древней Греции Ж.П. Вернаном [Вернан 1988]. Также и Боэций считал, что образ и понятие справедливости не только указывают на травматическую ситуацию, но и дают основания для утешения в случае установления справедливости происходящих событий. Как мы уже отметили, таким установлением традиционно занимаются историки и философы.

Два разбираемых типа сознания так интерпретируют справедливость. Для светского сознания характерно представление о рукотворной, или имманентной, справедливости, когда справедливость устанавливается законодательством. В теории Джона Ролза справедливость анализируется через экономические и социальные процессы, то есть идея справедливости развивается только в нашем мире и не выходит за его пределы. «Справедливость как нравственное явление – это общественное требование к такому поведению людей, которое соответствует как личным, так и общественным интересам и отвечает интересам развития общества по пути прогресса», – пишет В.Д. Филимонов [Филимонов 2013, 102–103].

Религиозное сознание опирается на идею трансцендентного источника справедливости. Общественные институты не способны дать обоснование справедливости, так как каждый человек либо равен в своей группе другим (например, брахманы в индуизме), либо отдельно взятый индивид равен каждому человеку на земле (идея всеобщего равенства). Для языческого религиозного сознания справедливость – это соответствие деяний или событий космическому Закону (*nomos*); в теизме только тот, кто создал мир, может осуществлять смысловое наполнение понятия справедливости.

Осмысление всеобщих травматических событий через идею справедливости – это устоявшаяся практика утешения страстей – горя, злости, досады и т. п. Например, в иудаизме осмысление библейскими пророками первого разрушения Храма. Более близкое нам осмысление Николаем Касаткиным (в русской православной традиции – Николай Японский) поражений русской армии в русско-японской войне 1904–1905 гг.: «Бьют нас японцы, ненавидят нас все народы, Господь Бог, по-видимому, гнев Свой изливает на нас. Да и как иначе? За что бы нас любить и жаловать? Дворянство наше веками развращалось крепостным правом и сделалось развратным до мозга костей. Простой народ веками угнетался тем же крепостным состоянием и сделался невежествен и груб до последней степени; служилый класс и чиновничество жили взяточничеством и казнокрадством, и ныне на

всех степенях служения – поголовное самое бессовестное казнокрадство везде, где только можно украсть. Верхний класс – коллекция обезьян – подражателей и обожателей то Франции, то Англии, то Германии и всего прочего заграничного; духовенство, гнетомое бедностью, еле содержит катехизис – до развития ли ему христианских идеалов и освещения ими себя и других?.. И при всем том мы – самого высокого мнения о себе: мы только истинные христиане, у нас только настоящее просвещение, а там – мрак и гнилость; а сильны мы так, что шапками всех забросаем... Нет, недаром нынешние бедствия обрушиваются на Россию – сама она привлекла их на себя. Только сотвори, Господи Боже, чтобы это было наказующим железом Любви Твоей! Не дай, Господи, в конец расстроиться моему бедному Отечеству! Пощади и сохрани его!» [Японский 2004, 119]. Из этого текста видно, что народ совершил огромное количество грехов, поэтому претерпевает наказание. Также ярким примером может служить идея Кали-юги в индуизме, особая эпоха, которая является последствием поступков династии Яду.

Осмысление травмирующего события как справедливого для религиозного сознания необходимо для упорядочивания мира и психики посредством соотнесения с универсальным законом Космоса или замыслом Создателя. Свобода Создателя осмысляется как условие справедливости, а реализация свободы человеком порождает в мире обстоятельства, требующие акта трансцендентной справедливости.

Представители христианства наиболее глубоко проанализировали идею свободы, которую можно продемонстрировать на евангельских словах Иисуса Христа. Христос говорит представителям партии фарисеев об их посмертном существовании: что их ждет, если они продолжают вести настоящий образ жизни и не изменятся, а также Иисус Христос предоставляет им альтернативу, именно выбор пути и есть акт реализации свободы.

Логика отношений идеи справедливости и идеи свободы в религиозном сознании проясняется, если оттолкнуться в рассуждениях о свободе от идей Бенедикта Спинозы, которые обобщил В.П. Лега: «Спиноза дает опре-

деление того, что такое свобода: свобода есть то, что само определяет себя к действию или действует в соответствии с необходимостью только своей собственной природы. То есть свобода противопоставляется не необходимости, а принуждению. Свободным является тот, кто сам определяет себя в своем собственном действии. Поэтому понятно, что свободным в собственном смысле является только Бог. Только Бог, или субстанция, является причиной самой себя; только Бог Сам определяет Себя к действию и действует в соответствии с необходимостью только Своей собственной природы... Человек может действовать свободно, то есть непринужденно (ведь свобода противопоставляется не необходимости, а принуждению). Человек может свободно выбирать, свободно действовать в рамках познанной необходимой цепи явлений. И как только человек начинает действовать свободно, понимая, что он часть природы, и включен в необходимую связь явлений, тогда он и становится действительно свободным. А свободным он становится тогда, когда он не просто понимает, но и познает необходимую связь явлений» [Легга web]. Человек не закрепощен обстоятельствами, а находится в некоторых условиях, где он может реализовывать свою свободу; одним из условий является определенный образ блага, который принимает религиозное сознание, тем самым религиозный человек выбирает между двумя вариантами, которые можно сформулировать следующим образом: путь блага или путь зла. В условия реализации свободы также включены определенные постулаты, которые описывают образ блага и образ зла; выбрав путь, человек должен понимать, что ждет его в будущем, например, каково будет его посмертное существование.

Появление пандемии может принять различные объяснения в контексте религиозного сознания, но вопрос о справедливости будет так или иначе задан и ответ будет искаться в аспекте отношений имманентного и трансцендентного уровней сущего. Вопрос о справедливости произошедшего в данном случае тоже возникнет, так как есть традиция искать сомасштабные Космосу или Провидению ответы. Идея трансцендентного вмешательства для установления справедливости способна

объяснить носителю религиозного сознания логику травматических событий во время пандемии коронавирусной инфекции. Утешением может быть следующая интерпретация: травматическое событие обусловлено негативной динамикой мира и человечества, которое отошло от закона бытия, состоящего для христиан в спасении души, для буддистов – в идее освобождения, для спиритуалистов – в перемещении после смерти на более высокий (или качественный) уровень бытия и пр. В случае, когда человечество отошло от правил спасения / освобождения / трансгрессивности души, возникает условие для восстановления справедливости как равновесия между нормой и преступлением, предполагающим воздаяние.

С точки зрения светского сознания «съеденная летучая мышь» и миллионы смертей – несоизмеримы, но с точки зрения религиозного сознания «съеденная летучая мышь» и миллионы смертей соизмеримы, потому что коронавирусная инфекция, появившаяся из-за такого случая – это лишь инструмент, который используется для восстановления справедливости после долгой негативной динамики пути человечества, отклонения от дао.

Таким образом, можно видеть, что религиозное сознание базируется на этических идеях, этические идеи имеют отношение в данном виде сознания к трансцендентному. Человек, носитель религиозного сознания, начинает процесс анализа: сопоставление образа человека, полученного когда-то из нематериального мира с тем образом человека, который есть сейчас, а всемирное травматическое событие становится реакцией трансцендентного на длительные деструктивные практики человека, отдаляющегося от того образа, который получен из нематериального мира. И как бы странно ни выглядело данное суждение для носителей светского сознания, нельзя игнорировать смыслы, и значит, – экзистенциальные интересы религиозной части общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Данное сообщение (материал) создано и (или) распространено иностранным средством массовой информации, выполняющим функции иностранного агента, и (или) российским юриди-

ческим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березович, Сурикова 2019 – *Березович Е.Л., Сурикова О.Д.* Названия болезней в русских проклятиях // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Екатеринбург, 9–13 сент. 2019 г.)*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 37–40.
- Бурханов 2016 – *Бурханов Р.А.* Трансцендентальное, имманентное и трансцендентное в философии Иммануила Канта // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2016. № 3, ч. 2. С. 34–36.
- Вернан 1988 – *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988. 224 с.
- Лега web – *Лега В.П.* Философия нового времени. Бенедикт Спиноза [Седмица.RU] // <https://www.sedmitza.ru/lib/text/431778>.
- Мамардашвили 2019 – *Мамардашвили М.* Беседы о мышлении. СПб.: Азбука, 2019.
- Минздрав запретил... web – Минздрав запретил врачам публично высказываться о коронавирусе. 28 октября 2020 [Meduza] // https://meduza.io/news/2020/10/28/minzdrav-zapretil-vracham-publichno-vyskazyvatsya-o-koronaviruse?utm_source=website&utm_medium=push&utm_campaign=browser_news.
- Родзинский 2003 – *Родзинский Д. Л.* Сознание античного мудреца. М.: Аграф, 2003.
- Узланер 2008 – *Узланер Д.* Расколдовывание дискурса: «Религиозное» и «светское» в языке нового времени // *Логос*. 2008. № 4 (67). С. 140–159.
- Филимонов 2013 – *Филимонов В.Д.* Гуманизм как принцип права // *Государство и право*. 2013. № 1. С. 102–108.
- Элиаде 1999 – *Элиаде М.* Очерки сравнительного религиоведения: пер. с англ. М.: Ладомир, 1999.
- Элиаде 1994 – *Элиаде М.* Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Японский 2004 – *Японский Н.* Дневники святого Николая Японского. В 5 т. Т. 5 / сост. К. Накамура. СПб.: Гиперион, 2004.
- Bonhoeffer Dietrich 1970 – *Bonhoeffer Dietrich*. Letter to Eberhard Bethge, 29 May 1944 // *Letters and Papers from Prison* / ed. by Eberhard Bethge, transl. by Reginald H. Fuller. Munich: Christian Kaiser Verlag, 1970. P. 310–312.

Gagarin 2010 – *Gagarin M.* The Oxford Encyclopedia of Ancient Greece and Rome. In 7 vols. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2010.

REFERENCES

- Berezovich E.L., Surikova O.D., 2019. Names of Diseases in Russian Curses. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Materials of an International Scientific Conference (Yekaterinburg, September 9-13, 2019)*. Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta, pp. 37-40.
- Burkhanov R.A., 2016. Transcendental, Immanent and Transcendental in the Philosophy of Immanuel Kant. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice*. Tambov, Gramota Publ., no. 3, pt. 2, pp. 34-36.
- Vernant J.-P., 1988. The Origin of Ancient Greek Thought. Moscow, Progress Publ., 1988.
- Lega V.P. Philosophy of Modern Times. Benedict Spinoza. *Sedmitsa.RU*. URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/431778>.
- Mamardashvili M., 2019. *Conversations About Thinking*. Saint Petersburg, Azbuka Publ.
- The Ministry of Health Has Banned Doctors from Speaking Publicly About the Coronavirus. October 28, 2020. *Meduza*. URL: https://meduza.io/news/2020/10/28/minzdrav-zapretil-vracham-publichno-vyskazyvatsya-o-koronaviruse?utm_source=website&utm_medium=push&utm_campaign=browser_news.
- Rodzinsky D.L., 2003. *Consciousness of the Ancient Sage*. Moscow, Agraf Publ., 2003.
- Uzlaner D., 2008. Disenchantment of Discourse: “Religious” and “Secular” in the Language of Modern Times. *Logos*, no. 4 (67), pp. 140-159.
- Filimonov V.D., 2013. Humanism As a Principle of Law. *State and Law*, no. 1, pp. 102-108.
- Eliade M., 1999. *Essays on Comparative Religious Studies: Translated from English*. Moscow, Lodomir Publ.
- Eliade M. *Sacred and Secular*. Moscow, Izdatelstvo MGU, 1994.
- Yaponsky N., 2004. *Diaries of St. Nicholas of Japan. In 5 vols. Vol. 5*. Saint Petersburg, Hyperion.
- Bonhoeffer Dietrich, 1970. *Letter to Eberhard Bethge, 29 May 1944. Letters and Papers from Prison*. Munich, Christian Kaiser Verlag, pp. 310-312.
- Gagarin M., 2010. *The Oxford Encyclopedia of Ancient Greece and Rome. In 7 vols. Vol. 1*. Oxford, Oxford University Press.

Information About the Authors

Andrey I. Makarov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Associate Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, socphil@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9056-3741>

Tikhon V. Spirin, Postgraduate Student, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, spirin.tikhon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1244-957X>

Информация об авторах

Андрей Иванович Макаров, доктор философских наук, профессор, доцент кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, socphil@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9056-3741>

Тихон Викторович Спирин, аспирант кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, spirin.tikhon@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1244-957X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.7>

UDC 130.2
LBC 87.6

TRANSFORMATION OF RELIGIOUS COMMUNICATION UNDER THE INFLUENCE OF THE COVID-19 PANDEMIC¹

Dmitriy A. Chernichkin

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the transformation of forms of religious communication against the background of the spread of SARS-CoV-2, the virus, that is responsible for the COVID-19 pandemic. Thanks to the advanced opportunities offered by the virtual space, various religious organizations and individual leaders have the opportunity to acquaint all users with their religious doctrines. But in ordinary times the virtual religious space often functioned as an “addition” to the real religious space, then in the context of the coronavirus pandemic, it became almost the main channel for broadcasting religious teachings and ideas. In this regard, the capabilities of the virtual environment made it possible to search and experiment. For some people this can lead to a deeper understanding of their religious traditions and practices, while for others it can open up completely new ways of worshiping God, generating a variety of new ideas and trends. The closure of prayer facilities during the coronavirus pandemic has forced most religious institutions around the world to communicate with their followers online, and most of the self-isolated believers have also turned to virtual space in order not to interrupt their religious practices. By itself, virtual religious activity is not a new phenomenon, but in a crisis situation it has become an adequate substitute for real religious activity, making it possible to maintain the epidemiological situation and curb the outflow of the flock, adjusting their religious rituals to the new conditions. On the example of some religious institutions operating on the territory of Russia, it was revealed that during the period of restrictive measures in the country, some forms of religion have undergone significant changes and accelerated digitalization.

Key words: religion, religious communication, virtual space, Internet, COVID-19, transformation.

Citation. Chernichkin D.A. Transformation of Religious Communication Under the Influence of the COVID-19 Pandemic. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 56-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.7>

УДК 130.2
ББК 87.6

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ COVID-19¹

Дмитрий Алексеевич Черничкин

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации форм религиозной коммуникации на фоне распространения SARS-CoV-2 – вируса, ответственного за пандемию COVID-19. Благодаря расширенным возможностям, которые предлагаются виртуальным пространством, различные религиозные организации и отдельные лидеры получают возможность познакомить всех пользователей со своими религиозными доктринами. Но если в обычное время виртуальное религиозное пространство функционировало зачастую как «дополнение» к реальному религиозному пространству, то в условиях пандемии коронавирусной инфекции оно стало чуть ли не основным каналом трансляции религиозных учений и идей. В связи с этим возможности виртуальной среды позволили искать и экспериментировать. Для некоторых это может привести к более глубокому пониманию их религиозных традиций и практик, а для других это может открывать совершенно новые способы поклонения Богу, порождая разнообразие новых идей и течений. Закрытие молитвенных сооружений во время пандемии коронавирусной инфекции вынудило большинство религиозных институтов по всему миру общаться со своими последователями онлайн, а многие верующие, находящиеся на

самоизоляции, также обратились к виртуальному пространству для того, чтобы не прерывать свои религиозные практики. Сама по себе виртуальная религиозная деятельность – явление не новое, но в условиях кризисной ситуации она стала адекватной заменой реальной, позволив поддержать эпидемиологическую обстановку на нормальном уровне и сдержать отток паствы, подстроив свои религиозные обряды под новые условия. На примере некоторых религиозных институтов, действующих на территории России, было выявлено, что за период действия ограничительных мер в стране некоторые формы вероисповедания подверглись значительным изменениям и ускоренной цифровизации.

Ключевые слова: религия, религиозная коммуникация, виртуальное пространство, Интернет, COVID-19, трансформация.

Цитирование. Черничкин Д. А. Трансформация религиозной коммуникации под влиянием пандемии COVID-19 // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 56–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.7>

Введение

Мировое виртуальное пространство порождает множество локальных подпространств со своими особенностями. Одним из таких пространств является религиозное, постепенно оказывающее все большее влияние и на российского пользователя. Оно формируется как официальными ресурсами основных религиозных институтов (христианство, ислам, буддизм), аккаунтами и сообществами в социальных сетях, тематическими блогами и форумами, так и возникающими в виртуальном пространстве новыми религиозными институциями и онлайн-играми с религиозным контентом. Так же как и реальное религиозное пространство, оно подвергается внешним воздействиям и, по сути, является сложной виртуальной проекцией реального социума. В повседневной экзистенциальной ситуации такие подпространства могут функционировать как нишевые и малоизвестные широкому пользователю. Однако в случае возникновения экстренных ситуаций, таких как пандемия, экологические катастрофы, масштабные экономические кризисы, являющихся одновременно и вызовом, и угрозой всему человечеству – именно религиозный сегмент виртуального пространства, в основе которого лежит фактор веры и спасения, в той или иной форме подкрепленный современными медиатехнологиями, становится важнейшим рычагом влияния на миллионы пользователей. Он аккумулирует в себе все мировоззренческие и социальные проблемы, обостряемые кризисной ситуацией. Вечная проблема теодицеи осмысливается на новом уровне воздаяния за глобальные грехи всего человечества. Разворачивающаяся на наших глазах

ситуация с пандемией COVID-19 как в России, так и во всем мире дает возможность перейти от общих гипотез и теорий к конкретному анализу реакции интернет-пространства на данную ситуацию.

Репрезентацию большинства религиозных объединений в виртуальном пространстве можно считать одним из трендов современной духовной жизни нашей страны. Специфика виртуального религиозного пространства России была описана в нашей предыдущей работе [Романова и др. 2019]. Можно сказать, что российское религиозное виртуальное пространство обладает целым рядом особенностей:

– ограничено в использовании наличием русскоязычного и церковнославянского контента, что объясняется преобладанием русскоязычных пользователей;

– используется преимущественно молодежной аудиторией, что, предположительно, связано с недостаточным овладением новыми технологиями старшим поколением (от 50 лет) [Жизнь без... web];

– имеет сходство по структуре с обычными виртуальными социальными сетями по нескольким параметрам: массовость потребления (большое количество подписчиков), коммерциализация виртуального продукта (практически на каждом сайте и в мобильном приложении существует система пожертвований на развитие проектов), а также серийность (новые приложения религиозного содержания появляются с определенной периодичностью (каждую неделю) и часто обновляются.

Благодаря расширенным возможностям, которые предлагаются виртуальным пространством, различные религиозные организации и отдельные лидеры получают возможность познакомить всех пользователей со сво-

ими доктринами. В связи с этим отпадает необходимость посещения молитвенных домов и визитов к пастырям. В данном аспекте можно согласиться с высказыванием Е.О. Гаврилова о том, что «...интернет стал средством укрепления религиозной идентичности, но в тоже время приводит к ее размыванию» [Гаврилов 2014, 178]. Но если в обычное время виртуальное религиозное пространство России функционировало как «дополнение» к реальному религиозному пространству, то в ситуации с пандемией COVID-19 оно стало чуть ли не основным каналом трансляции религиозных учений и идей.

Позиция представителей религиозных институтов по всему миру в данной ситуации тоже была неоднозначной. В самом начале эпидемии призывы отдельных священнослужителей лечить болезнь молитвой в религиозных сооружениях и с помощью ритуалов дестабилизировали эпидемиологическую ситуацию не только в ряде российских регионов, но и по всему миру. Одновременно взвешенные советы руководства конфессиональных сообществ спасли многих от этого необдуманного шага. Поэтому в рамках данной работы нами будет проанализирована трансформация форм религиозной коммуникации на фоне распространения SARS-CoV-2 – вируса, ответственного за пандемию COVID-19.

Обзор литературы

Активно растущая популярность Интернета способствовала созданию в 90-е гг. XX в. особого научного направления, в рамках которого разрабатывались новые методы изучения религии в интернет-пространстве. Проблематика, связанная с переходом религии в виртуальное пространство, достаточно хорошо представлена в научной литературе. За рубежом фундаментальная работа по исследованию виртуального религиозного пространства ведется уже более 25 лет [Rheingold 1993; Hoover, Lundby 1997; Campbell 2010; Cheruvallil, Shakkour 2015]. Вариант структурирования виртуального религиозного пространства (онлайн-религия) подробно описан в работах К. Хэлланда, который предложил собственный теоретический подход для классификации религиозных сообществ в Интер-

нете [Helland 2005; Helland 2007]. Исследованиям религиозной активности пользователей в онлайн пространстве также посвящено множество работ Х. Кэмпбэлл [Campbell 2010; Campbell 2012]. В течение последних трех десятилетий исследователи стремились тщательнее изучить виртуальные религиозные сообщества и их деятельность в пространстве сети Интернет, чтобы проследить, какие аспекты традиционной религиозной практики действительно могут быть переведены в онлайн-пространство и в какой степени религия трансформируется по мере ее адаптации к новым цифровым технологиям [Hojsgaard, Warburg 2005; Campbell, Lovheim 2011].

В отечественной науке этот вопрос рассматривался междисциплинарно. Среди основной массы исследователей хотелось бы выделить работы Е.А. Островской [Островская 2018; Островская 2019], Т.П. Минченко [Минченко 2012], О.К. Михельсон [Михельсон 2018] и др. В рамках анализа и определения специфики виртуального религиозного пространства российскими исследователями рассматривались особенности взаимодействия религиозных институтов и интернет-пространства [Абрамов, Савенкова 2019], изучался феномен онлайн-паломничества в сети Интернет, основываясь на социологическом подходе изучения религии [Павличенко 2018]; выявлялась роль Интернета в формировании уровня религиозности [Тартыгашева 2018], а также анализировались структурные единицы наблюдения религиозной исповеди на платформе видеохостинга YouTube [Алексеева 2019]. Состоянию религиозных общин в условиях различных кризисных ситуаций (экономических, политических, социальных и др.) также посвящено достаточное количество зарубежных научных работ [Trueman, Gould 2016; Wildman et al. 2020; Alyanak 2020; AbdulGafar 2019]. Однако практически нет отечественных исследований, посвященных трансформации религиозных сетей под влиянием различных кризисных ситуаций.

Состояние религиозных институтов во время пандемии

Закрытие молитвенных сооружений во время пандемии коронавирусной инфекции

вынудило большинство религиозных институтов действовать по-новому: духовные службы и общение с паствой были быстро и эффективно переведены в пространство сети Интернет. Многие церкви переориентировали свои оффлайн мероприятия под новые условия во избежание оттока паствы: обряды и молитвы, образовательные курсы, послания, проповеди, концерты религиозной музыки, ответы на вопросы прихожан и т. п. Стоит отметить, что религиозная деятельность, перенесенная в виртуальную среду, – явление не новое. Современное религиозоведение исследовало эту тему с разных точек зрения и в разных контекстах: ритуальная трансформация [Baesler, Chen 2013], виртуальные храмы [Cowan 2005], онлайн-религиозные сообщества [Hutchings 2011] и т. д.

Однако перенос религиозной деятельности в виртуальное пространство в качестве «прагматического ответа на культурные изменения» [Campbell 2020] некоторыми исследователями воспринимается довольно негативно [Bare 2020], хотя рост религиозного обмена посредством виртуального пространства очевиден. Согласно последнему отчету Google, одной из наиболее популярных молитв в их поисковом запросе в 2020 г. была «молитва о коронавирусе», в которой верующие просят у Бога защиты от болезни COVID-19, силы сопротивляться, а также благодарят за усилия медицинских работников [Bentzen 2020]. В Русской православной церкви был утвержден текст подобной молитвы «от вредоносного поветрия» на церковнославянском языке. А на основании результатов социологического исследования агентства «Pew Research Center», более 50 % опрошенных отметили, что активно молились о прекращении распространения коронавирусной инфекции, причем положительных ответов пожилых людей было больше, чем положительных ответов молодежи; 57 % процентов тех, кто заявляет о посещении религиозных служб, как правило, не реже одного или двух раз в месяц, сказали, что они смотрели трансляции религиозных служб в сети Интернет или по телевизору [Most Americans... web].

Режим локдауна во многих странах побудил большинство верующих обратиться к виртуальному пространству, чтобы продол-

жить богослужение и не прерывать свои религиозные практики. Но, в свою очередь, виртуальное пространство дало пользователям возможность познакомиться с другими формами поклонения, литургическими практиками и проповедями, к которым они обычно не привыкли. Виртуальная среда создала возможность искать и экспериментировать. Для некоторых это может привести к более глубокому пониманию их религиозных традиций и практик, а для других это может открывать совершенно новые способы поклонения Богу, порождая разнообразие новых идей и течений. Английский исследователь Ф. Поттер, взяв за основу концепцию «общества потребления», полагает, что «каждый посетитель церкви – в своем роде потребитель. Он выбирает, где и когда поклоняться, какой религии придерживаться и какого священника он хочет посетить на воскресной службе» [Potter 2015, 47]. Пандемия COVID-19 расширила возможности потребительского выбора: прихожане теперь могут посмотреть проповедь любого религиозного деятеля, следовать за тем, кто им нравится, и не ограничиваться одной религиозной принадлежностью на всю жизнь.

Новые условия стимулировали необходимость в присоединении к виртуальному сообществу. Теперь многие религиозные объединения продолжили свои ежедневные собрания и мероприятия (изучение Библии, Корана, Торы, литургии, собрания молодежных религиозных движений, консультирование прихожан и даже собрания руководства религиозных институтов), которые осуществляются с использованием платформ Zoom, Google, Discord, Instagram, Hangouts и других подобных средств.

Примеры трансформаций форм религиозной коммуникации

Возможность летального исхода от воздействия нового вируса привела к необходимости изменить свой уклад жизни, соблюдая социальное дистанцирование и исключая ряд форм социального взаимодействия, которые требуют непосредственного физического контакта. Такие меры безопасности сказываются на религиозном сознании, культовой и обрядовой деятельности. Оказавшись в услови-

ях самоизоляции, человек получает, по мнению Ю.В. Гавриловой и М.А. Жиронкиной, «возможность соприкоснуться со своим внутренним миром, задуматься о себе и своей жизни, и порой люди сталкиваются с чем-то, к чему еще не готовы» [Гаврилова, Жиронкина 2020, 39]. Многим верующим пришлось молиться вне стен молитвенного сооружения, в непривычной обстановке, дома, где нет иногда определенных икон и образов, к которым направлена молитва; отказаться от совершения ряда культовых действий, сопровождающих молитву, ограничить беседы со священнослужителями и т. д.

Выходом из сложившейся ситуации стали возможности сети Интернет. Следует отметить, что наиболее быстро подстроились под новые условия протестантские деноминации, которые на протяжении нескольких лет практиковали еженедельные служения и молитвы в онлайн-пространстве в целях донесения информации до тех, кто не может присутствовать на службах по причине болезней. Для них онлайн-проповеди и чтение Библии посредством видеосвязи – это не компромисс, а обычная практика. А некоторые обряды в экстренных случаях протестанты могут совершать и без священника. Так, к примеру, в октябре 2020 г. во время онлайн-встречи Российского объединения союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ) начальствующим епископом было объявлено, что теперь в экстренных случаях пятидесятники-миряне могут совершать таинства крещения и причастия самостоятельно, а священники – дистанционно, в том числе венчать онлайн: *«Конечно, лучше, когда все это происходит вживую, но если вдруг возникает пандемия или другие препятствия, мы мгновенно можем уйти в онлайн»* [Пятидесятники в России... web].

Русская православная церковь также переориентировала часть своей религиозной деятельности в онлайн-пространство. Казанский священник А. Русакевич, известный пользователям социальных сетей как «Позитивный батюшка», в течение всего периода самоизоляции на территории нашей страны вел ежедневные онлайн-службы из стен храма Казанской иконы Божией матери в Твери через приложение Instagram. Впрочем, подобный вид богослужения священник практику-

ет с 2018 г. [Позитивный батюшка web]. В частности посредством своей страницы в социальной сети Instagram он принимает записки на богослужение от мирян, по просьбе прихожан ставит свечи в храме, а также осуществляет причастие через видеосвязь. Так как начало пандемии совпало с празднованием Пасхи, на время проведения праздника священник призывал православных христиан оставаться дома и предлагал освятить вербу и куличи в домашних условиях.

Наряду с другими конфессиями духовным управлением мусульман в РФ были также предприняты действия по реагированию на вызовы, связанные с пандемией. Например, в Москве праздник Ураза-Байрам, который проводится в честь окончания священного месяца Рамадан, прошел без ежегодной массовой молитвы у Соборной мечети. На ней присутствовали только сотрудники духовного управления и ограниченное число священнослужителей. Духовенство порекомендовало мусульманам проводить омовение и молитву дома, проявить терпеливость и послушность и не принимать гостей на праздники во время пандемии [В Москве... web]. Проведение главной молитвы транслировалось посредством прямых эфиров в различных социальных сетях.

Заключение

По мере того как кризис религиозной жизни, вызванный пандемией коронавирусной инфекции, продолжается, интересно будет проследить за дальнейшим развитием форм религиозной активности. Усилится ли связь между религией и онлайн-пространством в качестве аутентичной формы поклонения в будущем? Еще неизвестно, смогут ли священнослужители вовлекать верующих в онлайн-богослужение в долгосрочной перспективе, ведь большинство верующих в России – люди старшего и преклонного возраста, которые практически не обладают навыками взаимодействия с современными электронными устройствами. Но одно можно сказать с уверенностью: в результате пандемии COVID-19 формы вероисповедания подверглись значительным изменениям. В данной статье была рассмотрена лишь часть изменений, произошедших в обрядовой деятельности некоторых конфессий во время

пандемии. Сама по себе виртуальная религиозная деятельность – явление не новое, но в условиях кризисной ситуации она стала адекватной заменой реальной религиозной деятельности, позволив поддержать нормальный уровень эпидемиологической обстановки и сдерживать отток паствы, подстроив свои религиозные обряды под новые условия.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10064) «Трансформация механизмов формирования по странсгрессионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation (Project No.18-78-10064) “Transformation of mechanisms of formation of posttransgress model of religious identity in the modern information space”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов, Савенкова 2019 – *Абрамов Е.Ю., Савенкова И.В.* Религия в интернет-пространстве // *Аллея науки*. 2019. Т. 1, № 5 (32). С. 1023–1025.
- Алексеева 2019 – *Алексеева Е.А.* Исповедь как тема коммуникации на платформе YouTube (на примере православных приходов города Екатеринбург) // *Социология религии в обществе позднего модерна*. 2019. Т. 8. С. 77–86.
- В Москве... web – В Москве из-за пандемии мусульмане отметят Ураза-байрам дома [Sputnik] // https://tj.sputniknews.ru/russia/20200515/1031246279/moscow-pandemia-musuljman-uraza-bayram-doma.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
- Гаврилов 2014 – *Гаврилов Е.О.* Оцифрованное сакральное: особенности существования религии в интернет-пространстве (по материалам СМИ) // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2014. № 28. С. 177–183.
- Гаврилова, Жиронкина 2020 – *Гаврилова Ю.В., Жиронкина М.А.* Религии в условиях пандемии COVID-19: опыт России // *Общество: философия, история, культура*. 2020. № 6 (74). С. 36–40.
- Жизнь без... web – Жизнь без интернета: рай или апокалипсис? // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9681>.
- Минченко 2012 – *Минченко Т.П.* Религия, новые технологии и свобода совести в постсекулярном мире // *Известия Томского политехнического университета*. 2012. Т. 321, № 6. С. 147–151.
- Михельсон 2018 – *Михельсон О.К.* Сакрализация популярного. Методологические подходы к исследованию Religion-Like Phenomena в современном религиоведении // *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*. 2018. Т. 34, № 1. С. 122–137.
- Островская 2018 – *Островская Е.А.* Интернет-медиатизация исповеди в среде православных сетевых vk.com сообществ // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17, № 3. С. 45–58. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.3.6>.
- Островская 2019 – *Островская Е.А.* Медиатизация православия – это возможно? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 5 (153). С. 300–319.
- Павличенко 2018 – *Павличенко З.Ю.* Паломничество и другие ритуалы в киберпространстве // *Религиоведение*. 2018. № 1. С. 52–57.
- Позитивный батюшка web – Позитивный батюшка [Социальная сеть Instagram] // https://www.instagram.com/pozitivniy_batushka/?igshid=1kyfms999093y.
- Пятидесятники в России... web – Пятидесятники в России могут креститься и совершать причастие без священника [РИА новости] // <https://ria.ru/20201022/protestanty--1581044758.html>.
- Романова и др. 2019 – *Романова А.П., Топчиев М.С., Черничкин Д.А., Дрягалов В.С., Рогов А.В.* Влияние виртуального пространства на формирование религиозной идентичности студенческой молодежи (на примере Юга России) // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. № 2. С. 99–120.
- Тартыгашева 2018 – *Тартыгашева Г.* Социологические исследования религиозности в сети интернет // *Вестник РГГУ. Серия: Философия, социология, искусствоведение*. 2018. № 3 (13). С. 92–98.
- AbdulGafar 2019 – *AbdulGafar O.F.* Islam and Disaster Management in Contemporary Times: A Psycho-Socio-Spiritual Response // *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*. 2019. № 38 (3). P. 259–280.
- Alyanak 2020 – *Alyanak O.* Faith, Politics and the COVID-19 Pandemic: The Turkish Response // *Medical Anthropology. Cross-Cultural Studies in Health and Illness*. 2020. Vol. 39, iss. 5. P. 374–375. DOI: [10.1080/01459740.2020.1745482](https://doi.org/10.1080/01459740.2020.1745482).
- Baesler, Chen 2013 – *Baesler J., Chen Y.F.* Mapping the Landscape of Digital Petitionary Prayer As Spiritual / Social Support in Mobile, Facebook, and E-mail // *Journal of Media and Religion*. 2013. Vol. 12 (1). P. 1–15. DOI: [10.1080/15348423.2013.760385](https://doi.org/10.1080/15348423.2013.760385).

- Bare 2020 – *Bare D.* How Embodied is “The Body of Christ?” COVID-19 and Christian Corporeality // *Religion in Quarantine: The Future of Religion in a Post-Pandemic World*. Network for New Media, Religion & Digital Culture Studies. Texas: Texas A & M University, 2020. P. 36–38.
- Bentzen 2020 – *Bentzen J.S.* Acts of God? Religiosity and Natural Disasters Across Subnational World Districts // *The Economic Journal*. 2019. Iss. 129 (622). P. 2295–2321. DOI:10.1093/ej/uez008.
- Campbell 2010 – *Campbell H.* When Religion Meets New Media. L.: Routledge, 2010.
- Campbell 2012 – *Campbell H.* How Religious Communities Negotiate New Media Religiously // *Digital Religion, Social Media and Culture: Perspectives, Practices and Futures*. N. Y.: Peter Lang, 2012. P. 81–96.
- Campbell 2020 – *Campbell H.* Religion Embracing and Resisting Cultural Change in a Time of Social Distancing // *Religion in Quarantine: The Future of Religion in a Post-Pandemic World*. Network for New Media, Religion & Digital Culture Studies. Texas: Texas A&M University, 2020. P. 9–14.
- Campbell, Lovheim 2011 – *Campbell H., Lovheim M.* Rethinking the Online-Offline Connection in Religion Online // *Information, Communication & Society*. 2011. № 18. P. 1083–1096.
- Cheruvallil, Shakkour 2015 – *Cheruvallil C., Shakkour S.* Digital Methodologies in the Sociology of Religion. L.: Bloomsbury Publishing, 2015.
- Cowan 2005 – *Cowan D.* Online U-Topia: Cyberspace and the Mythology of Placelessness // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2005. Iss. 44 (3). P. 257–263. DOI:10.1111/j.1468-5906.2005.00284.x.
- Helland 2005 – *Helland C.* Online Religion As Lived Religion Methodological Issues in the Study of Religious Participation on the Internet // *Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet*. 2005. Vol. 01.1. P. 1–16.
- Helland 2007 – *Helland C.* Diaspora on the Electronic Frontier: Developing Virtual Connections with Sacred Homelands // *Journal of Computer-Mediated Communication (Special Issue on Religion and the Internet)*. 2007. № 12. P. 956–976.
- Hojsgaard, Warburg 2005 – *Hojsgaard M., Warburg W.* Religion and Cyberspace. L.: Routledge, 2005.
- Hoover, Lundby 1997 – *Hoover S.M., Lundby K.* Rethinking Media, Religion and Culture. Thousand Oaks: Sage, 1997.
- Hutchings 2011 – *Hutchings T.* Contemporary Religious Community and the Online Church // *Information, Communication & Society*. 2011. Iss. 14 (8). P. 1118–1135. DOI:10.1080/1369118x.2011.591410.
- Most Americans... web – Most Americans Say Coronavirus Outbreak Has Impacted Their Lives [Pew Research Center] // https://www.pewsocialtrends.org/2020/03/30/most-americans-say-coronavirus-outbreak-has-impacted-their-lives/?utm_source=link_news9&utm_campaign=item307619&utm_medium=copy.
- Potter 2015 – *Potter P.* Pioneering a New Future: A Guide to Shaping Change and Changing the Shape of the Church. Rossendale: The Bible Reading Fellowship, 2015.
- Rheingold 1993 – *Rheingold H.* The Virtual Community. N. Y.: Harper, 1993.
- Trueman, Gould 2016 – *Trueman L., Gould O.N.* The Role of Religion When Crisis Looms: A Church Community at a Crossroads // *Journal of Religion, Spirituality & Aging*. 2016. № 29 (1). P. 18–32.
- Wildman et al. 2020 – *Wildman W.J., Bulbulia J., Sosis R., Schjoedt U.* Religion and the COVID-19 Pandemic // *Religion, Brain & Behavior*. 2020. № 10 (2). P. 115–117.

REFERENCES

- Abramov E. Yu., Savenkova I. V., 2019. Religion in the Internet Space. *Alleya nauki*, vol. 1, no. 5 (32), pp. 1023-1025.
- Alekseeva E. A., 2019. Confession As a Topic of Communication on the YouTube Platform (On the Example of Orthodox Parishes in Yekaterinburg). *Sociologiya religii v obshchestve pozdnego moderna*, vol. 8, pp. 77-86.
- In Moscow, due to the Pandemic, Muslims will Celebrate Eid al-Adha at Home. *Sputnik*. URL: https://tj.sputniknews.ru/russia/20200515/1031246279/moscow-pandemia-musuljmanuraza-bayram-doma.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.
- Gavrilov E. O., 2014. Digitized Sacred: Features of the Existence of Religion in the Internet Space (Based on Media Materials). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 28, pp. 177-183.
- Gavrilova Yu. V., Zhironkina M. A., 2020. Religions in the Context of the COVID-19 Pandemic: Russia's Experience. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, vol. 6 (74), pp. 36-40.
- Life Without the Internet: Heaven or Apocalypse? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9681>.
- Minchenko T. P., 2012. Religion, New Technologies and Freedom of Conscience in the Post-Secular World. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*, vol. 321, no. 6, pp. 147-151.
- Mihel'son O. K., 2018. Sacralization of the Popular. Methodological Approaches to the Study of Religion-Like Phenomena in Modern Religions

- Studies. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya*, vol. 34, no. 1, pp. 122-137.
- Ostrovskaya E.A., 2018. Internet Mediatization of Confession in the Orthodox Social Networking Sight Vk.com. *Logos et Praxis*, vol. 17, no. 3, pp. 45-58. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.3.6>.
- Ostrovskaya E.A., 2019. Is it Possible to Mediatize Orthodoxy? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 5 (153), pp. 300-319.
- Pavlichenko Z. Yu., 2018. Pilgrimage and Other Rituals in Cyberspace. *Religiovedenie*, no. 1, pp. 52-57.
- The Positive Priest. *Social'naya set' Instagram*. URL: https://www.instagram.com/pozitivniy_batushka/?igshid=1kyfms999093y.
- Pentecostals in Russia Can Be Baptized and Partake of the Sacrament Without a Priest. *RIA novosti*. URL: <https://ria.ru/20201022/protestanty--1581044758.html>.
- Romanova A.P., Topchiev M.S., Chernichkin D.A., Dryagalov V.S., Rogov A.V., 2019. The Influence of the Virtual Space on the Formation of Religious Identity of Student Youth (On the Example of the South of Russia). *South-Russian Journal of Social Sciences*, no. 2, pp. 99-120.
- Tartygasheva G., 2018. Sociological Research of Religiosity on the Internet. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya, sociologiya, iskusstvovedenie*, no. 3 (13), pp. 92-98.
- AbdulGafar O.F., 2019. Islam and Disaster Management in Contemporary Times: A Psycho-Socio-Spiritual Response. *Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought*, no. 38 (3), pp. 259-280.
- Alyanak O., 2020. Faith, Politics and the COVID-19 Pandemic: The Turkish Response. *Medical Anthropology. Cross-Cultural Studies in Health and Illness*, vol. 39, iss. 5, pp. 374-375. DOI: 10.1080/01459740.2020.1745482.
- Baesler J., Chen Y.F., 2013. Mapping the Landscape of Digital Petitionary Prayer as Spiritual/Social Support in Mobile, Facebook, and E-mail. *Journal of Media and Religion*, iss. 12 (1), pp. 1-15. DOI: 10.1080/15348423.2013.760385.
- Bare D., 2020. How Embodied is "The Body of Christ?" COVID-19 and Christian Corporeality. *Religion in Quarantine: The Future of Religion in a Post-Pandemic World. Network for New Media, Religion & Digital Culture Studies*. Texas, Texas A&M University, pp. 36-38.
- Bentzen J.S., 2019. Acts of God? Religiosity and Natural Disasters Across Subnational World Districts. *The Economic Journal*, iss. 129 (622), pp. 2295-2321. DOI:10.1093/ej/uez008.
- Campbell H., 2010. *When Religion Meets New Media*. London, Routledge Publ.
- Campbell H., 2012. How Religious Communities Negotiate New Media Religiously. *Digital Religion, Social Media and Culture. Perspectives, Practices and Futures*. New York, Peter Lang Publ., pp. 81-96.
- Campbell H., 2020. Religion Embracing and Resisting Cultural Change in a Time of Social Distancing. *Religion in Quarantine: The Future of Religion in a Post-Pandemic World. Network for New Media, Religion & Digital Culture Studies*, Texas, Texas A&M University, pp. 9-14.
- Campbell H., Lovheim M., 2011. Rethinking the Online-Offline Connection in Religion Online. *Information, Communication & Society*, no. 18, pp. 1083-1096.
- Cheruvallil C., Shakkour S., 2015. *Digital Methodologies in the Sociology of Religion*. London, Bloomsbury Publishing.
- Cowan D., 2005. Online U-Topia: Cyberspace and the Mythology of Placelessness. *Journal for the Scientific Study of Religion*, iss. 44 (3), pp. 257-263. DOI:10.1111/j.1468-5906.2005.00284.x.
- Helland C., 2005. Online Religion as Lived Religion Methodological Issues in the Study of Religious Participation on the Internet. *Online – Heidelberg journal of religions on the Internet*, vol. 01.1, pp. 1-16.
- Helland C., 2007. Diaspora on the Electronic Frontier: Developing Virtual Connections with Sacred Homelands. *Journal of Computer-Mediated Communication (Special Issue on Religion and the Internet)*, no. 12, pp. 956-976.
- Hojsgaard M., Warburg W., 2005. *Religion and Cyberspace*. London, Routledge Publ.
- Hoover S.M., Lundby K., 1997. *Rethinking Media, Religion and Culture*. Thousand Oaks, Sage Publ.
- Hutchings T., 2011. Contemporary Religious Community and the Online Church. *Information, Communication & Society*, iss. 14 (8), pp. 1118-1135. DOI:10.1080/1369118x.2011.591410.
- Most Americans Say Coronavirus Outbreak Has Impacted Their Lives. *Pew Research Center*. URL: https://www.pewsocialtrends.org/2020/03/30/most-americans-say-coronavirus-outbreak-has-impacted-their-lives/?utm_source=link_news9&utm_campaign=item307619&utm_medium=copy.
- Potter P., 2015. *Pioneering a New Future: A Guide to Shaping Change and Changing the Shape of the Church*. Rossendale, The Bible Reading Fellowship Publ.
- Rheingold H., 1993. *The Virtual Community*. New York, Harper Publ.
- Trueman L., Gould O.N., 2016. The Role of Religion When Crisis Looms: A Church Community at a Crossroads. *Journal of Religion, Spirituality & Aging*, no. 29 (1), pp. 18-32.
- Wildman W.J., Bulbulia J., Sosis R., Schjoedt U., 2020. Religion and the COVID-19 Pandemic. *Religion, Brain & Behavior*, no. 10 (2), pp. 115-117.

Information About the Author

Dmitriy A. Chernichkin, Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Junior Researcher, Laboratory for the Study of Socio-Political and Cultural Dynamics of the Lower Volga Region and the Caspian Region, Astrakhan State University, Tatishcheva St, 20a, 414056 Astrakhan, Russian Federation, chernichkin95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9647-7916>

Информация об авторе

Дмитрий Алексеевич Черничкин, аспирант кафедры культурологии, младший научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Прикаспия, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20а, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, chernichkin95@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9647-7916>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.8>

UDC 316:364-785.14:616-036.21

LBC 60.524.125

SOCIAL ISOLATION CHALLENGE: RUSSIAN CONTEXT

Aleksander L. Strizoe

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article considers the main trends and features of the impact of social isolation measures in a global pandemic on the life of modern society. The author notes that the practice of implementing measures of social isolation distinguishes certain social strata, pushing others to the periphery of managerial attention and support; aggravates feelings of social inequality of opportunity, changes space and intensity of individual and social mobility; affects the authority of local and regional government and attitudes towards them. The article describes various aspects and difficulties of individual and social adaptation to the pandemic. The carried out comparative analysis of European and Russian sociocultural context, in which social challenges of the pandemic are manifested, shows their common features: aggravation of problems of social adaptation, different degrees of readiness for it, an asynchronous development of integration processes, an authoritarian-conservative turn in the mass consciousness. The characteristic of the main trends of changes in consciousness and behavior is given, in which the response of Russian society to the challenges of new living conditions and the pandemic reformatting of the social communications space is manifested. The attention to the multidirectional character of adaptation strategies of the population is drawn. The author expresses the opinion that the choice of the optimal variant of society's adaptation to global environmental, including pandemic, challenges is determined both by the elite's ability to transform social institutions and by a change in the dominant personality type. An atomized type of individual, focused on the values of early modernity, in whose subconsciousness authoritarian-paternalistic attitudes are preserved, should be replaced by a type of personality, with qualities and abilities corresponding to the imperatives of a complex and dynamically changing modern society.

Key words: pandemic, social isolation, social challenge, social adaptation, social solidarity, social fairness, authoritarianism, personality.

Citation. Strizoe A.L. Social Isolation Challenge: Russian Context. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 65-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.8>

УДК 316:364-785.14:616-036.21

ББК 60.524.125

ВЫЗОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Александр Леонидович Стризое

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация.

Аннотация. В статье показаны основные направления и особенности воздействия мер социальной изоляции в условиях глобальной пандемии на жизнь современного общества. Автор отмечает, что практика реализации мер социальной изоляции выделяет определенные социальные слои, оттесняя другие на периферию управленческого внимания и поддержки; усугубляет ощущения социального неравенства возможностей, изменяет пространство и интенсивность индивидуальной и социальной мобильности; влияет на авторитет местной и региональной власти и отношение к ней. В статье дана характеристика разным аспектам и трудностям индивидуальной и социальной адаптации к пандемии. В ходе проведенного сравнительного анализа европейского и российского социокультурного контекста, в котором проявляются социальные вызовы пандемии, выделены их общие черты: обострение проблем социальной интеграции, разная степень готовности к ней, асинхронность развития интеграционных процессов, авторитарно-консервативный поворот в массовом сознании. Дана характеристика основных тенденций изменения сознания и поведения, в которых проявляется ответ российского общества на вызовы новых условий жизни и пандемического переформати-

рования пространства социальных коммуникаций. Автор обращает внимание на разнонаправленность адаптационных стратегий населения. В статье высказано мнение о том, что выбор оптимального варианта адаптации общества к глобальным экологическим, в том числе и пандемическим вызовам, определяется как способностью элиты к трансформации социальных институтов, так и изменением доминирующего типа личности. Тип атомизированного индивида, ориентированный на ценности раннего модерна, в подсознании которого сохраняются авторитарно-патерналистские установки, должен быть замещен типом личности, качества и способности которого соответствовали бы императивам сложного и динамично изменяющегося современного общества.

Ключевые слова: пандемия, социальная изоляция, социальный вызов, социальная адаптация, социальная солидарность, социальная справедливость, авторитаризм, личность.

Цитирование. Стризов А. Л. Вызов социальной изоляции: российский контекст // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 65–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.8>

Глобальная пандемия коронавируса оказала существенное влияние на жизнь общества начала XXI века. Одним из проявлений такого влияния стало изменение ландшафта социальных связей, пространства, формата и режима общения людей в условиях использования мер социальной изоляции. Эти меры стали своеобразным вызовом социокультурной реальности, поскольку в них воплотилось воздействие на общество не только силы государства и медико-гигиенических императивов, но и принудительное воздействие механизмов общественной дисциплины – внушения, стереотипизации, подражания, оприличивания и административно-экономического принуждения.

Введение этих мер заметно изменило повестку дня для общественного мнения и СМИ. Важнейшей проблемой стало обоснование необходимости и оправданности социальной изоляции, а также справедливости тех форм ее осуществления, которые были предложены обществу. Сложности такого обоснования были связаны, прежде всего, с недостатком знаний о природе самого вируса, его контагиозности, симптоматике и возможных последствиях заражения. Социальный контекст использования медико-биологической информации, связанной с пандемией, определялся тем, что она была особо значима для определенных социально-демографических групп: людей зрелого и пожилого возраста, страдающих определенными хроническими заболеваниями, имеющих ограниченный доступ к качественным медицинским услугам, жителям депрессивных в социально-экономическом смысле районов и территорий. Меры социальной изоляции, изменив привычный уклад жизни, создали для них дополнительные труд-

ности, повысили их социальную уязвимость. Это поставило вопрос о дифференциальной диагностике не только в медицинском смысле, но и, как справедливо подчеркивает А.В. Рубцов, «состояния здоровья» различных социальных организмов [Рубцов 2020, 23]. Адресность пандемической угрозы привела к тому, что коммуникационные ограничения, а также внимание властей, работников здравоохранения и учреждений социальной защиты коснулись одних социальных слоев, оттеснив другие на периферию управленческого внимания и поддержки.

Меры социальной изоляции сказались на работе весьма важной для современного общества сферы сервиса, а также малого и среднего бизнеса, изменив организацию труда, все пространство коммуникаций производителей и потребителей разнообразных работ, товаров и услуг. Дистантный режим работы и функционирования таких социальных институтов, как образование, культура, рекреация, был сопряжен с новыми проблемами организации, учета и контроля труда. Домашний режим работы фактически стирал границы рабочего и свободного времени, делая рабочий день ненормированным [Шипилов 2020, 137]. При этом рост трудовой нагрузки в условиях дистанта не исключал снижения качества получаемых результатов. Далеко не всем формально включенным в сферу дистантного взаимодействия оно оказалось фактически доступно в силу отсутствия компьютеров и иных электронных средств или сбоев в их работе. Эти, казалось бы, сугубо технические проблемы, часто создавали негативный эмоциональный фон, усугубляли ощущения социального неравенства возможностей, уязвимости и дискриминации. Социальная изоляция отразилась

и на современном пространстве индивидуальной и социальной мобильности, превратив пользование общественным транспортом в зону повышенного риска и угрозы заражения. Масштабным изменениям подверглись также сферы публичной коммуникации: затруднив общение, пандемия внесла в эти пространства новые напряженности, риски, морально-психологический дискомфорт. Изменения в организации досуга оказались весьма травматичны для социально-психологического самочувствия и болезненны для привычного образа жизни самых разных групп населения.

Реализация этих мер, особенно в крупных городах и мегаполисах, негативно повлияла на авторитет и позиции местной и региональной власти, которую многие подозревали в неоправданном ограничении социальной и гражданской активности, вторжении в частную жизнь, выборе неверных социальных приоритетов и способов реагирования. В условиях глобального масштаба пандемии эти подозрения имели объективное основание. Ошибки в дифференциальной диагностике ситуации приводили к ошибочным обобщениям, когда «генерализации подвергается не то, что нужно, а то, что бросается в глаза как якобы лишенное различий» [Рубцов 2020, 24]. Сомнения в справедливости коммуникативных ограничений провоцировали появление разного рода конспирологических объяснений, как самой пандемии, так и мер по противодействию ей. Это провоцировало, с одной стороны, появление ковид-диссидентства, отрицавшего существование пандемической угрозы, призывавшего к саботажу мер, направленных против нее, с другой же, возник пандемический алармизм, также оказывавший негативное воздействие на общественные настроения.

Затронув процессы социализации, меры социальной изоляции не только воздействовали на формы коммуникации и каналы передачи социального опыта, но и поставили вопрос об адаптации личности и общества к новым условиям. Сложность такой адаптации была связана не только со спецификой поля рисков, угрожающих медико-биологической безопасности личности и общества, но с их временной неопределенностью. В ситуации, когда число волн пандемии, их сила и продолжитель-

ность оценивались весьма приблизительно, возникала перспектива постоянного присутствия вирусной угрозы, требующая от разных поколений людей научиться жить в новых условиях. С одной стороны, все это поставило вопросы о социальном статусе личности, ее положении в социальном пространстве и социальном самочувствии, связанные с самоопределением в обществе, с выбором направлений и сфер социальных контактов и взаимодействий. С другой – вопросы о личной автономии и выборе жизненной траектории, о личном достоинстве, ощущении самого себя и собственной идентичности. Ответы на них имеют в своем основании в большей или меньшей мере проявленную мировоззренческую и смысловую рефлексивность. Ее отражением стала постановка вопроса о диалектической взаимосвязи биополитики, проявлением которой стали меры социальной изоляции, и обеспечения гуманитарной безопасности человека [Кукарцева (Гласер), Ивлев, Новик 2021].

Ответ и общества, и отдельных личностей на вызов социальной изоляции определяется, наряду с другими факторами, локальным социокультурным контекстом, опытом и логикой предшествующего социально-исторического развития, формирующими повестку дня, актуальную для конкретных регионов и сообществ. Социальная изоляция, с одной стороны, обостряет восприятие этой локальной специфики, отделяя ее от влияния глобальных информационно-технологических, экономических и политических факторов. С другой – будучи общей для большинства государств формой реакции на глобальный характер пандемии, изоляция указывает на сходство основных культурных форм противостояния этой опасности и адаптации к ней. Таким образом, столкновение глобального и локального культурных контекстов в процессе обсуждения и практической реализации актуальной повестки дня выявляет ее проблемность, стимулируя поиски путей разрешения кризиса.

Европейская философия предлагает нам различные ракурсы видения и рефлексии локальных социокультурных ландшафтов и приоритетов развития. В этой панораме мнений и оценок для нас интересен немецкий взгляд, позволяющий увидеть, как общие, так и специфически российские моменты социальных

последствий пандемии и связанной с ней изоляции. Этот взгляд представлен Ю. Хабермасом, поставившим вопрос о перспективах социальной интеграции в общеевропейском и германском национально-государственном масштабе в условиях, когда пандемия и социальная изоляция умножили барьеры между странами, регионами, сообществами и социальными группами [Habermas web]. Сходная проблема существует и в России. Она обусловлена не только остротой проблемы интеграции постсоветского пространства и важностью предотвращения региональной и этнокультурной разобщенности огромного внутрироссийского пространства. Пандемия поставила вопрос о преодолении барьеров социально-экономического неравенства, о разрушении резерваций бедности и маргинальности, о демократизации доступа к мерам предотвращения и профилактики инфицирования, к качественным медицинской помощи и образованию детей и молодежи и социальной поддержке.

Ю. Хабермас признает различный уровень готовности обществ к решению интеграционных задач. По его мнению, ограничения периода пандемии показали, что, хотя «немецкое и европейское воссоединение были связаны друг с другом, словно сообщающиеся сосуды», «для бывших граждан ГДР, выросших в другой политической среде, тема единой Европы не была столь же важной и значимой, как для граждан “старой” ФРГ». В то же время, выявилась асинхронность процессов социальной интеграции отдельных обществ, когда «экономически обоснованные опасения краха панъевропейского проекта... стали достаточно сильны, чтобы изменить приоритеты», а опасность, исходящая «от давно поменявшейся геополитической картины мира... подвергает испытаниям демократический строй и культурную идентичность европейцев» [Habermas web].

Трудности социальной интеграции, описанные Ю. Хабермасом, не являются специфически европейскими. Они представляют собой проявления таких универсальных особенностей протекания социальных процессов как многоуровневый характер, неравномерность протекания, социокультурная обусловленность. Глобальный характер пандемичес-

кой опасности выявил, как в Европе, так и в России, трудности внутренней консолидации сообществ, координации и синхронизации государственной политики и управления на различных уровнях социальной организации. Ситуация с восприятием россиянами угроз и рисков пандемии подтвердила справедливость замечания Ю. Хабермаса о роли среды и формирующегося в ней социального опыта как факторов, способствующих или препятствующих согласованным совместным действиям людей, массовидности их социальных реакций. Если в относительно этнически однородной Германии мозаичность социального опыта и культуры обусловлена преимущественно политико-идеологическими факторами, то в российских условиях такая мозаичность является отражением этноконфессиональных и территориально-поселенческих различий. Они могут провоцировать неадекватные реакции, в том числе в духе ковид-диссидентства, на унифицирующие требования социальной изоляции и их императивный характер. Эффективную адаптацию к требованиям социальной изоляции часто затрудняют отмеченные философом различные скорости протекания экономических, геополитических и институционально-политических изменений. В российских условиях действие всех этих объективных тенденций усиливает фрагментацию социальной структуры и атомизацию общества, углубляет и без того существенные различия в проявлениях социальной солидарности на микро и макроуровне, что существенно ослабляет возможности противостояния пандемии.

Ю. Хабермас обратил внимание на совпавший с периодом пандемии консервативный поворот в немецкой политике и общественном мнении. Действительно, санитарно-гигиеническая аргументация социальной изоляции усилилась в Германии политико-идеологическим изоляционизмом, поскольку «впервые за всю историю германской политики» в ней появилась и успешно закрепились право-авторитарная политическая сила («Альтернатива для Германии»), «сочетающая критику европейской интеграции с доселе невиданным радикальным национализмом неприкрытым и этноцентрически окрашенным» [Habermas web]. Такой поворот явился реакцией не только на романтически-оптимистическое восприя-

тие глобализации с ее безразличием к национально-культурной специфике. К угрозам сохранения немецкой идентичности пандемия добавила угрозы экзистенциального характера. Поворот к консерватизму и архаической автаркии, движение к пробуждению и актуализации инстинкта самосохранения, к зову голоса «крови и почвы» стал традиционалистским антропокультурным ответом на угрозу здоровью и физическому существованию. Усиление авторитарно-консервативных настроений в период пандемии характерно и для российского общества, хотя проблемы идентичности, отношения к мигрантам и структурам евроинтеграции возникают здесь в контексте иной повестки дня. Помимо международных и геополитических факторов мировоззренческое и идеологическое самоопределение россиян осуществляется в условиях кризиса многократных, либерально ориентированных попыток реформирования институтов социальной сферы (в том числе здравоохранения), совпавших с пандемией. Применительно к обсуждаемой нами теме социальной изоляции в условиях пандемии консервативные ценности и установки актуальны в плане формирования отношения личности к своим здоровью и жизни, к личной автономии, взаимосвязям с социальным окружением и государством. Следствием этого являются сходные по своей векторной направленности, смыслу и значению социальные реакции, возникающие в самых разных культурных средах и сообществах.

Очертив специфику российского социального контекста, в котором обнаруживает себя глобальная опасность пандемии, обратимся к характеристике проявившихся ответов российского общества на вызовы новых условий жизни и пандемического переформатирования пространства социальных коммуникаций. Как отмечает Р.Г. Апресян, метафорой этих ответов стало пришедшее из актуального в 2020 г. политического дискурса слово «обнуление», которое «обоснованно ассоциируется не только с политическими процессами, но и с тем опытом, который мы переживаем как наблюдатели, участники и жертвы пандемии Covid-19. Мы оказались ограниченными в своих возможностях» [Лескова web]. По его мнению, социальные реакции в

этой ситуации сходны с ответами на иные экологические вызовы. Они соответствуют двум общим принципам – «принципу снижения негативных эффектов и принципу адаптации», причем последний – «это социально-этический принцип, отвечающий принципу самосохранения» [Лескова web]. Поскольку в жизни российского общества реализация этих двух принципов неразрывно связана со статусами и позициями индивидов, слоев и групп в социальном пространстве, их доступом к социальным благам и ресурсам, реально достигаемые ими результаты будут различны, а иногда и противоположны.

Отмеченные выше различия в степени адаптации на разных уровнях организации социальной жизни, проявляются и в России. Лишь около трети россиян (31 %) назвали нормальным и спокойным общее положение дел в стране. На уровне конкретных регионов позитивные оценки заметно выше (45 %), ситуацию по месту своего жительства нормальной и спокойной считают 55 % опрошенных. [Четверикова web]. Это можно объяснить не только разнообразием условий, локальной спецификой и инертностью повседневного уклада жизни, но и естественностью и успешностью приспособительных изменений, их согласованностью со здравым смыслом.

Социологи и наблюдатели признают факт роста солидарности и взаимопомощи в поведении людей в период пандемии. Об этом говорят до 40 % опрошенных. Причем в возрастной группе от 25 до 34 лет так считают 48 % респондентов. Более половины опрошенных (56 %) отмечают, что «единство между людьми усилилось из-за пандемии коронавируса и карантина» [Солидарность на фоне пандемии... web]. Эти ориентации сильнее всего проявились в волонтерской и добровольческой деятельности, на что указали 59 % респондентов. Показательно, что в возрастных группах от 18 до 24 лет и старше 60 лет, представляющих соответственно потенциальных участников движения и его адресатов, этот показатель выше (64 %). Наконец, большинство россиян (71 %) указали на другие формы взаимопомощи, признав, что в ушедшем 2020 г. они «совершали какое-либо общественно полезное дело, помогли другим» [Солидарность на фоне пандемии... web]. Проявлением ори-

ентации на взаимную поддержку является и стремление к самоорганизации, которое наблюдается, например, у создателей и активистов НКО, стихийно вступивших в период пандемии на путь создания региональных объединений и координации собственных действий. Вместе с тем в обществе проявили себя и настроения эскапизма, ухода в частную жизнь, замыкания в кругу собственных проблем. Своеобразной формой ответа на ограничения периода пандемии стало участие некоторых групп молодых россиян в протестном движении. Можно предположить, что помимо радикально настроенного меньшинства, в его рядах оказались те, кто был обделен вниманием властей и не ощутил поддержки с их стороны в решении собственных житейских проблем.

В социокультурном плане адаптация к вызовам социальной изоляции проявилась в различных практиках элитарной и массовой культуры. Нравственно-психологические коллизии социокультурной адаптации точно выразил Р.Г. Апресян: «Человек вроде как “звучит гордо”. А тут приходится приспосабливаться, уступать что-то из своей идентичности, менять привычки» [Лескова web]. Это обстоятельство определило некоторую недооценку пандемической угрозы у значительной части общества и заторможенный характер ее ответных реакций. Критически воспринимая или даже отторгая «чужеродные» внешние, к тому же ограничительные, воздействия властей и связанных с ними СМИ, культура «верхов» и «низов» исходила из веры в свою автономию и неуязвимость, а также из убежденности в незыблемости «двойных стандартов» как основы российской действительности. Если у «верхов» эта позиция опиралась на их материальные ресурсы и чувство вседозволенности, то «низь» часто уповали «на авось», позволяющий отсидеться в изоляции или обойтись «народными средствами» профилактики и предупреждения инфицирования. Инерция подобного рода обнаруживает себя и в отношении россиян к вакцинации. Она усугубляется тем, что перестройка и реорганизация институтов здравоохранения не устранила проблемы с доступностью и качеством массовой медицинской помощи.

Сложности социокультурной адаптации обусловлены не только тревогами граждан,

связанными с сохранением здоровья, но и озабоченностью будущим детей и молодежи. Соотношение пессимистических прогнозов, предрекающих большие проблемы системе образования, и оптимистических надежд на улучшения составляет здесь 70 % к 5 %, в то время как применительно к системе здравоохранения оно выражается как 51 % и 27 % [Четверикова web]. Оптимизм в оценках стабильности ситуации и позитивных изменений в отношении людей дополняется алармистскими (до 30 % тревожности) и катастрофическими (до 10 %) настроениями части общества. К тому же уровень позитивных оценок изменений в повседневности (отношения в семье, поиски работы, адаптация к дистантной ее организации и проч.) не превышает 5–8 %, дополняясь таким же и даже более высоким уровнем негативных оценок (до 10–13 %) [Четверикова web].

Противоречивость и разнонаправленность социокультурной адаптации проявляются и в отношении к виртуальной реальности. Ситуация пандемии еще раз напомнила обществу о том, что «незримое воздействие цифровой среды несравнимо больше влияет на человека, нежели им отслеживается» [Савчук 2020, 84]. В «доковидную» эпоху погружение в нее было преимущественно делом спонтанным и добровольным. Заданные и контролируемые извне дистантные технологии труда и образования изменили ситуацию. Заменяя живой, непосредственный контакт, образующий ткань социальных связей, общением в интернет-среде, компьютерные технологии в условиях социальной изоляции формируют новые общности вовлеченных в коммуникацию, создают новый, достаточно напряженный для участников режим общения, замещают одни условия взаимодействия другими, требующими новых способностей и компетенций. Дистантное обучение, как и работа на дому, потребовали от человека способности к самоорганизации, умения отсекать избыточную информацию. Все это стимулирует выработку нового взгляда на соотношение преимуществ и недостатков реальной и виртуальной коммуникации.

Режим социальной изоляции изменил социальное самочувствие личности, оказав тем самым влияние и на отношения человека и

общества с институтами власти и управления. Усталость от внешних ограничений и контроля, невозможность снятия стресса и напряжения привычными способами усилили апатию и раздраженность, перерастающую в агрессивность, что в конечном счете заметно повысило конфликтность социальной жизни. Описывая это деструктивное воздействие, Дж. Агамбен констатирует: «Люди настолько привыкли жить в условиях вечного кризиса и вечного чрезвычайного положения, что, кажется, не замечают, что их жизнь сведена к чисто биологическому состоянию и лишилась не только всех социальных и политических свойств, но и человеческих и эмоциональных» [Каким мир станет... web]. Используя для обозначения этой «натурализации» человеческого бытия метафору «голой жизни», Дж. Агамбен, по сути дела, описывает ситуацию, когда инстинктивное, бессознательное, слепое начало заявляет о себе как в индивидуальном, так и в социальном бытии. К сходным выводам приходят и социологи, изучающие мобильность в период пандемии: «Можно сказать, что горожане неожиданно для себя и, возможно, впервые в своей жизни открывают глубины своего социобиологического Я» [Покровский, Макшанчикова, Никишин 2020, 61].

Однако инстинктивное бегство от опасности лишь один из возможных вариантов реакции. Другим проявлением инстинктивной социальной мобилизации может выступать запрос на силу авторитарной власти, на упрощающую мир иррациональную унификацию традиции. Тем более, что медиализация социальной жизни в условиях пандемии сопровождается ростом авторитарной по своей природе власти врачей. На исходе 2020 г. М.К. Горшков обратил внимание на эту тенденцию: «Сейчас в общественном сознании резко вырос, буквально взлетел запрос на “сильную власть”». С 26 % два года назад – до 40 % сейчас» [Четверикова web]. Связь конспирологических объяснений пандемии, религиозности и правых идеологий отмечают и психологи [Радина, Балакина 2020, 55].

В то же время ориентация на авторитаризм и консерватизм не является абсолютной, дополняясь стремлением к справедливости, демократии и гражданскому участию. В условиях пандемии понятие справедливости на-

сыщается неэкономическим содержанием: возникает вопрос о справедливом доступе к социальным благам. Электронные средства коммуникации, спрямляя опосредованные социальные связи, открывают возможности для непосредственного социально-политического взаимодействия гражданина и представителей власти, вполне в духе непосредственной демократии и коммунального самоуправления. Социологи указывают также на заметное усиление требования «компетентного управления», которое должно найти баланс между жесткими мерами социальной изоляции и смягчением ее последствий. В этой связи весьма интересна оценка экономиста и политика Ж. Аттали, согласно которой новая постковидная социальная система «не будет основана ни на вере, ни на силе, ни даже на разуме... Политическая власть будет принадлежать тем, кто может проявить наибольшее сочувствие к другим» [Метелкина web].

Как видим, ответ российского общества на вызовы социальной изоляции вполне согласуется с тенденциями адаптации современных обществ к опасности глобальной пандемии. Этот ответ неоднороден: в нем обозначаются различные варианты и стратегии самосохранения. Их селекция и эффективное использование определяются, с одной стороны, трансформацией социальных институтов и ориентациями элиты общества. С другой же, они обусловлены зрелостью личности, ее готовностью развивать и совершенствовать себя, жить в «обществе риска», способностью делать адекватный выбор и нести за него ответственность. Такая способность не является лишь благим пожеланием: она, хоть и недостаточно, проявлена в современном российском обществе. Обратившись к анализу причин солидарного поведения, взаимопомощи и социальной активности россиян, мы видим среди приоритетных мотивов желание чувствовать себя полезными (45 %), возможность участвовать в решении общих проблем (31 %), реализовать себя и свои инициативы (17 %) [Солидарность на фоне пандемии... web].

В теоретическом плане поиск оптимальных вариантов социального ответа на глобальные экологические вызовы связан с трансформацией доминирующего в российском обществе типа личности. По словам В.Б. Пасту-

хова, этот тип, будучи проявлением культуры «победившей индивидуальности», является преимущественно атомизированным индивидом, в подсознании которого живут авторитарно-сервильные, патерналистские установки, а не личностью, способной к активным, солидарным и ответственным социальным действиям [Пастухов 2011, 116]. В ходе этой трансформации доминирующий тип атомизированного индивида, соответствующий больше императивам раннего модерна, должен заместиться многомерным по своим характеристикам, ассоциированным и в то же время автономным типом личности, способным гармонизировать свои взаимодействия с природной и социально-культурной средой. Его богатство содержания, способность к самоорганизации и рефлексии должны приблизиться к соответствию сложности, динамизму и неоднозначности современного общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каким мир станет... web – Каким мир станет после пандемии: прогнозы современных философов. Джорджо Агамбен о дискурсе чрезвычайного положения // <https://snob-ru.turbopages.org/snob.ru/s/entry/191734/>.
- Кукарцева (Гласер), Ивлев, Новик 2021 – *Кукарцева (Гласер) М.А., Ивлев В.Ю., Новик Н.Н.* Дискурсы биополитики и безопасности человека в условиях новых вызовов и угроз человечеству // *Вопросы философии*. 2021. № 2. С. 42–52.
- Лескова web – *Лескова Н.* Человек разобщенный: жизнь после пандемии. Интервью с Р. Г. Апресяном // <https://scientificrussia.ru/articles/chelovek-razobshchennyj-zhizn-posle-pandemii>.
- Метелкина web – *Метелкина С.* Карантин Фуко: оценка коронавируса философами «слева» // <https://www.geopolitica.ru/article/karantin-fuko-ocenka-koronavirusa-filosofami-sleva>.
- Пастухов 2011 – *Пастухов В.Б.* Государство раскольников. Карма российской власти // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 105–117.
- Покровский, Макшанчикова, Никишин 2020 – *Покровский Н.Е., Макшанчикова А.Ю., Никишин Е.А.* Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации // *Социологические исследования*. 2020. № 12. С. 54–64.
- Радина, Балакина 2020 – *Радина Н.К., Балакина Ю.В.* Общество и пандемия: теоретико-методоло-

гические основания психологических исследований // *Общественные науки и современность*. 2020. № 6. С. 49–64.

- Рубцов 2020 – *Рубцов А.В.* Вирусы и цивилизации. О новом влиянии биокатаклизмов на эволюцию социокультурных моделей и цивилизационных проектов // *Вопросы философии*. 2020. № 8. С. 20–31.
- Савчук 2020 – *Савчук В.В.* Медиаобразование – эпифеномен цифровизации // *Вопросы философии*. 2020. № 5. С. 83–86.
- Солидарность на фоне пандемии... web – Солидарность на фоне пандемии. Аналитический обзор [ВЦИОМ] // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/solidarnost-na-fone-pandemii>.
- Четверикова web – *Четверикова А.* Окна с видом на COVID. Социологи вышли с удаленки, чтобы узнать мнение россиян о последствиях коронавируса // <https://rg.ru/2020/11/05/sociologiu-znali-mnenie-rossiian-o-posledstviiah-koronavirusa.html>.
- Шипилов 2020 – *Шипилов А.В.* Возвращение домой. Заметки из самоизоляции // *Социологические исследования*. 2020. № 8. С. 135–144.
- Habermas web – *Habermas J.* 30 Jahre danach: Die zweite Chance Merkels europapolitische Kehrtwende und der innerdeutsche Vereinigungsprozess von Jürgen Habermas // <https://www.blaetter.de/ausgabe/2020/september/30-jahre-danach-die-zweite-chance>.

REFERENCES

- What the World Will Become After the Pandemic: Forecasts of Modern Philosophers. Giorgio Agamben on the State of Emergency Discourse.* URL: <https://snob-ru.turbopages.org/snob.ru/s/entry/191734/>.
- Kukartseva (Glaser) M.A., Ivlev V.Yu., Novik N.N., 2021. Discourses of Biopolitics and Human Security in the Context of New Challenges and Threats to Humanity. *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 42-52.
- Leskova N.A. *Disunited Man: Life After a Pandemic. Interview with R.G. Апресян.* URL: <https://scientificrussia.ru/articles/chelovek-razobshchennyj-zhizn-posle-pandemii>.
- Metelkina S. *Foucault Under Quarantine: Coronavirus Viewed From "The Left"*. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/karantin-fuko-ocenka-koronavirusa-filosofami-sleva>.
- Pastuhov V.B., 2011. The State of the Schismatics. Karma of the Russian Government. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 5, pp. 105-117.

- Pokrovsky N.E., Makshanchikova A. Yu., Nikishin E.A., 2020. Reverse Migration in Pandemic Crisis: Russia's Out-of-Town Spaces as an Adaptation Resource. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 54-64.
- Radina N.K., Balakina J.V., 2020. Society and the Pandemic: Theoretical and Methodological Foundations of Psychological Research. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, no. 6, pp. 49-64.
- Rubtsov A.V., 2020. The New Impact of Biocataclysms on the Evolution of Sociocultural Models and Civilization Projects. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 20-31.
- Savchuk V.V., 2020. Media Education – Epifenomen of Digitalization. *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 83-86.
- Solidarity Amid the Pandemic. Analytical Review.* URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/solidarnost-na-fone-pandemii>.
- Chetverikova A. *Windows Overlooking COVID. Sociologists Leave Remote Working to Find Out the Opinion of Russians on the Consequences of Coronavirus.* URL: <https://rg.ru/2020/11/05/sociologi-uznali-mnenie-rossii-an-oposledstviiah-koronavirusa.html>.
- Shipilov A.V., 2020. Homecoming. Notes from Self-Isolation. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 8, pp. 135-144.
- Habermas J. *30 Years Later: The Second Chance. Merkel's Turn in European Politics and Internal Process of German Unification.* URL: <https://www.blaetter.de/ausgabe/2020/september/30-jahre-danach-die-zweite-chance>.

Information About the Author

Alexander L. Strizoe, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>

Информация об авторе

Александр Леонидович Стризов, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, strizoe@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3241-0480>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.9>

UDC 1:37:616-036.21

LBC 87.62

SOCIAL CONSEQUENCES OF THE PANDEMIC IN THE CONTEXT OF MODERN EDUCATION PROBLEMS

Evgeniy A. Matvienko

Volgograd Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the main trends of evolution of the educational sphere of society and the impact of the COVID-19 pandemic on it. There are four basic trends in the development of education. The first is the audiovisual turn in modern culture accompanied by a crisis of “book culture”. New learning technologies, making the material extremely accessible, do not developing the basic cognitive abilities of the individual. The “will to know” is not formed», as well as the desire and willingness to overcome the inevitable difficulties that arise in its course. The next factor is the total commercialization and consumerization of educational activities. Education is increasingly understood not as a selfless transfer of the accumulated experience of civilization, but as the provision of paid services. This gives its consumer additional rights and it creates unreasonable expectations. The third circumstance is devaluation of the classical interpretation of education as a unity of teaching and upbringing. There was a clear bias towards the first one. Education, understood as the process of forming a harmonious personality, it was in the background. The final trend in the development of education is the spreading of postmodern theories and related practices into it («postmodernization»). The pandemic is proving to be the most important factor in accelerating it. Due to the distance learning format the educational space is fragmented, atomized – both physically and intellectually. Its universal principles, goals, and content are being eroded. The social experiment launched by the pandemic proved that mostly distance education is technically possible, economically profitable, increases the emphasis on the pragmatic component of education to the detriment of the axiological one and contributes to the progressive postmodernization of education. In conclusion, it is pointed out that Western philosophy in the works of its most prominent representatives repeatedly played with the metaphor of death of God (Nietzsche), subject (Foucault), author (Barthes). By analogy, the thesis is put forward (accelerated witch pandemic) about «the death of a Teacher», manifested primarily in loss by the pedagogical community and society as a whole a view of the importance of the Teacher’s social mission.

Key words: COVID-19 pandemic, education, commercialization, education, postmodernism, “death of a Teacher”.

Citation. Matvienko E.A. Social Consequences of the Pandemic in the Context of Modern Education Problems. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 74-82. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.9>

УДК 1:37:616-036.21

ББК 87.62

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Евгений Алексеевич Матвиенко

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу основных современных тенденций эволюции образовательной сферы общества и влиянию на нее пандемии COVID-19. Указанные тенденции имеют собственные глубинные причины, вызревавшие в течение длительного времени. Пандемия лишь ускорила их наступление. Выделяются четыре базовых тренда развития образования. Первый из них – аудиовизуальный поворот в современной культуре, сопровождающийся кризисом «культуры книжной». Новые технологии обучения, делая материал предельно доступным, не развивают базовые познавательные способности личности. Не форми-

руется «воля к познанию», стремление и готовность преодолевать возникающие в его ходе неизбежные трудности. Следующий фактор – тотальная коммерциализация и консьюмеризация образовательной деятельности. Образование все чаще понимается не как бескорыстная передача накопленного цивилизацией опыта, но как оказание возмездной услуги, что дает ее потребителю дополнительные права и порождает необоснованные ожидания. Третье обстоятельство заключается в девальвации классической трактовки образования как единства обучения и воспитания. Произошел явный перекоп в сторону первого. Воспитание, понимаемое как процесс формирования гармоничной личности, оказалось на заднем плане. Завершающим трендом в развитии образования выступает проникновение в него постмодернистских теорий и связанных с ними практик («постмодернизация»). Пандемия оказывается важнейшим фактором ее ускорения. Вследствие дистанционного формата обучения образовательное пространство дробится, атомизируется – как в физическом, так и в интеллектуальном плане. Размываются его универсальные принципы, цели и содержание. Запущенный пандемией социальный эксперимент доказал, что преимущественно дистанционное образование возможно технически, выгодно экономически, усиливает акцент на прагматический компонент образования в ущерб аксиологическому и способствует прогрессирующей постмодернизации образования. В заключение указывается, что западная философия в работах виднейших своих представителей неоднократно обыгрывала метафору смерти Бога (Ницше), субъекта (Фуко), автора (Барт). По аналогии выдвигается тезис об (ускоренной пандемией) «смерти Учителя», проявляющейся прежде всего в утрате и педагогическим сообществом, и обществом в целом представления о важности выполняемой Учителем социальной миссии.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, образование, коммерциализация, воспитание, постмодернизм, «смерть Учителя».

Цитирование. Матвиенко Е. А. Социальные последствия пандемии в контексте проблем современного образования // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 74–82. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.9>

Пандемия COVID-19, обрушившаяся на человечество в конце 2019 г. и продолжающаяся до сих пор, является, очевидно, явлением исторически случайным. Она представляет собой классический пример неожиданной и масштабной катастрофы из числа тех, которые Нассим Талеб в (прославившей его впоследствии) книге предложил именовать «черными лебедями» [Талеб 2020].

Однако, будучи сама по себе роковой случайностью, пандемия оказалась своего рода триггером, давшим старт цепной реакции изменений в самых различных сферах общественной жизни. Эти события имеют собственные глубинные причины, вызревавшие, как правило, в течение длительного времени. Пандемия лишь ускорила наступление (неизбежных?) следствий.

Одной из важнейших областей культуры, где влияние пандемии сказалось особенно сильно, стало образование. Образовательные организации самого различного уровня – от школ до вузов – вынуждены были в массовом порядке переходить на различные формы дистанционного обучения. Но пандемия, повторим, была лишь поводом – хотя и чрезвычайно весомым поводом (!) – к произошедшей на наших глазах трансформации. Причины ее куда глубже и разнообразнее. При этом большинство из них носит универсальный характер

(хотя и одобренный зачастую «национальным колоритом»). Попробуем проанализировать наиболее весомые из указанных причин.

Прежде всего, речь идет об аудиовизуальном повороте в современной культуре. А.Л. Стризов и В.А. Храпова в связи с этим подчеркивают, что если «сравнительно недавно визуализацию как процесс воспроизводства и широкого распространения визуальных образов соотносили с массовой культурой, то в настоящее время эти образы и формируемый ими язык проникают в элитарную культуру, оказывая влияние на репрезентацию культурной классики и творчество в целом» [Стризов, Храпова 2018, 195].

Не меньшее воздействие оказывают они и на образовательную деятельность, радикально влияя на ее технологию, а через последнюю – и на содержательные аспекты образования. «Галактика Гуттенберга» перестала расширяться, более того – она стремительно сжимается. Происходит деградация «книжной культуры» – культуры, по сути, создавшей и поддерживающей здание нашей цивилизации как минимум с эпохи Осеевого времени. Значительная часть молодых людей принципиально не хочет в процессе обучения работать с текстом. Хуже того – она просто не в состоянии прочитать и понять (а тем более написать!) мало-мальски сложный текст.

И это – прямое следствие прогрессирующей визуализации усваиваемой информации.

Видеоролики, компьютерные презентации и т. п. технологии обучения, бесспорно, облегчают усвоение учебного материала. Их роль как вспомогательного образовательного инструмента не подвергается сомнению. Проблема, однако, заключается в том, что именно этот инструмент превращается в основной, а нередко и в единственный. Делая материал предельно доступным, такого рода технологии не развивают базовые познавательные способности личности – внимание, память, способность к абстрагированию и анализу. Не формируется и «воля к познанию», стремление и готовность преодолевать возникающие в его ходе неизбежные трудности. Идиома «грызть гранит науки» все менее применима ко дню сегодняшнему, когда обучающиеся хотят получать своего рода «информационное пюре», которое не то что грызть – уже и жевать-то не нужно...

Кроме того, очевидно, что визуализировать без грубых искажений можно лишь фактический, иллюстративный материал. Степень абстрактности теории, – будь то физика или философия, – обратно пропорциональна возможности уложить ее в прокрустово ложе (сколь угодно подробной) схемы. Использование подобных технологий неизбежно ведет, таким образом, ко все большему упрощению (в переделе – к примитивизации) учебного материала – что, собственно, и соответствует уровню познавательных способностей обучающихся, одновременно консервируя (в лучшем случае!) этот уровень.

Однако именно вышеназванные педагогические технологии максимально соответствуют дистанционному характеру обучения и активно используются в его ходе. Вынужденный пандемией сверхмасштабный социальный эксперимент показал, что дистанционное (или преимущественно дистанционное) образование как основная его форма технически возможно – если, конечно, оставить в стороне проблему его качества.

Следующий важнейший фактор – тотальная коммерциализация и консьюмеризация образовательной деятельности. Исследователи подчеркивают, что «определяющей тенденцией развития образования в настоящее вре-

мя является его ориентация на потребителя» [Николаева, Щелкунов 2009, 12]. Место бескорыстной передачи накопленного цивилизацией опыта занимает оказание возмездной (и, как правило, весьма недешевой) услуги. Однако образование (хотя и обладающее, в том числе, экономической ценностью) – товар весьма специфичный. Т.А. Хагуров отмечает, что в классической интеллектуальной традиции образование представляет собой яркий пример «императивного блага», которое можно заслужить только упорным трудом [Хагуров 2015, 22]. Именно это делает его столь ценным для личности, заставляет испытывать чувство законной гордости («я смог это сделать!»), естественное чувство удовлетворения от хорошо выполненной работы. Купить образование – в отличие от диплома – в общем-то невозможно.

К сожалению, многие обучающиеся, а зачастую и их родители, этот факт до конца не осознают. Отсюда – стремление получить образование минимальными усилиями (в идеале – вообще их не прилагая – ведь за все уже заплачено!). При этом многим кажется, что сам процесс образования должен доставлять школьнику или студенту исключительно удовольствие, быть легким и приятным, с максимальным применением развлекательно-игровых педагогических технологий. Что любопытно, подобные представления все шире распространяются и на те ситуации, где обучение является (по крайней мере, декларативно) бесплатным – например, на общеобразовательную школу. Есть «заказчики» образовательной услуги (дети и родители), а есть «исполнители» (учителя и школьная администрация), услуги которых заказчики опосредовано (чем формируемый ими государственный или муниципальный бюджет) оплачивают.

Поскольку потребитель всегда прав, многие представители родительского сообщества считают возможным ставить перед педагогами разной степени абсурдности требования. В случае же их невыполнения педагог рискует быть обвиненным в разного рода «смертных грехах» – от неуважения к личности ребенка до коррупции. При этом существует своего рода «презумпция вины» учителя, который постоянно находится в положении оправдывающегося.

Со сходными проблемами, хотя и в меньшей степени, сталкиваются и вузовские педагоги. К тому же средства, получаемые от обучающихся на коммерческой основе студентов составляют важную часть бюджета вуза и, соответственно, зарплаты самого педагога. Для того, чтобы отчислить такого студента, нужны весомые основания – зачастую более весомые, чем его хроническая неуспеваемость.

Закономерным следствием превращения образования в услугу нередко становится частичное (а иногда и полное) отсутствие интереса к содержательным аспектам образовательной деятельности как у обучаемых, так и у обучающихся. Одни делают вид, что учатся, другие – что учат (тем более что «профессиональная состоятельность» педагога все больше определяется не содержательными аспектами его работы, а ее «описанием» в бурно растущем объеме отчетно-плановой документации). Подлинное образование стремительно вырождается в один из множества бодрый-ярковских симулякров.

Возможно выше мы несколько сгустили краски. Добросовестных и талантливых студентов пока немало, как и осознающих важность своей социальной миссии преподавателей. Но тенденции, к сожалению, именно таковы. Именно они еще до начала пандемии подталкивали к развитию обучения в дистанционном формате, поскольку данный формат позволяет всем участникам педагогического процесса минимизировать затрачиваемые в его ходе усилия, а государству и вузовской (или школьной) администрации – еще и сэкономить значительные материальные ресурсы. Сверхмасштабный социальный эксперимент, вызванный пандемией, показал, что исключительно дистанционное (или преимущественно дистанционное) образование не только вполне возможно технически, но и выгодно экономически – если, конечно, выгодно воспринимать буквально и не задумываться о перспективах.

Третье важнейшее обстоятельство заключается в том, что в последние десятилетия была фактически девальвирована классическая трактовка образования как единства обучения и воспитания. Произошел явный перекос в сторону первого, понимаемого к тому же

не столько как процесс усвоения фундаментальных знаний о мире (открывающих путь к его творческому преобразованию), сколько как процесс формирования практических навыков, фактически как дрессура, дающая лишь возможность действовать в строгом соответствии с заданным извне алгоритмом.

Воспитание же, понимаемое как процесс формирования гармонично и всесторонне развитой личности с богатым внутренним миром и четкой ценностной иерархией, в которой высшие позиции занимают стремление творить добро, помогать людям, вносить свой вклад в развитие общества, оказалось на заднем плане, по сути – на задворках образовательного процесса. Так называемые «общекультурные компетенции» оттесняются и вытесняются компетенциями профессиональными, гуманитарный компонент образования все больше деградирует.

При этом адепты узкопрофильного образования активно пользуются известной формулой «хороший человек – это не профессия». С этим трудно спорить. Но очевидно и то, что многих – для большинства (!) – профессий высокий нравственный уровень человека выступает обязательным условием его профессиональной состоятельности. Разумеется, если рассматривать профессиональную деятельность как вклад личности в социальную кооперацию, а не только как средство приобретения материальных благ. Прежде всего, сказанное относится к тем профессиям, представители которых непосредственно работают с людьми – к педагогам, врачам, юристам, чиновникам, сотрудникам полиции и т. д. Только любовь и уважение к людям позволяют по-настоящему успешно их учить, лечить, защищать и так далее. Для представителей различных профессий представляется необходимым воспитание и иных личностных качеств [Кобылкин, Доронин, Сухоруков 2017].

Не менее важным результатом воспитания является и «включенность» человека в национальную (а через нее – в мировую) культуру, становление гражданина и патриота, готового противостоять агрессивной глобализации, осознавать и отстаивать свою идентичность.

Но именно по воспитательному компоненту образования (и так далеко не приори-

тетному, как было показано) пандемия нанесла очередной чувствительный удар – уже в силу того факта, что проведение значительной части мероприятий воспитательной направленности в дистанционном формате крайне затруднено, а то и вовсе невозможно. Ограниченным оказалось и живое, непосредственное общение как с педагогами, так и с одноклассниками или сокурсниками. Долгое время не представлялось возможным задействовать потенциал учебного коллектива, что также резко снизило эффективность воспитательного воздействия.

Таким образом, инициированный эпидемиологической ситуацией сверхмасштабный социальный эксперимент продемонстрировал, что исключительно дистанционное (или преимущественно дистанционное) образование возможно технически, выгодно экономически и усиливает акцент на прагматический компонент образования (подготовку к будущей профессии) в ущерб компоненту аксиологическому (формирование зрелой, гармонично развитой, ориентированной на служение обществу личности).

Наконец, мощнейшим трендом в развитии образования (как и общества в целом) выступает в последние десятилетия проникновение в него постмодернистских теорий и связанных с ними практик. Позволим себе, по аналогии с широко используемым термином «модернизация», обозначить этот процесс как «постмодернизацию». Истоки его (по крайней мере, применительно к образованию) уходят еще в шестидесятые годы прошлого века. В интеллектуально-идеологическом плане они связаны с (достаточно радикальной) критикой буржуазного общества и лежащих в его основе принципов эпохи Просвещения, предпринятой представителями Франкфуртской школы. Под их влиянием сформировались мощные молодежные и студенческие движения, вдохновлявшиеся причудливым идейным коктейлем из теорий Маркса, Мао и Маркузе, пышным цветом расцвела молодежная контркультура.

Эйфория свободы (точнее, освобождения) подталкивала к разрушению прежних образовательных практик и делала совершенно нетерпимой ситуацию, которую Мишель Фуко назвал «педагогической колонизацией молодежи» [Фуко 2007, с. 86–87]. Ее элемен-

тами выступали жесткая пространственно-временная регламентация образовательного пространства и постоянный контроль со стороны облеченного властью и авторитетом наставника. Наряду с больницей, армией и тюрьмой именно школа выступает, по мнению Фуко, классическим образцом новой, дисциплинарной организации власти [Фуко 1999].

Несомненно, оснований для критики прежней образовательной парадигмы было более чем достаточно. Но каковы оказались предлагаемые альтернативы? И. Иллич в приобретшей скандальную известность работе «Общество без школы» выдвигает идею тотальной «десколяризации», заявляя, что образование – личное дело каждого [Illich 1971]. П. Фрейре «педагогике угнетения» противопоставляет «педагогика освобождения». Если первая исходит из идеи «фундаментального неравенства», то вторая целиком строится на диалоге, при котором позиции ученика и учителя «взаимобратимы» [Огурцов, Платонов 2004, 398–402].

Дальше – больше: в 1975 г. выходит работа Э. фон Браунмюля с недвусмысленным названием «Антипедагогика. Очерки к устранению образования». Приведем несколько цитат из нее: воспитание – «более или менее жестокая дрессировка, от которой дети неизбежно заболевают»; «нет педагогики, которая не была бы более или менее явным террором»; «тот, кто хочет воспитывать ребенка, стремится его разрушить» и т. п. [Цит по: Огурцов, Платонов 2004, 409–410]. Не менее откровенно высказывается Г. Шенебек: «Антипедагогика осуществляет слом существующей культуры» (цит. по: [Огурцов, Платонов 2004, 411]).

Указанные и им подобные работы выйдут практически одновременно со знаменитым эссе Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» [Лиотар 1998] и развивают сходные взгляды. В дальнейшем как теоретики, так и практики педагогики активно заимствуют все ключевые идеи философов-постмодернистов. Последние, как известно, яростно атакуют все базовые ценности модерна: разум, истину, науку, свободу. Они стремятся «деконструировать» (а по сути – разрушить) любые устоявшиеся нормы, смыслы и ценности. В сфере теоретической (насколько вообще можно о

ней говорить применительно к постмодернизму) мы имеем дело с бесчисленными, в принципе не сводимыми к единому знаменателю языковыми играми. С этим коррелируют столь же многообразные жизненные практики, которые больше не рассматриваются в категориях нормы и отклонения от нее – норма всегда есть проявление репрессивного начала, столь типичного для европейской культуры. Любые идеалы подвергаются осмеянию. Осуществляется радикальный разрыв с традицией. При всем своем обостренном внимании к культурно-историческому контексту любого высказывания постмодернисты отказываются признавать наличие в социальном развитии каких-либо причинно-следственных связей, выступают с апологией случайности и хаотичности (вспомним метафору ризомы у Жиля Делёза).

На этих же принципах, по мнению постмодернистски ориентированных теоретиков педагогики, должно быть перестроено и образование. Прежде всего, невозможна более универсальная педагогическая теория. Любая такая теория есть разновидность «похороненного» Лиотаром метанарратива. Образование не должно ориентироваться на общезначимые личностные образцы, ибо больше не существует никаких верных ориентиров. Образование не должно (да и не сможет!) приобщать человека к каким-либо истинам и ценностям, ибо и то, и другое относительно. Фигура отца из знаменитого стихотворения Маяковского, рассказывающего крошке-сыну «что такое хорошо и что такое плохо», может быть интерпретирована в постмодернистском духе как олицетворение тоталитарно-репрессивного начала, покушающегося на свободу ребенка рвать книжки и валяться в грязи. Обучающий и обучающийся абсолютно равноправны, последний сам вправе решать, чему и как ему учиться и учиться ли вообще.

На практике все перечисленное очень быстро ведет к катастрофическому падению авторитета педагога и образовательных институтов вообще. Образование все больше превращается из общественной в сугубо частную проблему. При этом главный удар принимает на себя общеобразовательная школа. Нас призывают не перегружать неокрепшую детскую психику «избыточными знаниями»,

к которым относят практически все, кроме азбуки и четырех действий арифметики. Не выходят из моды разговоры о необходимости «индивидуализации обучения», «персональных образовательных траекториях», «конкуренции смыслов» и т. п. [Карпов 2010]. Едва ли не каждый год меняются образовательные стандарты, содержание программ, рекомендуемые учебники. Любое воспитательное воздействие трактуется как «насилие над личностью ребенка».

Администрация образовательного учреждения зачастую вынуждена заботиться не о том, как обеспечить высокий уровень знаний обучающихся, а о том, как бы ненароком не ущемить права того или иного меньшинства, будь то расовое, гендерное или сексуальное. Так, в ряде школ американского штата Орегон уже перешли к преподаванию «этноматематики», поскольку обычная «утверждает превосходство белой расы» [Рыбин, Приймак web]. Видимо, «на подходе» женская химия и биология для вегетарианцев. Именно постмодернистские теории, будучи инкорпорированы в политическую идеологию, несут изрядную долю ответственности за ту вакханалию толерантности, которая охватила сегодня западную цивилизацию.

Россия последней из указанных тенденций (пока?) до конца не поддается, однако в остальном наблюдается схожая картина. Пандемия оказывается важнейшим фактором ускорения постмодернизации образования. Вследствие дистанционного формата обучения образовательное пространство дробится, атомизируется – как в физическом, так и в интеллектуальном плане. Степень реального участия того или иного школьника/студента в образовательном процессе серьезно варьируется и зачастую не может быть объективно оценена. «Технические проблемы» могут не позволить полноценно работать добросовестным учащимся; для недобросовестных же они превращаются в универсальное оправдание их несобранности и лени. Обучаемые большую часть времени предоставлены самим себе, что и как они изучают – можно установить лишь постфактум (да и то далеко не всегда). «Образовательная траектория» становится воистину индивидуальной, однако ведет она зачастую отнюдь не к знаниям. О воспи-

тательном же компоненте образования, как уже отмечалось, и вовсе приходится забыть...

Таким образом, финальным пунктом наших рассуждений становится констатация того факта, что запущенный пандемией сверхмасштабный социальный эксперимент наглядно доказал: исключительно дистанционное (или преимущественно дистанционное) образование возможно технически, выгодно экономически, усиливает акцент на прагматический компонент образования в ущерб аксиологическому и способствует прогрессирующей постмодернизации образования, которая выражается во фрагментации образовательного пространства, размывании его универсальных принципов, целей и содержания.

В заключение остановимся еще на одном следствии пандемии. Оно, как и прочие, не порождено пандемией в строгом смысле этого слова, но проявлено и кристаллизировано ею. Это следствие в известном смысле резюмирует все вышесказанное.

Неклассическая западная философия в работах виднейших своих представителей неоднократно обыгрывала метафору смерти той или иной важной «персоны». Ницше (а вслед за ним и другие) констатировал «смерть Бога» [Ницше 1993]. Мишель Фуко заявил о «смерти субъекта» [Фуко 1977]. Ролан Барт, конкретизируя последний тезис, писал о «смерти автора» [Барт 1989].

На наш взгляд, пандемия окончательно привела к «смерти Учителя». Его болезнь была тяжелой и продолжительной. Симптомы удачно описаны З. Бауманом. Философ указывает, что мир больше не нуждается в авторитетах, лидерах и учителях [Бауман 2008, 71–72]. Никто больше не выступает глашатаем истины, не вдохновляет (в том числе личным примером), не ведет за собой. Место Учителей занимают разнообразные консультанты. Последние не выполняют важную для общества и истории миссию, но лишь оказывают услугу – соответственно, вполне могут быть «уволены» недовольным «клиентом». В образовательный процесс активно включается фигура «тьютора», который лишь помогает обучающемуся сделать выбор и не претендует на нечто большее.

Извращается изначально здравая идея диалогичности образовательного процесса,

постулируется абсолютное равенство учителя и ученика. Типичным (для европейских школ) становится обращение к учителю на «ты» и по имени. Авторитет педагога стремительно падает. В нашей стране ускоряющими этот процесс факторами выступают более чем скромное вознаграждение нелегкого преподавательского труда и бессилие педагога перед бюрократическим абсурдом и произволом; на Западе – необходимость безусловно следовать жестким требованиям политкорректности и позитивной дискриминации.

Пандемия добавила к этому фактическую утрату непосредственного контакта ученика и учителя. Такой контакт позволял лучшим представителям педагогического сообщества засчет личных и профессиональных качеств нивелировать негативное влияние вышперечисленных объективных факторов. В условиях «цифровизации» образования этот ресурс больше не может быть задействован.

В частности, А.А. Остапенко обращает внимание на то, что основанный на жестких технологических схемах дистанционный формат образования наносит удар «по трем важнейшим признакам педагогики как искусства, по трем важнейшим “и”»: интуиция, импровизация и интонация» [Остапенко 2019, 38–39]. Эти компоненты, как и многие другие, педагогического мастерства в принципе не поддаются оцифровке. Крайне затрудняется вовлечение в активную работу на занятии основной массы обучающихся, ведущих себя, как правило, достаточно пассивно. «Раскачать» эту инертную, но потенциально способную на большее, массу, работая в дистанционном формате, практически невозможно [Доронин 2015, 131].

Самое печальное заключается, однако, в том, что и сами педагоги в массе своей все более разочаровываются в своей миссии, – миссии, о важности которой много и красиво говорят, но в выполнении которой мало желающих помочь. В полном соответствии с духом эпохи учитель привыкает относиться к ученику как к обезличенному «предмету труда» (чему как нельзя более способствует дистанционное обучение), а к своей профессиональной деятельности – исключительно как к способу получения средств к существованию («работа как работа...»). Он считает себя

обязанным лишь выполнить определенный комплекс стандартных действий, результат которых никому, по большому счету, не интересен, а в условиях пандемии – и не вполне зависит от педагога. Общество больше не ценит труд Учителя и последний отвечает ему взаимностью.

Является ли «смерть Учителя» лишь «клинической» и, стало быть, придающей смысл реанимационным мероприятиям? Или же это смерть «биологическая», окончательная и бесповоротная? Решение этих вопросов должно, на наш взгляд, стать основным содержанием постпандемической философии образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт 1989 – *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Бауман 2008 – *Бауман З.* Текущая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Доронин 2015 – *Доронин Ю.П.* Индивидуальное контрольное собеседование – одна из форм учебного процесса в образовательной организации МВД России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 130–134.
- Карпов 2010 – *Карпов А.О.* Образовательная эпистемология постмодернизма // Философия образования. 2010. № 1 (30). С. 113–121.
- Кобылкин, Доронин, Сухоруков 2017 – *Кобылкин Р.А., Доронин Ю.П., Сухоруков В.А.* Патриотическое воспитание сотрудников ОВД в контексте отечественной истории // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43). С. 143–147.
- Лиотар 1998 – *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
- Николаева, Щелкунов 2009 – *Николаева Е.М., Щелкунов М.Д.* Образование в обществе потребления // Философия образования. 2009. № 1 (26). С. 11–19.
- Ницше 1993 – *Ницше Ф.* Веселая наука // Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993.
- Огурцов, Платонов 2004 – *Огурцов А.П., Платонов В.В.* Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004.
- Остапенко 2019 – *Остапенко А.А.* Можно ли оцифровать педагогическое мастерство? // Цифровизация и молодежь. Материалы научно-практической конференции. М.: Фонд «Просветитель», 2019. С. 38–46.

- Рыбин, Приймак web – *Рыбин А., Приймак А.* Что такое этноматематика? [Взгляд. Деловая газета. 25.02.2021] // <https://vz.ru/question/2021/2/25/1086659.html>.
- Стризов, Храпова 2018 – *Стризов А.Л., Храпова В.А.* Вербальное и визуальное в культуре: иерархия или дополнительность? // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 194–199.
- Талеб 2020 – *Талеб Н.* Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2020.
- Фуко 1977 – *Фуко М.* Слова и вещи: археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.
- Фуко 1999 – *Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Фуко 2007 – *Фуко М.* Психиатрическая власть. СПб.: Наука, 2007.
- Хагуров 2015 – *Хагуров Т.А.* На краю пропасти. Девиантологические этюды об образовании, культуре и политике. Краснодар: Парабеллум, 2015.
- Illich 1971 – *Illich I.* Deschooling Society. N. Y.: Harrow Books, 1971.

REFERENCES

- Barthes R., 1989. Death of the Author. *Selected Works: Semiotics. Poetics.* Moscow, Progress Publ.
- Bauman Z., 2008. *Liquid Modernity.* St. Petersburg, Piter Publ.
- Doronin Yu.P., 2015. Personal Control Interview as One of the Forms of the Educational Process in the Educational Organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, no. 1 (32), pp. 130-134.
- Karpov A.O., 2010. Educational Epistemology of Postmodernism. *Filosofia obrazovaniya*, no. 1 (30), pp. 113-121.
- Kobylikin R.A., Doronin Y.P., Sukhorukov V.A., 2017. Patriotic Upbringing of Police Officers in the Context of Russian History. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, no. 4 (43), pp. 143-147.
- Lyotard J.-F., 1998. *The State of Postmodernity.* Saint Petersburg, Aleteya Publ.
- Nikolaeva E.M., Shelkunov M.D., 2009. Education in the Consumer Society. *Filosofia obrazovaniya*, no. 1 (26), pp. 11-19.
- Nietzsche F., 1993. Fun Science. *Selected Works.* Moscow, Prosveshenie Publ.
- Ogurtsov A.P., Platonov V.V., 2004. *Images of Education. Western Philosophy of Education. XX Century.* Saint Petersburg, RHGI.
- Ostapenko A.A., 2019. Is it Possible to Digitize Teaching Skills? *Tsifrovizatsiya i molodezh. Papers of the Scientific and Practical Conference.* Moscow, Fond «Prosvetitel», pp. 38-46.

Rybin A., Priymak A. What is “Ethnomathematics”? *Vzgliad. Delovaya Gazeta*. 25.02.2021. URL: <https://vz.ru/question/2021/2/25/1086659.html>

Strizoe A.L., Khrapova V.A., 2018. Verbal and Visual in Culture: Hierarchy or Complementarity? *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 194-199.

Taleb N., 2020. *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Moscow, KoLibri Publ.

Foucault M., 1977. *Words and Things: the Archaeology of the Humanities*. Moscow, Progress Publ.

Foucault M., 1999. *Overseeing and Punishing: The Birth of Prison*. Moscow, Ad Marginem Publ.

Foucault M., 2007. *Psychiatric Authority*. St. Petersburg, Nauka Publ.

Khagurov T.A., 2015. *On the Edge of the Abyss. Deviantological Studies in Education, Culture and Politics*. Krasnodar, Parabellum Publ.

Illich I., 1971. *Deschooling Society*. New York, Harrow Books Publ.

Information About the Author

Evgeniy A. Matvienko, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Chief of the Department of Philosophy of the Volgograd Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation; Master Student, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, matvment@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6921-1509>

Информация об авторе

Евгений Алексеевич Матвиенко, кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация; магистрант кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, matvment@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6921-1509>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.10>

UDC 1:159.922.262

LBC 87.524.1

SOCIAL ISOLATION AS A FACTOR OF SELF-PRESERVATION OF THE INDIVIDUAL

Viktoriya A. Khrapova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article presents the first experience of reflection, the first intuition of events related to the 2020 pandemic. Basing on the concept of Mikhail Epstein about the productive value of purification as a result of disengagement with the environment the author tries to identify constructive moments of self-isolation in a society in a state of uncertainty, risk, danger, which makes us understand how fragile human life is and how important self-preservation of the individual is for reducing tension and optimizing activities in the outside world. Forced self-isolation for everyone indicates global problems, the need to change the collective consciousness. The author believes that there is a dependence relation between the human condition and the surrounding reality. To describe it, Carl Gustav Jung used the concept of synchronicity. Important aspects of this connection are considered in the synergetic picture of the world, they are comprehended thanks to discoveries in quantum physics. It reveals itself in the concept of the actualized personality of Abraham Maslow. In this situation, spiritual experience and knowledge, intellectual search and transcendental experiences are important contributing to the restoration of internal balance necessary for choosing the right strategies in the external world. It is emphasized that in the period of global social transformation large-scale intensive development of information and communication technologies, when the results of communicative intentions can be repeatedly strengthened, acquire autonomy and unpredictable character, the degree of responsibility for the actions, words, actions, thoughts increases. The situation requires an attentive and environmentally friendly attitude to yourself, your loved ones, and the world as a whole. Isolation is considered as one of the conditions of change necessary for internal growth.

Key words: social isolation, self-preservation, personality, spiritual potential, purification.

Citation. Khrapova V.A. Social Isolation As a Factor of Self-Preservation of the Individual. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 83-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.10>

УДК 1:159.922.262

ББК 87.524.1

СОЦИАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ КАК ФАКТОР САМОСОХРАНЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Виктория Анатольевна Храпова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья является первым опытом рефлексии, первой интуицией событий, связанных с пандемией 2020 года. Основываясь на концепции М. Эпштейна о продуктивном значении очищения в результате разотождествления со средой, автор стремится выявить конструктивные моменты самоизоляции в обществе, находящемся в состоянии неопределенности, риска, опасности, заставляющей понять, насколько хрупка человеческая жизнь и насколько значимо самосохранение личности для снижения напряженности и оптимизирующей деятельности во внешнем мире. Вынужденная самоизоляция для всех свидетельствует о глобальных проблемах, о необходимости изменения коллективного сознания. Автор полагает, что существует связь-зависимость между состоянием человека и окружающей его действительностью. Для ее описания К.Г. Юнг использовал концепцию синхроничности. Важные аспекты этой связи рассматриваются в синергетической картине мира, осмысляются благодаря открытиям в квантовой физике. Она обнаруживает себя в концепции актуализированной личности А. Маслоу. В сложившейся ситуации значимы духовный опыт и знания, интеллектуальный поиск и трансцендентные переживания, способствующие восстановле-

нию внутреннего баланса, необходимого для выбора правильных стратегий во внешнем мире. Подчеркивается, что в период глобальной социальной трансформации, масштабного интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий, когда результаты коммуникативных интенций могут многократно усиливаться, обретают автономию и непредсказуемый характер, возрастает степень ответственности за производимые действия, слова, поступки, мысли. Ситуация требует внимательного и экологичного отношения к себе, близким, миру в целом. Изоляция рассматривается как одно из условий изменения, необходимого для внутреннего роста.

Ключевые слова: социальная изоляция, самосохранение, личность, духовный потенциал, очищение.

Цитирование. Храпова В. А. Социальная изоляция как фактор самосохранения личности // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 83–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.10>

Самоизоляция как культурный феномен существовала всегда. Чувствуя деструктивность происходящих во внешнем мире процессов и испытывая острую потребность в выработке нового знания, некоторые люди становились отшельниками, изолируя себя от воздействия социальной среды. Одним из необходимых следствий разотождествления себя и мира является самоочищение. Любое живое существо обладает этим инстинктом, который направлен на отделение организма от среды и, как заметил М. Эпштейн, повышение его упорядоченности (чистоты) по сравнению со средой [Эпштейн 2006, 182]. Освобожденный от влияния социальной среды организм входит в резонанс с природными ритмами, восстанавливает физиологические функции. Концентрация на себе способствует активизации собственного духовного центра, сознание начинает работать в новом режиме.

Самовознаграждающая функция «чистки» состоит в стимуляции и усилении: обостряя восприятие, активизируя жизненные силы человека, очищение усиливает его связь с реальностью. Результатом очищения становится увеличивающаяся способность чувствовать, ощущать, слышать – воспринимать через органы чувств происходящее в мире. Получаемые при этом впечатления обладают большей силой и значением, позволяют фиксировать уникальные черты.

М. Эпштейн рассматривает очищение как фундаментальную культуросозидающую процедуру. Он пишет: «Часто этот процесс лишен прямой физиологической цели и служит скорее актом социального общения или механизмом нервной компенсации» [Эпштейн 2006, 182]. Ученый выделяет 7 основных этапов поступательного развития «очистительного» инстинкта: гигиенический, экономический, социальный, эстетический, этический, интеллекту-

альный, религиозный, рассматривая их как систему фильтров. Инстинкт самоочищения ведет человека через все сферы культурного самоутверждения к неприкосновенной чистоте Абсолюта, активизируя способность восприятия богатства творения, его «механики» на грани проявленного и непроявленного аспектов бытия. По мере обогащения внутреннего мира личности сильными впечатлениями и глубокими знаниями возрастает чувство собственного достоинства, которое состоит в постоянстве самоощущения собственного Я, признании и абсолютизации его ценности. Глубина проникновения утончает восприятие, позволяет чувствовать состояния других. Через осознание собственной уникальности появляется возможность оценить уникальность многообразного мира, выработать к нему ценностное отношение. Человек, достигший такого уровня в своем развитии, способен испытывать милосердие, ощущать потребность оказывать импульсную помощь. Его цель не победа в конкурентной борьбе, а диалог и сотворчество. Он видит свою задачу в творческом синтезе, который становится продуктивным итогом первоначального разотождествления. Живой мир требует соответствующих стратегий взаимодействия. Признание его ценности ведет к отказу от грубой преобразовательной (технократической, манипулятивной) деятельности. Разотождествление позволяет сохранить устойчивость взглядов, укрепить силу воли, способность противостоять деструктивным тенденциям – так проявляется механизм выживания в кризисных ситуациях, связанных с рисками и аффективными переживаниями.

Современный мультикультурный мир фрагментарен и многолик. Информационная перенасыщенность ослабляет внимание, снижает концентрацию, оказывает деструктивное

влияние на процессы мышления. Если в прежние времена для выработки нового знания избранные покидали общество, сейчас необходимы периоды интеллектуальной тишины для всех. «В современном обществе важно контролировать поток информации. Выбор, ежедневно осуществляемый современным человеком, предполагает необходимость отбросить часть информации. Мастерство заключается в том, чтобы защититься от ненужной информации, и наиболее полно использовать одну сотую ее часть» [Эриксен 2003, 29].

В условиях современной социальной трансформации большую роль начинают играть личный опыт, индивидуальные особенности, воля и здравый смысл. Очень важно уметь правильно реагировать на смыслы информации, выделять (фильтровать) продуктивные содержания информационных потоков. «Мы рассматриваем самоочищение как широкий феномен, присущий не только индивиду, но и группе, обществу в целом и включающий процесс взаимоочищения (социальный груминг как фактор консолидации сообщества)», – писал Эпштейн [Эпштейн 2006, 179]. В концепции М. Бахтина культуротворческий процесс связан с ситуацией «внезапности», которая представляет собой «самый могучий рычаг понимания» [Бахтин 1979].

Мы пережили 90-е, когда начался пересмотр ценностей, а за ним – ниспровержение норм морали и нравственности. Проблемы, связанные с духовностью, уже не кажутся аномалией, а рассматриваются как неизбежное следствие современной социальной динамики. Завуалированное необходимостью выживания потребительское отношение к миру и друг к другу привело к рискогенности любых социальных процессов. Десятилетиями мы блуждали в иллюзиях, разрушая жизнь будущих поколений. Цивилизационный перелом сопровождается невиданным ранее нарушением баланса в системе «человек – мир».

Вынужденная самоизоляция для всех свидетельствует как о глобальных проблемах, так и о том, что пришло время изменения коллективного сознания. Реализовался закон нейтрального положения: для любых изменений в жизни нужна остановка.

Усталость общества диагностировалась уже несколько десятилетий назад. На это ука-

зывает популярность программ поиска ресурсов, прежде всего психологических: развивающиеся стратегии экологичного потребления, минимализм как стилистическая доминанта¹. Лидирующие позиции в рейтинге популярности занимали книги о гармонизирующей роли «просветленной повседневности», «магии утра», идеи порядка, ценности пространства, вещей, здесь и сейчас осуществляющейся жизни. «Ощущение безнадежности и перманентные кризисы ведут к тому, что мы опускаем руки. Можно знать, что дела идут не так, но при этом все исправить», – считает собравший рецепты благополучия и гармонии со всего мира создатель «Атласа счастья» – антрополог Х. Рассел [Рассел 2018, 12]. «Приведение дома в порядок радикально меняет жизнь, делает мир ярче, позволяет получить новый старт для реализации. Происходит перезагрузка, после которой легче осуществлять свою миссию», – констатирует автор бестселлера «Магическая уборка в доме и жизни» М. Кондо [Кондо 2016, 20].

В период пандемии деятели искусства и духовные учителя стремятся передавать знания, опыт, надежду и вдохновение без учета границ, идеологий, вероисповедания. Сложилась ситуация, описанная в исследовании С. Грофа: «В пределе невозможно оправдать жизнь и найти в ней смысл при помощи интеллектуального анализа и чистой логики. Необходимо попасть в такое состояние, когда эмоционально и физиологически осознаешь ценность жизни и ощущаешь радость от самого факта существования. В мучительных философских изысканиях смысла жизни следует видеть не закономерную философскую тематику, а некий симптом, показывающий, что динамический жизненный поток замутнен и заблокирован. Единственным эффективным решением проблемы будет не изобретение надуманных целей жизни, а глубокая внутренняя трансформация и сдвиг в сознании, восстанавливающий течение жизненной энергии. Человек, активно участвующий в процессе жизни и испытывающий живой и радостный интерес к нему, никогда не задастся вопросом, есть ли в жизни смысл. В этом состоянии существование воспринимается как драгоценность и чудо, ценность его самоочевидна» [Гроф 2005, 198].

Среди практик достижения внутренней трансформации наиболее универсальной и уместной в данных обстоятельствах является медитация, которая состоит в отвлечении от внешнего, изменении состояния, достижении расслабленной сосредоточенности. Практикующие ее люди убеждены: в какую бы ситуацию вы не попали, в каком состоянии не пребывали, всегда есть один рецепт, который лучше всех остальных, – обретение внутренней тишины, безмыслия и безмолвия. Там все ответы, там истина, там покой и свобода. Хотя бы 5 минут безмыслия в день ежедневно, и вы исцелены. В условиях вынужденной изоляции все мы оказались в подобном положении: отключенные от внешнего мира, расслабившиеся в домашней обстановке и одновременно сосредоточенные перед лицом опасности, сконцентрировавшиеся на поиске оптимального выхода, спасении себя, своих близких, друзей и всех тех, кого мы любим.

Основатель гуманистической психологии А. Маслоу составил список черт зрелой личности [Маслоу 2019, 190–212]:

1. Более адекватное восприятие действительности, свободное от влияния стереотипов, предрассудков, интерес к неизведанному.
2. Принятие себя и других, природы.
3. Спонтанность проявлений, простота и естественность. Уважение установленных ритуалов, традиций и церемоний при одновременном следовании динамике жизни. Не автоматический, а сознательный конформизм.
4. Деловая направленность. Способность не заикливаться на своих переживаниях, а решать жизненные задачи. Служение.
5. Позиция отстраненности. Умение использовать одиночество для саморазвития.
6. Автономия и независимость от окружения; внутренняя устойчивость.
7. Свежесть восприятия: нахождение каждый раз нового в уже известном.
8. Предельные переживания, вызванные спонтанным восприятием новизны, радостью открытия.
9. Чувство общности с человечеством в целом.
10. Дружба с другими самоактуализирующимися людьми: узкий круг людей, отношения с которыми весьма глубокие. Доброжелательность в межличностном взаимодействии.

11. Демократичность в отношениях. Готовность учиться у других.

12. Устойчивые внутренние моральные нормы. Ориентация на цели, которым подчиняются средства.

13. Чувство юмора.

14. Креативность, проявляющаяся во всех сферах деятельности.

15. Критичное отношение к ограничивающим стратегиям культуры.

А. Маслоу полагал, что личности, в которых есть эти качества, являют собой образец психологически здоровых и максимально выражающих человеческую сущность людей. Очевидно, что описанные психологом черты характеризуют позицию человека, способного устанавливать необходимый для гармоничной жизни баланс во взаимодействии с внешней средой.

Самоизоляция не только ограничение, но и уединение, необходимое для выработки ресурсов и стратегий, актуализации личностного начала, осознания своей роли и места в происходящих процессах.

Разотождествление позволяет установить дистанцию, необходимую, чтобы накопить энергию для осмысления, концентрации, выработки смыслов и ценностей. Это степень свободы, обязательная для прояснения собственной позиции и определения характера деятельности в мире.

Спустя год после официально объявленной самоизоляции не выработаны четкие и надежные социальные регулятивы, обеспечивающие безопасное взаимодействие и жизнедеятельность в целом. Как же индивидуальная состоятельность может повлиять на общее состояние, когда еще не сняты ограничения и не уменьшаются риски взаимодействия? К.Г. Юнг ввел в научный оборот термин «синхроничность» [Юнг 1997]. Долгое время он исследовал совпадения, связь между которыми не могла быть объяснена причинно-следственной зависимостью (то есть она не прослеживается в рамках доступной человеку парадигмы знаний, существующей в его сознании картины мира), и создал учение о предустановленной гармонии между физическими и психическими событиями, процессами во внешнем и внутреннем мире. «Синхроничность – отражение процессов существо-

вания и развития общества на основе пока еще непонятых принципов организации и самоорганизации, в которых социальные процессы связаны с биологическим, химическим и физическим уровнями организации материи» [Стерледев, Стерледева 2017, 172]. Возможно, решение проблемы синхронистичности объясняет принцип дополнительности материального и идеального как составляющих проявления некоего фундаментального уровня бытия. В холистической картине мира поле сознания бесконечно преодолевает пределы трехмерного пространства, линейного времени и причинно-следственных связей; сознание соизмеримо со всей целостностью бытия. Вероятно, объяснение синхронистичности необходимо искать в точке синтеза квантовой физики и психологии или в признании роли сознания наблюдателя в квантовой теории измерений.

Продуктивная попытка презентации жизни как осуществления самовоспроизводящегося и самоорганизующегося поля была произведена в синергетике. Эта методология исследования целостности включает в себя представление о спонтанности, роли случайности, ситуации бифуркации, когда слабое, но топологически верное (способное вызвать резонанс) воздействие приводит систему к устойчивому состоянию. Об эффекте резонанса, «слабом» взаимодействии, очень важно помнить сейчас, в период глобальной социальной трансформации и масштабного интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий, когда результаты наших коммуникативных интенций могут многократно усиливаться, обретают автономию и непредсказуемый характер.

Нам пока не известны точные механизмы проявления всеобщей связи явлений, но существуют многочисленные интуиции, указывающие на эту связь. И. Бродский говорил о необходимости внимательного и аккуратного использования языка, имея ввиду его роль в описании мира, самоопределении, подчеркивая значимость коммуникативных стратегий в решении бытийных задач и достижении психологического комфорта: «Сосредоточьтесь на точности вашего языка. Старайтесь расширять свой словарь и обращаться с ним так, как вы обращаетесь с вашим банков-

ским счетом. Уделяйте ему много внимания и старайтесь увеличить свои дивиденды. Цель в том, чтобы дать вам возможность выразить себя как можно полнее и точнее. Одним словом, цель – ваше равновесие. Ибо накопление невыговоренного, невысказанного должным образом может привести к неврозу. Чтобы этого избежать, не обязательно превращаться в книжного червя. Надо просто приобрести словарь и читать его каждый день, а иногда – и книги стихов. Они достаточно дешевы, но даже самые дорогие среди них стоят гораздо меньше, чем один визит к психиатру» [Brodsky web]. Поэт воспринимал язык как инструмент создания реальности, организации сознания, гармонизации психики через правильные соответствия, точный подбор, по сути – раскрывая принцип установления резонанса между внутренним состоянием и внешним положением дел. Аналогичная мысль была высказана философом и психологом Д. Радьяром: «Верная координация ума и тела не только производит ясный красивый тон, но позволяет человеку найти соответствующее место в симфонии жизни» [Радьяр web].

Обусловленное невиданным ранее масштабом развития информационных технологий коммуникативное пространство продуцирует нелинейное имагинативное измерение образов и моделей. Виртуальная среда становится источником и демонстрацией изменчивости, альтернативой объективного мира, воплощением творческой и генерирующей деятельности социума. Электронно-виртуальная реальность усиливает возможность запускать синхронистические цепочки, поэтому чрезвычайно важно понимать, к чему это может привести.

Мы оказались в нелинейном измерении. Современная действительность ориентирует на актуализацию внутренних духовных ресурсов человека. Если не упустить момент, человечество отбросит много лишнего, заживет проще, практичнее, но в то же время более наполнено, многогранно. Изменится не просто образ жизни – изменится парадигма мышления, мироощущение, чувства. Мы становимся взрослее, в нас зарождается новое отношение к досугу, к повседневности, к окружающим. Взаимная ответственность перестает быть формальностью, приоритеты резко ме-

няются. Важно выбрать правильную тональность жизни, мобилизуя энергию для ответа на вызов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Предельное выражение этой тенденции, на наш взгляд, увлечение европейцев японским искусством кикцуги, основывающемся на умении наслаждаться естественностью несовершенства, за которым стоит способность довольствоваться тем, что есть, достигая умиротворения для создания гармоничных взаимоотношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
 Гроф 2005 – *Гроф С.* За пределами мозга. М.: АСТ, 2005.
 Кондо 2016 – *Кондо М.* Магия уборки в доме и жизни. М.: ОДРИ, 2016.
 Маслоу 2019 – *Маслоу А.Х.* Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2019.
 Радьяр web – *Радьяр Д.* Магия тона и искусство музыки // <http://www.theosophy.ru/lib/mag-tona.htm>.
 Рассел 2018 – *Рассел Х.* Атлас счастья. М.: Бомбора, 2018.
 Стерледев, Стерледева 2017 – *Стерледев Р.К., Стерледева Т.Д.* Синхроничность как предмет повышенной опасности // Грамота. 2017. № 3 (77), ч. 2. С. 171–174.
 Эпштейн 2006 – *Эпштейн М.Н.* Философия тела // Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. С. 179–194.

Эриксен 2003 – *Эриксен Т.Х.* Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь мир, 2003.
 Юнг 1997 – *Юнг К.Г.* О синхроничности // Сознание и бессознательное. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 523–537.
 Brodsky web – *Brodsky J.* Some Tips // <http://www.umich.edu/~bhlumrec/c/commence/1988-Brodsky.pdf>.

REFERENCES

Bakhtin M.M., 1979. *Aesthetics of Verbal Creativity*. Moscow, Iskusstvo Publ.
 Grof S., 2005. *Outside the Brain*. Moscow, AST Publ.
 Kondo M., 2016. *The Magic of Cleaning Your Home and Life*. Moscow, ODRI Publ.
 Maslow A., 2019. *Motivation and Personality*. Saint Petersburg, Piter Publ.
 Rudhyar D., *The Magic of Tone and the Art of Music*. URL: <http://www.theosophy.ru/lib/mag-tona.htm>.
 Russell H., 2018. *Atlas of Happiness*. Moscow, Bombora Publ.
 Sterledew R.K. Sterledewa T.D., 2017. Synchronicity As a Subject of Increased Danger. *Gramota*, no. 3 (77), pt. 2, pp. 171-174.
 Epstein M.A., 2006. *Body Philosophy. The Body of Freedom*. Saint Petersburg, Aleteyja Publ., pp. 179-194.
 Eriksen Th.H., 2003. *Tyranny of the Moment. Time in the Information Age*. Moscow, Ves' mir Publ.
 Jung C.G., 1997. About Synchronicity. *Consciousness and the Unconscious*. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., pp. 523-537.
 Brodsky J. Some Tips. URL: <http://www.umich.edu/~bhlumrec/c/commence/1988-Brodsky.pdf>.

Information About the Author

Viktoriya A. Khrapova, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, khrapova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>

Информация об авторе

Виктория Анатольевна Храпова, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, khrapova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5236-9147>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.11>

UDC 177+304.2

LBC 87.6

THE CRISIS OF RECOGNITION IN THE CONTEXT OF SOCIAL EXCLUSION

Valeriya A. Kopaneva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The author suggests the idea of reflecting the experience of social exclusion and considers the problem faced by people, communities and social institutions, that is a crisis of recognition. Recognition is referred to as the process during which one subject formulates new knowledge about another and evaluates it, as a result of it a commonality arises between them. However, in the conditions of the new reality, the negative consequences of isolation are visible, which are expressed in the following forms: spatial disunity, alienation, lack of communication, lack of joint social practices, separation from the community, individualization and, as a result, non-recognition. The idea of isolation prevents recognition. Isolation implies isolation / autonomy from social contacts, difficulty in gaining new knowledge about other objects, which leads to a weakening of the mimetic aspect of recognition and an increase in the perception of the danger of the Other. At the same time, the idea of initiation, which involves crossing the border, is an integral part of recognition – this fact implies the presence of at least two spaces of different quality, that is why, it is necessary to observe the principle of horizontality. Spaces are not arranged hierarchically, in online practices there is no boundary between private and public spaces, respectively, if there is no priority of one space over another, then there is no need to give recognition. The lack of recognition leads the subject to disorientation: when it becomes difficult for him to evaluate and understand the processes occurring not only with him, but also in the external world. Thus, we conclude that online practitioners do not form communities and shared presence that prevents the expression of recognition.

Key words: recognition, isolation, community, representation, evaluation, initiation.

Citation. Kopaneva V.A. The Crisis of Recognition in the Context of Social Exclusion. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 89-94. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.11>

УДК 177+304.2

ББК 87.6

КРИЗИС ПРИЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ

Валерия Андреевна Копанева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье предлагается отразить опыт социальной изоляции и рассмотреть проблему кризиса признания, с которой столкнулись человек, сообщества, социальные институты. Под признанием имеется в виду процесс, в ходе которого один субъект артикулирует новое знание о другом и дает ему оценку, вследствие чего между ними возникает общность. Однако в условиях новой реальности отмечаются негативные последствия изоляции, которые выражаются в следующих формах: пространственная разобщенность, отчуждение, дефицит коммуникации, дефицит совместных социальных практик, отделение от сообщества, индивидуализация и, как следствие, дефицит признания. Идея изоляции препятствует получению признания, она предполагает отделение от социальных контактов, труднодоступность получения нового знания о других объектах, что приводит к ослаблению миметического аспекта признания и возрастанию идеи опасности Другого. В то же время для признания неотъемлемой частью является идея инициации, которая предполагает преодоление границы – этот факт говорит о том, что есть как минимум два разных по качеству пространства и необходимо соблюсти принцип горизонтальности. Пространства не расположены иерархически, в онлайн-практиках нет границы между приватным и публичным, соответственно если нет приоритета одного пространства перед другим, то и нет необходимости давать признание. Его отсутствие приводит субъекта к дезориентации: ему становится сложно оценить и понять процессы, которые происходят не толь-

ко с ним, но и во вне, в мире. Таким образом, мы приходим к выводу, что онлайн-практики не формируют общность и соприсутствие, а это препятствует выражению признания.

Ключевые слова: признание, изоляция, общность, репрезентация, оценка, инициация.

Цитирование. Копанева В. А. Кризис признания в условиях социальной изоляции // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 89–94. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.11>

В 2020 г. человечество столкнулось с принципиально новым опытом, который нуждается в рефлексии, чтобы определить, как повлияли пандемия и изоляция на взаимодействие субъектов в рамках различных социальных практик.

Повлек ли опыт изоляции негативные последствия для человека? Да, и одним из таких последствий явился *кризис признания*, который связан с тем, что для индивида или коллектива получение признания стало труднодоступным по причине удаленности от тех пространств, практик и субъектов, которые способны такое признание осуществлять.

Несмотря на то, что сами практики не прекратились, а лишь стали в значительной своей части дистанцированными (онлайн), мы попытаемся показать, что в рамках изоляции, если понимать ее не в узком современном смысле, а обобщенно, субъект не получает полноценного опыта признания и, как следствие, испытывает его дефицит.

Признание – это процесс, в ходе которого один субъект артикулирует новое знание о другом и дает ему оценку, вследствие чего между ними возникает общность. В качестве основных черт признания можно назвать:

1) адресность (признание не существует автономно от своего объекта, который в силу принципа взаимности одновременно становится субъектом встречного признания).

2) оценочность (признание содержит ценностную характеристику своего объекта [Михайлов 2012, 86], в силу чего оно может быть положительным (признание-одобрение) или отрицательным (признание-осуждение);

3) интерпретация (воспроизводство буквального значения позволяет лишь подтвердить имеющееся знание об объекте, в то время как интерпретация позволяет извлечь новый смысл, который может стать основанием для признания);

4) конкретизация (процесс признания осуществляется по двум направлениям: поиск

объекта – «кто признается?»); поиск основания – «за что признается?»);

5) редукция (в процессе признания сложный образ объекта приводится к более простому путем отбора одного или нескольких значимых признаков в качестве основания);

6) вербальность (необходимым условием для признания является словесная форма, поскольку только она может свидетельствовать о тех внутренних операциях мышления, которые провел субъект признания: лишь по речи можно идентифицировать оценку объекта, интерпретацию, адресность и т. д.).

Уже исходя из определения, можно наметить ряд проблем, с которыми сталкивается признание в условиях изоляции:

1) отсутствие непосредственного коммуникативного контакта с другим субъектом;

2) затруднение в получении нового знания о субъекте, чтобы артикулировать его;

3) невозможность дать оценку, поскольку новое знание о субъекте не получено;

4) отсутствие общности.

Поскольку в условиях изоляции выполнение данных условий встречает дополнительные затруднения, то повышается риск, что полноценного признания не произойдет. При этом индивид или коллектив как и прежде может располагать ресурсом *признанности*, то есть следами того признания, которые он получил в прошлом. Признанность, в отличие от признания, статична, то есть представляет собой совершившийся акт (символический капитал), в котором лишь откладываются, но не обновляются, а следовательно растрачиваются ранее накопленные информационные и ценностные ресурсы.

А. Кожев в своей работе «Введение в чтение Гегеля» также указывает на важность приобщения к другим: «Человек отличается от животного тем, что он – Гражданин (Burger), он может осуществиться как человек только принадлежа народу (Volk), организованному в Государство (Staat). Vermittlung (опосредование) – это по существу деятель-

ность (l'action) в Обществе, опосредованная Обществом (dans et par); это настоящее Anerkennen (признание): человек признает другого человека человеком, будучи сам признан им в качестве такового. Только в другом и с помощью другого обретает человек Befriedigung (удовлетворение). В мире чистой природы и просто жизни нет Vermittlung (опосредования), потому что нет Общества (Volk, Staat), в котором индивиды «признавали» бы друг друга в их действительности и достоинстве. Итак, вне Общества Человек – всего лишь животное («духовное животное» – Bete Intellectuelle)» [Кожев 2003, 100]. Изоляция и онлайн-практики не позволяют сформировать или даже поддерживать общность, поскольку не создают сопresence, а только допускают собрание индивидов в разных пространствах.

Реализация признания возможна лишь в обществе или в сообществе, хотя бы потому что в основе этого механизма лежит мимесис, что подчеркивал Р. Жирар на примере процесса обучения: «Отношение образец / ученик по определению исключает равенство, которое только и могло бы сделать соперничество возможным в глазах ученика. Ученик находится в том же положении, в каком находится верующий по отношению к божеству; он имитирует желания образца, но не способен признать в них аналог своих собственных желаний; короче говоря, он не понимает, что может «вторгнуться на территорию» образца, стать для него угрозой. Если это верно даже по отношению к взрослым, то уж тем более – по отношению к ребенку, к изначальному миметическому желанию» [Жирар 2010, 229]. Каждый акт признания, помимо субъекта и объекта, включает в себя ту фигуру, с которой может быть отождествлен тот, кого признают [Giorgini G., Itega E. (ed.) 2017, 17].

В повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» миметический аспект признания представлен, когда умирает хозяин дома, генерал, и всю власть над домочадцами захватывает шут-приживал Фома Фомич Опискин, не обладающий никаким статусом, чтобы оправдать тот авторитет, который ему удалось установить в доме. У читателя возникают закономерные вопросы: «Как шут может завоевать такое признание?», «Почему герои видят в Фоме того, кто

может занять место генерала?» Мимесис раскрывает данную загадку: Фома Фомич был свидетелем проявления генеральской власти, подражал ему и после его смерти стал единственным, кто мог перенять хозяйские функции [Достоевский 1988].

Артикуляция нового знания о Другом в ходе признания осуществляется посредством такого действия, как персонификация абстрактного понятия или культурного символа.

Субъект признания производит ментальное размыкание через привязку конкретного образа к обобщенной категории (изначально абстрактное понятие само по себе закрыто, поскольку оторвано от опыта человека). Таким образом, благодаря признанию происходит двойное обогащение опытом – одновременно конкретным и абстрактным.

В романе Ф.М. Достоевского «Бесы» представлен пример такого признания, которое персонифицирует культурный символ, а именно эпизод признания Ставрогина в качестве Ивана-Царевича во второй части романа:

– <...> Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?

– Кого?

– Ивана-Царевича.

– Кого-о?

– Ивана-Царевича; вас, вас!

Ставрогин подумал с минуту.

– Самозванца? – вдруг спросил он, в глубоком удивлении смотря на испуганного. – Э! так вот наконец ваш план [Достоевский 1990, 395].

Верховенский выражает абстрактную идею через символ Ивана-Царевича, наделяя этим именем Ставрогина, чтобы признать его в качестве потенциального вождя, который «скрывается». Однако Ставрогин распознает в этом символе обозначение другой идеи – «самозванства» – и не дает Верховенскому встречного признания.

Признание – это переход количественного изменения в качественное [Hanhela 2014, 59–60], когда набор фактов преобразуется через концептуализацию в формулу признания: персоне подбирается к понятию или понятие к персоне.

Почему Верховенский вообще признает Ставрогина? Потому что Ставрогин, с одной стороны, является частью его круга, так как воспитывался отцом Верховенского с восьми

лет, с другой стороны, он воспринимается как личность, для которой свойственна особая поведенческая модель, отличающаяся от общепринятой.

Таким образом, можно сформулировать парадокс признания: для того, чтобы быть признанным, лицу необходимо пребывать в составе группы (сообщества), поскольку лишь коллективно могут быть выработаны критерии и процедуры признания, но при этом требуется, чтобы сама группа опознавала его не просто как свой атрибут, а с относительной автономией от себя.

Ожидания признания обрамляются конкретным нормативным порядком, институциональной системой, которая, в свою очередь, является временным эффектом конфликтов между группами [Ivković 2016, 112]. Однако в условиях изоляции становится проблематичным само нахождение в какой-либо группе из-за пространственной разрозненности. Набор людей в разобщенных топосах не является группой. В случае, если коллектив не формируется, индивид не способен проявить себя ни в качестве участника группы, ни в качестве того, кто предъявляет этой группе свой творческий продукт; как следствие, реального признания не происходит.

Соответствующим образом мы можем выделить два необходимых элемента признания:

1. *(Ре)презентация*. Один субъект обладает способностью и готовностью представить свой творческий продукт другому, чтобы получить оценку и обратную связь. П. Рикер указывает на социотворческую функцию репрезентаций: «Эта связь между репрезентациями и социальными практиками выражается в роли символического посредника, которую играют репрезентации, когда у социальных практик имеется определенная цель – установление социальной связи и соответствующих ей модальностей идентичности. Следовательно, репрезентации являются не беспочвенными идеями, движущимися в автономном пространстве, а, как мы только что сказали, символическими посредниками, содействующими установлению социальной связи; они и символизируют идентичности, сообщающие в ходе своего установления определенную конфигурацию этим социальным связям. И наоборот, следует признать, что социальные

идентичности и социальные связи не имеют своей природы, а только формы осуществления» [Рикер 2010, 130]. В ситуации изоляции возможности для репрезентаций резко сократились, что приводит к тому, что социальные связи либо не формируются, либо являются слабыми и неустойчивыми.

2. *Оценка*. Субъект признания одновременно становится его объектом: он дает признание и в этот же момент претендует на признание в качестве признающего лица. Однако, если признающий не получает статуса, то и сам акт признания недействителен, поскольку нарушен принцип взаимности: «Оно представляет собой прежде всего сторону неравенства обоих [самосознаний] [то есть двух людей, которые борются за признание] или распадение среднего термина [представляющего собой обоюдное признание] на крайние [две противные стороны], которые, как крайние, противоположны друг другу и из которых один есть только признаваемое, другой – только признающее. [Поначалу человек, который хочет заставить другого признать себя, со своей стороны не выражает ни малейшего желания признавать его. Если он победит, признание вовсе не будет взаимным: победителя признают, но он не признает того, кто его признал]» [Кожев 2003, 18].

Таким образом, признание предполагает свободную сменяемость статусов:

а) субъект 1 артикулирует признание объекта 1;

б) объект 1 переходит в статус субъекта 2, а субъект 1 становится объектом 2, который получает признание.

Признание – это инициация (трансгрессия), после которой субъект обретает новое качество, отсутствующее в предыдущем опыте. Появление этого нового качества невозможно без участия Другого как открывателя неизвестного.

Как отмечает А. ван Геннеп, «...иногда инициация совершается за один раз, иногда поэтапно. Там, где посвящаемый рассматривается как мертвый, его “воскрешают”, учат жить, но иначе, чем в детстве» [Геннеп ван 1999, 73].

Исходя из этого, существуют два уровня практик признания:

1. *Первичные (признание-испытание)* – социальные практики, которые направ-

лены на проверку качеств субъекта, его компетенций (например, практика представления и публичной защиты диссертационного исследования, сценический дебют, первая выставка художника, первое публичное выступление музыканта, выдвижение кандидатуры на выборах и т. п.).

2. *Вторичные (признание-посвящение)* – социальные практики, направленные на то, чтобы присвоить субъекту новый статус (присуждение ученой степени, награждение победителя, инаугурация и т. д.).

Идея инициации предполагает преодоление границы – этот факт говорит о том, что необходимо наличие как минимум двух разных по качеству символических пространств. Однако в онлайн-практиках не происходит пространственного перемещения и разделения (стирается граница между публичным и частным), что препятствует инициации. Пространства не расположены иерархически, но если отсутствует приоритет одного пространства перед другим, то нет и необходимости давать признание.

Таким образом, практика изоляции прежде всего противоречит идее символического обмена, что, в свою очередь, является препятствием для признания. Изоляция порождает ослабление социальных контактов, что приводит к угасанию миметического аспекта признания и возрастанию идеи опасности Другого.

Признание необходимо для ориентации в социальном пространстве, для формирования и подкрепления ценностных предпочтений, которые позволили бы субъекту осуществлять жизненный выбор, однако условия социальной изоляции сокращают возможности и для (ре)презентации творческого продукта, и для его оценки, что приводит к потере ориентиров и невозможности дать оценку происходящему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Геннеп ван 1999 – *Геннеп А. ван*. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература РАН, 1999.
 Достоевский 1988 – *Достоевский Ф.М.* Село Степанчиково и его обитатели // *Собрание сочинений*. В 15 т. Т. 3. Ленинград: Наука, 1988.

Достоевский 1990 – *Достоевский Ф.М.* Бесы // *Собрание сочинений*. В 15 т. Т. 7. Ленинград: Наука, 1990.
 Жирар 2010 – *Жирар Р.* Насилие и священное. Изд. 2-е, испр. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
 Кожев 2003 – *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. СПб.: Наука, 2003.
 Михайлов 2012 – *Михайлов И.А.* «Борьба за признание». Идея признания в социально-критической теории А. Хоннета // *Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции*. М.: ИФРАН, 2012.
 Рикер 2010 – *Рикер П.* Путь признания. Три очерка. М.: РОССПЭН, 2010.
 Giorgini G., Irrera E. (ed.) 2017 – *Giorgini G., Irrera E. (ed.)* Roots of Respect. A Historic-Philosophical Itinerary. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2017.
 Hanhela 2014 – *Hanhela T.* Educational Perspectives on Recognition Theory. Oulu: University of Oulu, 2014.
 Ivković 2016 – *Ivković M.* The Habermasian Foundations and Aims of Axel Honneth's Theory of Recognition // *Idéias*. Vol. 7, № 2. P. 99–122.

REFERENCES

Gennep A. van, 1999. *Rites of Passage. Systematic Study of Rites*. Moscow, Vostochnaya literatura RAN.
 Dostoevsky F.M., 1988. The Village of Stepanchikovo and its Inhabitants. *Sobranie sochinenij*. V 15 t. T. 3. Leningrad, Nauka Publ.
 Dostoevsky F.M., 1990. The Possessed. *Sobranie sochinenij*. V 15 t. T. 7. Leningrad, Nauka Publ.
 Girard R., 2010. *Violence and the Sacred*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
 Kojeve A., 2003. *Introduction to the Reading of Hegel*. Saint Petersburg, Nauka Publ.
 Mikhailov I.A., 2012. "Struggle for recognition". The Idea of Recognition in the Social-Critical Theory of A. Honnet. *Zapadnaya filosofiya konca XX – nachala XXI v. Idei. Problemy. Tendencii*. Moscow, IFRAN.
 Ricouer P., 2010. The Path of Recognition. Three Essays. Moscow, ROSSPEN Publ.
 Giorgini G., Irrera E. (ed.), 2017. *Roots of Respect. A Historic-Philosophical Itinerary*. Berlin; Boston, Walter de Gruyter Publ.
 Hanhela T., 2014. *Educational Perspectives on Recognition Theory*. Oulu, University of Oulu.
 Ivković M., 2016. The Habermasian Foundations and Aims of Axel Honneth's Theory of Recognition. *Idéias*, vol. 7, no. 2, pp. 99–122.

Information About the Author

Valeriya A. Kopaneva, Candidate for a Degree, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, leravalera5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8656-236X>

Информация об авторе

Валерия Андреевна Копанева, соискатель кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, leravalera5@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8656-236X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.12>

UDC 316.45

LBC 60.54

**INFLUENCE OF THE PANDEMIC ON CHANGE OF EVERYDAY PRACTICES
OF VOLGOGRAD RESIDENTS: GENDER DIFFERENCES
(BASED ON THE RESULTS OF APPLIED SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

Nadezhda V. Dulina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Eugeniya V. Anufrieva

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The coronavirus pandemic (COVID-19), which swept the whole, at the very beginning of its spread (early 2020) created an almost experimental situation in which “border practices” were fully revealed, demonstrating the attitude of the population to issues of morality and law. The COVID-19 pandemic that swept the whole world is viewed by us as a factor provoking human behavior. The article presents the results of an applied sociological study of changes in the daily practices of Volgograd residents. The results of a sociological study conducted among the residents of Volgograd are presented. Information gathering method – focus group discussion. The main technical parameters of the study are indicated. The formulated conclusions make it possible not only to record the change in the habitual practices of townspeople, but also to present the socio-economic situation as a whole. Similarities and differences in the behavior of men и women are indicated. So women are more inclined to demonstrate behavior, which can be described as “everything doubtful is prohibited”, while men are inclined to a different model – “much controversial is acceptable”. Citizens assess the pandemic as a non-standard, undetermined situation, contradictory and inconsistent decisions are made in this case. citizens describe the situation of the pandemic in a negative aspect: distrust of the authorities through the refusal to view the news, violation of personal space, difficulties of interaction and communication in a confined space of the home, fighting their own fears, spending on the purchase of medical devices, antiviral drugs, paying for the Internet. Passive survival models are common, these models are aimed at saving money, more rational spending of the family budget. Active models are not involved due to the lack of jobs in the city. The most unexpected conclusion was that the biggest fear that haunts the city dwellers are the fear of lack of money, which even supplants the fear of contracting the COVID-19.

Key words: morality, right, law, city dwellers, gender, pandemic, COVID-19, daily practices.

Citation. Dulina N.V., Anufrieva E.V. Influence of the Pandemic on Change of Everyday Practices of Volgograd Residents: Gender Differences (Based on the Results of Applied Sociological Research). *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 95-109. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.12>

УДК 316.45

ББК 60.54

**ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ИЗМЕНЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК
ЖИТЕЛЕЙ ВОЛГОГРАДА: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
(ПО ИТОГАМ ПРИКЛАДНОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Надежда Васильевна Дулина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгения Владимировна Ануфриева

Волгоградский государственный технический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

© Дулина Н.В., Ануфриева Е.В., 2021

Аннотация. Пандемия коронавируса (COVID-19), охватившая весь мир, в самом начале своего распространения (январь – февраль 2020 г.) создала практически экспериментальную ситуацию, в которой достаточно полно раскрылись «пограничные практики», демонстрирующие отношение населения к вопросам морали и права. Эпидемия COVID-19 рассматривается нами как фактор, влияющий на поведение людей. В статье представлены результаты прикладного социологического исследования изменения повседневных практик жителей Волгограда. Метод сбора информации – фокус-групповые дискуссии. Обозначены основные технические параметры выполненного исследования. Сформулированные выводы позволяют не только зафиксировать изменение привычных практик горожан, но и представить социально-экономическую ситуацию в целом. Обозначены сходства и различия в поведении мужчин и женщин. Так, женщины более склонны к демонстрации поведения, которое можно обозначить как «все сомнительное запрещено», тогда как мужчины склонны к иной модели – «многое спорное приемлемо». Явление пандемии оценивается горожанами как нестандартная, неопределенная, в которой принимаются противоречивые непоследовательные решения. Ситуацию пандемии горожане описывают в негативном ключе: недоверие к власти через отказ просмотра новостей, нарушение личного пространства, трудности взаимодействия и общения в замкнутом пространстве жилища, борьба с собственными страхами, траты на приобретение медицинских приборов, противовирусных препаратов, оплату Интернета. Распространены пассивные модели выживания, нацеленные на экономию денежных средств, более рациональное расходование семейного бюджета. Активные модели не задействованы в силу отсутствия рабочих мест в городе. Неожиданным для авторов оказалось, что самый большой страх, преследующий горожан, – это безденежье, которое даже вытесняет боязнь заразиться коронавирусом.

Ключевые слова: мораль, право, горожане, гендер, пандемия, COVID-19, повседневные практики.

Цитирование. Дулина Н. В., Ануфриева Е. В. Влияние пандемии на изменение повседневных практик жителей Волгограда: гендерные различия (по итогам прикладного социологического исследования) // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 95–109. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.12>

Введение

В современном мире, очень сложном и одновременно хрупком, чрезвычайно важную роль в регулировании отношений между людьми, отдельными социальными группами играют право и мораль. В рамках данной статьи мы не будем анализировать теоретические аспекты данных понятий – это сделано до нас специалистами, принадлежащими соответствующим научным областям [Баранникова 2008; Васильев 2001; Кирилина web; Коноплева, Калягин web; Макарова web; Кутафин (ред.) 2000; Сорокотягин, Маслеев 2016; Шрейдер 1994; Явич 2010]. Мы лишь напомним, что основная функция права и морали заключается в целенаправленном воздействии на поведение людей, обеспечивающем баланс интересов отдельных индивидов, социальных групп или общества в целом. Принято считать, что право является системой обязательных для всех формально определенных социальных норм (правил поведения), выражающих государственную волю, устанавливаемых и обеспечиваемых государством и направленных на урегулирование общественных отношений [Право web]. По сути, «право» – это

государственный регулятор общественных отношений. Термином «мораль» определяется совокупность неписанных условных (конвенциональных) принципов и норм поведения по отношению к себе, другим людям, социальным группам и обществу в целом [Мораль web]. В наиболее общем виде мораль представляет собой комплекс (систему) исторически определенных норм, взглядов, принципов, оценок, убеждений. Она выражается в поступках людей, регулирует их действия с позиций добра и зла, честного и бесчестного, справедливого и несправедливого, поощряемого и порицаемого, благородства, совести, порядочности и других аналогичных нравственных критериев.

В целом мораль и право как формы общественного сознания имеют ряд общих черт и различий. Так, например, если мораль оперирует такими понятиями как «добро» и «справедливость», то право – комплементарными категориями «соответствие норме» и «законность» (и прочими подобными). В пределе, в некотором «идеальном обществе» (или в примитивных обществах, для которых характерно архаичное право) нормы морали и права могут / должны полностью совпадать. В ре-

ально существующих развитых обществах такого полного совпадения норм морали и права, очевидно, не наблюдается.

Могут быть выделены три класса «опривыченных действий» (для обозначения подобных форм поведения в социологии используется термин «социальные практики» или просто «практики» [Сафонова 2009, Шугальский web]). Эти три класса социальных практик по-разному воспринимаются основной частью конкретного общества (содержательное наполнение этих классов различно в различных обществах). Выделяются:

1. Практики, которые являются «законными» (соответствуют правовым нормам) и воспринимаются основной частью общества как «моральные» (соответствуют представлениям о добре и справедливости). К этому классу относится основная часть обыденных повседневных действий.

2. Практики, которые являются «незаконными» и при этом воспринимаются обществом как «аморальные». Так, например, можно предположить, что к этой категории относятся насильственные преступления против личности, совершенные по корыстным мотивам.

3. Практики, для которых соотношение между «законностью» и «моральностью» неоднозначно и предполагает возможное противоречие:

а) практики, которые, несмотря на то, что они не противоречат закону, воспринимаются / могут восприниматься значительной частью общества как «аморальные» (например, аборт или супружеская измена);

б) практики, которые, несмотря на то, что они противоречат закону, воспринимаются / могут восприниматься значительной частью общества как приемлемые (например, уклонение от уплаты налогов или от службы в армии).

Наибольший интерес, с точки зрения социологии, при анализе соотношения норм морали и права в повседневной жизни общества, а также анализа влияния различных факторов (демографических, социальных, психологических) на особенности восприятия людьми приемлемых и неприемлемых действий представляют практики, относящиеся к третьему классу, обозначаемые как «пограничные практики».

Закономерности восприятия «пограничных практик» могут рассматриваться как маркеры – индикаторы, дифференцирующие людей как минимум с нескольких точек зрения:

а) с точки зрения толерантности / категоричности в оценках («многое спорное приемлемо» / «все сомнительное запрещено»);

б) с точки зрения единства отражения морали и права в индивидуальном сознании («разрешенное законом морально» / «запрещенное законом аморально»);

в) с точки зрения близости восприятия «пограничных практик» конкретным индивиду к закономерностям, демонстрируемым различными демографическими и социальными группами, а также «населением» (объектом исследования) в целом.

В рамках данной статьи мы хотели бы проанализировать восприятие приемлемости / неприемлемости «пограничных практик» взрослыми жителями Волгограда, делая акцент на гендерных различиях в этом восприятии.

Пандемия коронавируса (COVID-19), охватившая весь мир, в самом начале своего распространения (январь – февраль 2020 г.) создала экспериментальную ситуацию, в одночасье изменив функционирование практически каждого социального института, отдельного человека, общества в целом. Люди оказались в ситуации, когда случай становится судьбой [Эпштейн web]. Такая ситуация хорошо проиллюстрирована еще А.П. Чеховым в 1892 г., когда тот в качестве врача работал в условиях эпидемии холеры. Он писал: «Положение мое будет глупее дурацкого. Пока я буду возиться с одним больным, успеют заболеть и умереть десять. ...При единичных заболеваниях я буду силен, а если эпидемия разовьется хотя бы до пяти заболеваний в день, то я буду только раздражаться, утомляться и чувствовать себя виноватым» [Распопова web]. Весной 2020 г. виноватыми себя почувствовали врачи, причем «виноватыми» настолько, что психологи сочли необходимым вмешаться в ситуацию [Дистанционное... web; Магомед-Эминов web; Экспертный совет... web], оценивая возможности стрессоустойчивости человека [Албакова, Погорова 2020].

Социум постепенно приходил к осознанию того, что «существование человека в условиях глобальной угрозы COVID-19 ради-

кально меняет отношения человека и общества. В условиях пандемии социальные практики раскрыли конкретного человека в новом отношении к обществу, поставив общественную жизнь «на паузу» в целях сохранения жизни индивидуального человека» [Асмолов и др. web]. Понятно, что такая ситуация повлекла за собой изменение повседневных практик, многие из которых можно было бы классифицировать как пограничные, обнажая отношение населения к вопросам морали и права. В этой экстремальной ситуации, заданной пандемией, есть, условно говоря, «временный закон» – рекомендации Роспотребнадзора (забегая вперед, скажем, что и респонденты для себя обозначили эти меры именно как закон), которые необходимо соблюдать, и мораль, осуждающая или оправдывающая поступки.

Пандемия как экспериментальная ситуация, в которой максимально полно раскрываются пограничные практики, делает необходимым уточнение условия экспериментирования, что может быть реализовано только «на основании этического компаса из трех ценностей – справедливости, равного уважения достоинства человека и помощи в уменьшении страданий» [Брызгалова web]. Следовательно, необходимо изучение сложившейся ситуации. Уже более года поисками ответов на вопросы, связанными со стремительно меняющимся миром (например, каким будет общество, пройдя многомесячные карантины и самоизоляции; какой статус приобретут образование, наука и культура в этом новом мире и т. д.), заняты представители самых разных научных дисциплин: от медиков до геополитиков [Анпилов, Сорочайкин 2020; Волков, Курбатов 2020; Гафиятулина, Касьянов, Самыгин 2020; Громько 2020; Дудин, Лясников 2020; Касьянов, Гафиятулина, Самыгин 2020; Нязова 2020; Островский, Иванова 2020; Современное общество 2020]. В ряде работ, представляющих результаты эмпирических исследований, в первую очередь следует упомянуть «Социологию пандемии. Проект коронаФОМ» [Социология пандемии 2021], в которой авторы, помимо описания самого проекта и его основных результатов, фиксируют социологические изменения и сдвиги, вызванные пандемией и мерами борьбы с ней, дают ссылки на сайт, облако проекта и основные публикации, подготовленные на его эмпирических данных.

Методы

В части теоретического исследования использованы общенаучные методы (анализ, абстрагирование, сравнение и т. д.). В части эмпирического исследования для «диагностики» состояния жителей Волгограда в ситуации, связанной с распространением коронавируса, нами в апреле 2020 г., когда пандемия воспринималась еще как «забег» на короткую дистанцию, были проведены фокус-группы с волгоградцами, которые проходили в онлайн-режиме. Заметим, что в своих поисках оценки состояния жителей Волгограда мы не одиноки [Дулина 2021; Касьянов, Гафиятулина, Самыгин 2020; Эпштейн web], это лишнее свидетельствует о важности изучаемого объекта. При формировании фокус-групп были выбраны два основания: возраст и статус занятости (прежнее место, удаленное место работы и уволенные). Мы исходили из предположения, что:

а) условия карантина сохранятся актуальными довольно длительное время, они весьма необычны для большинства населения, и, очевидно, потребуют адаптации к ним, что будет вызывать существенную дифференциацию между социальными группами. Следовательно, можно предположить различия между возрастом и статусом занятости в секторах экономики;

б) реакция на столь необычные внешние условия, которые созданы пандемией, вероятно, слабо зависит от территории проживания респондента, но наиболее отчетливо будет проявляться в крупных городах, где статус занятости во многом определяет поведенческие практики респондента [Раскина web].

Подобные основания для формирования состава фокус-групп как минимум не противоречат, а в основных тенденциях совпадают как с критериями отбора респондентов / информантов, так и с результатами проведенных другими отечественными исследователями социологических исследований [Режим самоизоляции 2020; Социология пандемии 2021].

Дизайн фокус-групп выглядел следующим образом (см. таблицу). Весной 2020 г., когда в стране еще не хватало масок и перчаток, рекомендованных Роспотребнадзором к

обязательному ношению, а по улицам патрулировали наряды полицейских, предположить, что спустя некоторое время среди населения страны образуется социальная группа, которая останется в выигрыше после ситуации с пандемией, было бы верхом фантастики. Поэтому среди участников фокус-групп нет представителей тех, кто мог бы (даже гипотетически) оказаться в выигрышной позиции по отношению к другим социальным группам. Максимально положительным результатом мы предполагали возможность сохранения статуса занятости и дохода, что и подтверждается мнениями респондентов, которые мы приведем ниже.

Подбор участников в соответствии с указанными критериями, с нашей точки зрения, позволил реализовать цель и задачи прикладного исследования, которые сводились к следующему: 1) описать восприятие горожанами ситуации, вызванной необходимостью самоизоляции в связи с распространением коронавируса; 2) проследить изменение доходов, структуры расходов, модификацию способов заработка; 3) оценить период, в течение которого люди смогут поддерживать привычный образ жизни; 4) выявить изменения в возможности удовлетворять потребности как и личные, так и всей семьи; 5) обозначить задачи, которые требуют приложения значительных усилий, и т. д.

Однако, принимая во внимание ограниченные рамки статьи и невозможность представить все результаты, полученные в ходе исследования, обратим внимание на выводы, которые позволяют оценить сходства и раз-

личия в восприятии мужчинами и женщинами сложной ситуации, вызванной пандемией, их нацеленность на соблюдение морали и права.

Обозначения, принятые в тексте и относящиеся к представлению мнений респондентов, следует читать следующим образом: I, ж., 42 – женщина 42 лет из первой группы; II, м., 27 – мужчина 27 лет из второй группы.

Заметим, что отдельные результаты выполненного исследования уже представлены широкому кругу читателей [Дулина, Ануфриева 2021; Дулина 2021].

Основные результаты

Ситуация, вызванная необходимостью самоизоляции в связи с распространением коронавируса, заметно повлияла на повседневные практики горожан. Ответы респондентов на вопрос, как изменился их образ жизни из-за ограничений, введенных в связи с пандемией, убеждают, что горожане оказались в экспериментальной ситуации: «Я вообще это воспринимаю как эксперимент: сколько терпения хватит у людей находиться под таким давлением. Потому что я не поверю, что у всех все хорошо дома: никто не ругается и т. д. Я думаю, все равно будут конфликты даже внутри семьи, поэтому... для меня это – эксперимент» (II, м., 27)».

Респонденты указывали на то, что вынуждены были искать альтернативы повседневным практикам и занятиям. В большинстве случаев ситуация оценивалась горожанами как нестандартная и неопределенная. Участники не могли объяснить ее себе сами,

Дизайн фокус-групп

Целевая аудитория	Группы			
	Первая (I)		Вторая (II)	
	Возраст (количество лет)			
	41–55		25–40	
	Количество участников, пол			
	м	ж	м	ж
Люди, перешедшие из-за карантина на удаленную работу (продолжают работать из дома)	1	1	1	1
Люди, продолжающие работать в обычном режиме (в нашем случае – врач, воспитатель реабилитационного центра для несовершеннолетних, служащий банка и др.), и те, кто был занят на этой работе еще до карантина (не меняли род деятельности во время карантина, например использование технологий хоум-офисов)	1	1	1	1
Люди, пострадавшие от карантина (потерявшие работу или с существенным сокращением дохода, потеряли 50–70 % дохода)	1	1	1	1

исходя только из логики здравого смысла, но не находили ответа и в решениях, принимаемых властными структурами: «Некомфортно, непривычно... Или как правильно сформулировать? Ничего позитивного не вижу» (I, м., 43); «...Много негатива» (II, м., 27); «...Есть и негатив по текущей ситуации: то, что по телевизору говорят одно, а смотришь в окно и там совсем все по-другому» (II, м., 28); «...Паникой это не назовешь. Я думаю, что вокруг происходит просто неразбериха» (II, м., 37); «Ситуация как бы нестандартная, я никогда с таким не сталкивался. Поэтому оценить правомерность мероприятий каких-то мне трудно. ...Кто же хочет в такой ситуации работать? Долго человек не сможет так» (I, м., 42); «Я чувствую себя в некоей растерянности. У меня нет четкой картины. Потому что те меры, которые предпринимаются, они мне кажутся нелогичными. Где-то гайки закручивают, а где-то возникает большой риск заражения. Сократили общественный транспорт. Зато по утрам он теперь ходит битком набитый. Действительно ли это такой вирус опасный, который требует таких мер. Что именно мне плохо – пока понятно, поэтому я чувствую некую такую растерянность» (I, ж., 42).

Нелогичность, по мнению респондентов, принимаемых властными структурами мер, порождает недоверие: «...у меня возникает некое недоверие. Возможно, не только из-за коронавируса это все велось. И может что-то под ним кроется другое совсем» (I, ж., 42); «Для меня ситуация, которая складывается в стране с первых дней, стала подозрительной. Поэтому я стала искать информацию в Интернете. Мои подозрения подтвердились. Так как обычно наше правительство ничего не делает просто так. И коронавирусом прикрыли какие-то изменения. Что будет, что произойдет в стране, это мы узнаем позже... Люди достойны знать правду, но, к сожалению, нам ее не дают» (I, ж., 45); «Меня раздражают многие законы, которые сейчас принимают по карантину, так называемому. Я, честно, не понимаю, зачем было некоторые рабочие отрасли открывать. Когда можно было либо закрывать уже всех и оставить только полицию, медицину и так далее, либо открываться уже всем. Поэтому мне эти полумеры непонятны. Возмущение лично моих родителей, которые

пользуются общественным транспортом, и сейчас они просто не могут влезть в автобус с утра. То есть, все эти вещи для меня, они непонятны» (II, м., 27).

Интересно обратить внимание, что большую категоричность проявили женщины при оценке ситуации, обнаружив в ней признаки социальной несправедливости: «...вроде бы даже с мужем мы больше времени проводим, потому что он у меня абсолютно сейчас пока не работает, это как-то завидно или обидно – он сидит дома и получает зарплату. А я вынуждена все равно где-то рисковать, в голове думки какие-то свои стараешься отгонять, разгонять, но иногда что-нибудь побеждает, какая-нибудь гадкая мысль. [Зависть] такая маленькая. Тоже, наверное, хотелось бы поспать спокойно, никуда не идти» (II, ж., 31); «У меня внутри много-много злости. Потому что как я работала, так и работаю. Нам даже по времени рабочий день не сократили. То есть, благо у меня есть машина. Слава Богу, я езжу на машине. В эту давку с утра в автобусы я не попадаю. Это, конечно, страсть, что у нас было с 21-м автобусом, который на работу ехал. Тут вообще ужасно. И то, что у нас на работе – я в банке работаю – у нас все дезинфицируют, тоже средства есть. Но смотрите: я сижу в кабинете. Ко мне в кабинет приехали те, которые были в этом автобусе, в этой давке. Я была в своей машине, смысл? Смысл мне чего-то бояться? Сейчас он заразился, то есть мы все сидим в одном кабинете. И что из того, что у нас там продезинфицировали? Это ужасно... Мне тоже хочется отдыхать, чтобы мне платили за это деньги, за то, что я сижу дома. ...Педагоги: воспитатели, учителя – они сидят дома, им зарплата идет» (II, ж., 33).

С точки зрения отражения морали и права в индивидуальном сознании, женщины в большей степени склоняются к позиции «запрещенное законом аморально»: «...на самом деле, смотришь в окно или проезжаешь на машине, видишь много гуляющих с детьми, парочками гуляют, студенты вообще ходят кучками, толпами. Как-то у людей ответственности мало. Не хотят нести [ответственность]. Ощущение, что я сижу дома, со своей семьей, мои друзья сидят со своими семьями дома, а другие люди, значит, гуля-

ют. Это несправедливо» (II, ж., 34). Мужчины прямого запрета встречаться и покидать квартиру не увидели, следовательно, законом разрешено, а потому: «Да, с друзьями, мы тайно все равно встречаемся иногда, малыши кучками» (II, м., 37).

Единство мнений о необходимости соблюдать закон и мужчины, и женщины высказали в отношении вернувшихся из поездок из-за рубежа, маркируя территорию по линии свой – чужой: «Плохо отношусь к тем людям, которые приехали из-за границы, и думают: “О, можно пойти в магаз сходить, еще куда-то”. Свободный образ жизни ведут. Хотя им, по сути, нужно дома сидеть. Либо вообще, лучше в больницу лечь, полежать» (II, м., 28); «Есть люди приезжающие, которые приезжают. Ведь в начале цифры были очень маленькие. А те люди, которые приехали, они не восприняли это всерьез. Начали ходить, вести точно такой же образ жизни, что повлекло за собой то, что мы сейчас имеем. Но опять это еще не худшие данные, не худшая ситуация» (II, ж., 31).

Условия самоизоляции более сложными оказались для мужчин, а потому изыскивались разные способы «расширить» пространство: «Там [на стадионе] занимаюсь, потому что в квартире очень тяжело находиться постоянно, мне некомфортно» (II, м., 27); «На даче веселюсь с лопатой» (II, м., 28); «...В гараж я уезжаю, закрываюсь в гараже, перебираю болтики, винтики» (II, м., 37), «Многие люди стали ездить на работу» (II, м., 27). Женщины приняли ситуацию как неизбежность: «У нас однокомнатная квартира, максимум у меня траектория дойти до комнаты, до кухни, в уборную, в окно. Я уже девчонкам скидываю: “Я вот так гуляю в окно”. То дерево сфоткаешь. Мне нужно все равно драйв куда-то девать» (II, ж., 31)».

Мужчинам находиться в четырех стенах гораздо сложнее, а если нет возможности вырваться за пределы квартиры, то, по меткому выражению одного из участников, все дни становятся похожи на «день сурка» – каждый день одно и то же по замкнутому кругу: «Я просыпаюсь, кушаю, делаю какие-то дела по дому, может быть, уборку. Потом тренируюсь я каждый день. Далее что-то читаю, могу посмотреть какой-то фильм, который так

же нашел в Интернете. В основном вся активность с утра, и вечером я стал раньше ложиться спать. Вот, чего у меня не получалось раньше сделать – я стал ложиться спать намного раньше» (II, м., 27). И одно дело, когда уже просто накрывает скука, о которой откровенно высказалась пара участников, другое – когда все это постепенно перерастает в домашнее насилие, бытовые разборки и конфликты: «...у некоторых не позволяет жилплощадь постоянно находиться дома. Допустим, в одной комнате четыре человека будут находиться. Даже если это родственники, которые любят друг друга. Естественно, будут конфликты. У меня, например, соседи злоупотребляют алкоголем, они постоянно ругаются. Кто-то молчит-молчит, потом начинаются скандалы. Поэтому люди, кто может, куда-то пытаются уйти» (II, м., 27).

Женщины чаще, чем мужчины говорили о своих страхах, причем как осознаваемых, так и не очень: «Страшно пользоваться общественным транспортом, в магазин все равно приходится ходить за продуктами. Даже когда нет скоплений. Заходишь в магазин, и тебя окружает много людей, хочется быстрее уйти из этого места. ...Боюсь людей. Знаете, как в фильме ужасов, или такие ассоциации, что все вокруг заражены, и никто об этом не говорит» (II, ж., 34). Причем среди всех страхов усматривается и особая группа (признаемся, вполне ожидаемая) – это боязнь не столько за себя, сколько за детей, родителей, других близких людей: «У моей мамы должна была быть операция. И ее отложили на неопределенный срок. Поэтому сейчас, к сожалению, я думаю только об этом» (II, м., 27). Безысходность сложившейся ситуации: «Изменить я ее [ситуацию] не могу, я не могу в этом принять какое-то участие или что-то сделать» (II, ж., 31) – обнаруживается в появлении и такого страха, как потеря контроля над ситуацией, например, в воспитании ребенка: «Я с утра ухожу, мы вместе, я отвожу ее в школу. Я уехала, она в школе завтракала, она в школе обедала. После она приходила домой. Я на телефоне контролировала, но она забегала иногда к бабушке в садик, то есть она там могла покушать. Ребенок был под контролем. Сейчас я потеряла контроль полностью, я ничего не могу сделать» (II, ж., 33). Невозможность

вмешаться ситуацию, что-то исправить, бездеятельность угнетают большую часть участников фокус-групп. Все вокруг плохо, а у тебя нет возможности вмешаться, ты можешь только наблюдать со стороны и, в лучшем случае, не мешать. Но нет уверенности в том, что те, кто принимает решения, делают это грамотно, и страхи только нарастают.

Нетипичность ситуации проявилась и в том, что люди изменили свои практики просмотра телепередач и использования информации, размещенной в Интернете. Одна из защитных реакций, выработанных горожанами в условиях окружающих со всех сторон страхов и неопределенности, это массовый отказ от просмотра передач на телевидении, особенно новостных: «Я перестала вообще какие-то новости смотреть, потому что я вникаю, стараюсь, еще сильнее переживаю, надумываю. Даже не только текущее состояние, обстановка, а именно дальнейшее – что нас ждет, что может быть, а чего не может быть. Разные бывают [мысли]» (II, ж., 31); «Чем больше смотришь новости, тем больше страха. Выходишь в магазин, когда много людей вокруг, такое ощущение создается, что все заражены» (II, ж., 34); «Телевизор смотреть невозможно, везде одни и те же лица. Одни и те же настроения, что вирус везде» (II, м., 28).

Сказать, что все полностью отказались от просмотра телепередач, не представляется возможным. Телевизор по-прежнему смотрят, но выборочно и ограниченно: «Утром смотрю “Доброе утро” на Первом канале. Буквально, когда завтракаем, полчаса. А так в течение дня, вечером, может быть, канал “Пятница”. Какие-нибудь про путешествия передачи. Новости? Стараюсь волгоградские, то есть на канале “Россия” волгоградские» (II, ж., 34). Имеют свою небольшую аудиторию передачи «про здоровье»: «Бывает такая передача, как Малоземов – это на НТВ. Он ведет передачу про еду, живую и мертвую. Интересно смотреть, достаточно интересно рассказывает» (II, м., 37).

Следует заметить, что в целом изменилось и отношение к информации, предоставляемой Интернетом, оно стало более критическим: «...большой поток ненужной информации. Его приходится фильтровать. Напри-

мер рассылка в соцсетях различных истерик по поводу того, что надо срочно покупать продукты. Я в своей семье сразу сказал, что мы этой истерике поддаваться не будем ни в коем случае» (II, м., 37).

Но на что следует обратить особое внимание, так это на то обстоятельство, что в СМИ горожане отдают предпочтение информации, исходящей от лиц, которым они доверяют: «[Смотрю] передачи, в которых выступают достаточно знаменитые люди, которые действительно могут сказать объективные вещи... “Доктор Мясников”, нежели какой-то другой канал. Ему, допустим, я доверяю. Или министру здравоохранения нашему я тоже доверяю» (II, м., 37).

Наблюдение за участниками дискуссии позволило зафиксировать следующую тенденцию. По мере того, как разворачивалась дискуссия, причем в обеих группах и вне зависимости от пола и возраста, все чаще проявлялся свойственный отечественной ментальности фатализм: «Если где-то суждено, то оно будет суждено и дома. Пойдешь выкидывать мусор, за перила возьмешься, и все, судьба к тебе придет» (II, ж., 33); «Я сейчас пойду в магазин, и мало ли каким образом на меня кто-то чихнет, кашляет, и та же маска меня не спасет» (II, ж., 31). Причем респонденты убеждены, что угроза заразиться «поджидает» везде: дома, в подъезде, в транспорте, в собственном автомобиле, в магазине: «...Ты можешь сидеть дома месяц, но один раз выйти и заразиться. Поэтому – это лотерея» (II, м., 27).

Страх, объединивший и мужчин, и женщин – это безденежье, и он даже вытесняет боязнь заразиться коронавирусом и вынуждает жертвовать здоровьем. Мужчины больше подвержены этому страху, чем женщины: «Вот у меня есть друг Владимир, он работает дворником. И когда его лишили работы, его интересовал один лишь финансовый вопрос. Когда их вызвали на работу, он был счастлив. Сказал: “Саш, я лучше буду работать, чем сидеть дома без денег”. Наверное, скажу сейчас от всех своих знакомых, друзей, семьи: у меня нет ни одного человека, кто боится коронавируса. В том числе и я. Все боятся за будущее: за то, чем кормить детей, чем оплачивать счета ипотеки. А самого вируса, лич-

но из моего окружения, не боится ни один человек» (II, м., 27); «Сейчас, если бы не зарплата, я бы в жизни не работал, может быть. Если бы не деньги, я бы не пошел никуда работать никогда. Я бы ковырялся в гараже своем любимом, ходил бы в баню. Но на все это нужно деньги... К сожалению, людям приходится выходить на работу, потому что реально будет нечем кормить семью. И они будут реально вот так воровать из магазина» (II, м., 37).

Полагаем, что подобный страх вполне объясним. Волгоград – депрессивный город, уверенно занимающий последние строчки во всех возможных рейтингах [Волгоград... web; В рейтинге... web; Назван самый... web], ежедневно подтверждая это низким уровнем жизни горожан. Как показал ход дискуссии, волгоградцы, с точки зрения изменения уровня их дохода, могут оказаться в составе одной из следующих групп:

1. Первая группа – это те, у кого доход «полностью исчез» в связи с увольнением с работы и тем, что заработная плата – это был единственный источник дохода. Комментарии в этой части очень краткие: «...я остался без работы» (II, м., 27).

2. Вторая группа – это те, кто работу потерял, но сохранил иные источники дохода: «...работу, как многие, потерял. Основной заработок... Больше половины, наверно, процентов 70–80 точно. Сейчас остался небольшой ручеек целевого финансирования» (I, м., 45); «На данный момент я не работаю, меня сократили. То есть, прямо перед эпидемией, получается. Благо, у меня есть аренда, с которой я ежемесячно получаю деньги» (II, м., 28).

3. Третья группа – это те, кто работу сохранил, но заметно потерял в уровне своего дохода, оставшись на «голом окладе»: «У меня брат родной на заводе работает, где вот именно оклад и зарплата – это совершенно разное. Оклад – это половина от того, что он получал» (II, ж., 33).

4. Четвертая группа – это те, кто и прежний вид деятельности, и доход сохранили в полном объеме, заметим, что группа эта немногочисленная: «И работа, и зарплата – пока все в сохраненном режиме... Зарплату нам пока сохранили. А там, в дальнейшем, будем надеяться, что так и оставят» (II, м., 31).

5. Пятая группа – это те, кто сохранил прежнюю работу и доход, но при этом у них заметно возросла нагрузка «за те же деньги»: «Как президент наш пообещал, в этом месяце мы получили полную заработную плату, как и обещали. То есть здесь я осталась при своих. Не то что при своих интересах, а при том, что у меня было» (I, ж., 44); «...Работая в колледже, имея определенное расписание учебных занятий, мы все время были при детях. То есть 4 пары в день. Первая половина дня загруженность полная, общение между студентами, как-то мы к этому привыкли. А сейчас мы перешли на дистанционное обучение. То есть мы, как обычно, сидим возле компьютеров, с детьми не контактируем. И взаимодействуем с ними через интернет-сети. Если раньше я 4 пары отвела и была свободна, могла себя посвятить детям, своей личной жизни, то сейчас я $24/7$ сижу перед компьютером, жду указаний вышестоящих начальников [нагрузка заметно возросла]. ...Если раньше я до 4 часов свои пары отвела и была свободна, то сейчас я сижу перед компьютером, проверяю и в 8, и в 9, и в 10» (I, ж., 44).

В этой группе в большинстве своем представлены работники бюджетной сферы: учителя, преподаватели, врачи, которые по роду деятельности в настоящее время занимаются обычными больными, а не пациентами с коронавирусом. И как свидетельствует статистика, подавляющее число работников данной сферы – женщины.

Что касается структуры расходов, то она претерпела заметные изменения. Участники фокус-групп выделили следующие новые статьи, связанные с **увеличением** расходов, которых в обычной практике у них не было:

1. Расходы, связанные с необходимостью покупать медицинские аппараты, технику и препараты, поддерживающие иммунитет и защитные силы организма: «...открылась такая статья расходов, как мы начали покупать медицинскую технику, такую как кварцевая лампа, аппарат для измерения кислорода в крови, чтобы они у нас были, и мы следили за своим здоровьем» (I, ж., 42); «[Расходы увеличились] только на противовирусные препараты, которыми я могу поддерживать свой иммунитет, потому что я чаще всех выхожу на улицу, где люди. И чтобы дети поддерживали свой им-

мунитет. Ну, в принципе это у нас в семье было всегда, единственное, что мы пили противовирусные препараты два раза в год, осенью и весной, но вот так совпало, что сейчас мы их пьем каждый день» (I, ж., 45).

2. Расходы, связанные с увеличением потребления – вполне закономерно, что в условиях домашней самоизоляции увеличились расходы на продукты питания: «Продукты потребления увеличились, ибо все сидят дома, никто нигде не питается [на стороне – в школе, на работе], никто никуда не едет» (I, м., 43); «[Сэкономленные деньги] перекечевали в зону питания, потому что все находятся дома, готовить нужно много, съедается все быстро» (I, ж., 42).

3. Расходы, связанные с оплатой услуг по предоставлению доступа в сеть Интернет. Понятно, что в условиях, когда вся семья дома и все сидит перед компьютерами, а удаленка становится частью привычного образа жизни, вполне ожидаемо увеличение расходов по данной статье, более того появляется необходимость перехода на высокоскоростной Интернет: «...ну, и еще мы перешли на высокоскоростной интернет, просто подороже платим за Интернет» (I, ж., 42).

4. Расходы, связанные с необходимостью оплаты платформ, на которых проходит дистанционное обучение школьников: «В принципе, сейчас я оплатила сыну полный курс на uchi.ru. На этой платформе нам делали скидку. Пришлось, потому что поставили перед фактом. Заплатили» (I, ж., 44).

Ситуация с оплатой бензина занимает промежуточное положение и является своеобразной точкой перехода от увеличившихся расходов к уменьшившимся. Участники фокус-групп оценивают такую ситуацию неоднозначно: у тех, кто остается дома, расходы сократились: «Однозначно стали меньше тратить на бензин, потому что не ездим на работу» (I, ж., 42); у тех, кто раньше активно пользовался общественным транспортом, но теперь вынужден из-за страха подцепить коронавирус пересесть в личный автомобиль, чтобы добираться до работы и чаще совершать поездки, расходы, соответственно, увеличились.

Статьи, связанные с **уменьшением** расходов или вообще вышедшие из употребле-

ния горожанами, связаны с невозможностью посещения публичных мест, которые в настоящее время просто закрыты:

1. Статья расходов, связанная с развлечениями ушла полностью: «Стали меньше тратить на развлечения, кинотеатры, детские комнаты, кафешки, Макдональдсы, рестораны» (I, ж., 42). «Сейчас, единственное, только уменьшилась расходная часть на какие-то развлечения. Произошла экономия из-за того, что они отсутствуют, эти расходы» (II, м., 37).

2. Статья расходов, связанная с оплатой различных студий, кружков, фитнеса, спортивных секций и т. д., заметно сократилась: «Оплачивали занятия за йогу, фитнес и т. д. и т. п.» (I, ж., 44); «Дети сейчас не ходят на секции, сейчас они не оплачиваются» (I, м., 42). Отдельные участники фокус-групп не скрывали своего удовлетворения по этому поводу: «Я явно в нереальной прибыли. Потому что у нас школа английского языка отложилась на месяц, я за нее плачу. ДЮЦы, куда мы ходим на танцы, на рисование закрылись, мы туда не платим. Отсюда у меня тысяч семь в месяц, честно, у меня большая экономия» (II, ж., 33).

Что касается расходов, то в поведении большинства участников фокус-групп проявилась **тенденция к экономии средств**, которой они раньше за собой не замечали. Такая практика спровоцирована в большей степени неопределенностью сложившейся ситуации – как будет развиваться, как долго она продлится, что изменится и т. д. Основная статья экономии там, где больше всего тратится – это продукты питания: «...развлечения у нас вообще выпали, даже в питании, чтоб купить детям что-то вкусное, мы взвешиваем это решение. [Затраты на] питание все меньше, как бы на более дешевый продукт, все сокращается. Перешли на более дешевые продукты» (I, м., 45); «...Экономия также в продуктах. Потому что, как говорили, мы можем взять три йогурта. Выпить два, один просрочился – выкинули. Сейчас мы не позволяем себе такого. Что есть – надо съесть. Съели, потом следующее. Это что касается доходов» (II, ж., 33).

На продуктах питания готовы экономить далеко не все: «Ну, последние три года и так живу в режиме жесткой экономии, потому что одна воспитываю детей, финансирую одна и

сейчас никогда не покупаю дешевые продукты. Почему не советую? На здоровье экономить нельзя, пусть это будет меньше, но выше по качеству. Я стараюсь покупать домашнее молоко, сметану, творог, мясо стараюсь покупать у одного производителя, в этом плане я никогда не ограничу, потому что продукты – это самое главное для здоровья» (I, ж., 45); «Как тратили раньше, так и тратим. Довольно-таки запасливо ходим в магазин. Покупаем все необходимое и про запас, чтобы там [в холодильнике] стояло» (II, ж., 34).

Можно сказать, что жители города, экономя на самом необходимом, демонстрируют **пассивные** методы выживания и поддержания привычного образа жизни в сложившейся ситуации. **Активные методы** – поиски альтернативных способов заработать – практически не предпринимаются. Как мы уже говорили выше, рынок труда в городе скудный, а потому и поиски работы – пустая трата времени: «Где сейчас брать какую-то подработку? Если сокращают даже в стабильные, в самые лучшие времена, все это сократили. А сейчас только хуже» (II, ж., 31); «Для меня, например, большой кошмарный сон – это выйти сейчас, вот завтра-послезавтра на рынок труда и поискать работу. Мне кажется, сейчас будет... Крайне депрессивная ситуация будет, просто-напросто» (II, м., 37).

Попытки заработать, конечно же, предпринимаются, но, как правило, они ограничиваются кругом знакомых и родственников: «У меня брат, который иногда берет меня с собой на работу. Но опять же, на постоянную основу я сейчас не могу выйти работать в данную сферу, поэтому да, ищем. Но сейчас очень сложно найти какое-то постоянное место работы» (II, м., 27). Но такое мнение – исключение, чаще наблюдается ожидание (даже среди тех, кто потерял работу), что все будет как и прежде: «Нет, в данный момент ничего не ищу. Пока нет. Может, чуть позже. Но надеюсь, что ситуация изменится кардинальным образом, улучшится, все придет в режим как раньше было» (I, м., 43). Даже в ситуации полной безысходности люди пытаются сохранить то, что есть, а не искать что-то новое: «Я единственный источник дохода в нашей семье. У нас трое обучающихся, то есть это 1, 6, 8-й классы. И вся первая поло-

вина дня посвящена тому, что мы учимся. Я вынуждена не работать. Я работала в школе раньше, сейчас уволилась со школы, ушла в такси. ...Остается очень мало времени на заработок. И сейчас очень упали поездки такси, зарабатываю очень мало... Даже была такая мысль просто пойти побираться. Потому что просто патовая ситуация для моей лично семьи» (I, ж., 45).

Самыми благополучными выглядят те, кто сумел сохранить работу (пусть даже с большей нагрузкой, чем была прежде, но она есть): «Самый большой позитив – благо, что я и жена остались на работе» (II, м., 37). Причем в большем выигрыше те, кто и до ситуации с коронавирусом уже был знаком с информационными технологиями в объеме, достаточном чтобы работать удаленно.

Выводы

Основываясь на данных представленного материала, можно заключить следующее:

1. В большинстве случаев складывающаяся ситуация оценивается горожанами как нестандартная и неопределенная, они не могут объяснить ее себе сами, исходя только из логики здравого смысла, отмечая противоречивость и непоследовательность принимаемых решений, отражающихся на их жизни и интересах.

2. При описании складывающейся ситуации все характеристики, которые дают респонденты, можно смело отнести к негативному спектру: от недоверия к власти через отказ от просмотра новостей до необходимости бороться с собственными страхами, среди которых самый большой – это безденежье.

3. Заметное уменьшение пространства (практически до размеров квартиры) с неизбежностью ведет к нарушению зоны комфорта и поиску вариантов, как вернуть себе утраченный комфорт; женщины, как правило, находят возможные варианты внутри помещения, мужчины же стремятся выйти за его границы.

4. Достаточно отчетливо проявилась одна из черт отечественного менталитета, а именно русский фатализм – уверенность в том, что обязательно произойдет то, что должно произойти. Это случится независимо от воли и же-

лания человека. Но, напомним, что оборотной стороной такой стратегии является осознание необходимости и, что более важно, умение приспособливаться, а не лезть на рожон.

5. Из расходов горожан в силу объективных обстоятельств ушли все затраты, связанные с посещением общественных мест (кинотеатры, спортивные залы и проч.), но добавились траты на приобретение медицинских приборов, противовирусных препаратов, а также оплату Интернета, в том числе и связанного с дистанционным обучением школьников.

6. Довольно явно проявилась тенденция экономии денежных средств, более рационального расходования семейного бюджета.

7. Горожане в подавляющем большинстве своем демонстрируют пассивные модели выживания, нацеленные на экономию. Активные модели не задействованы в силу отсутствия рабочих мест в городе.

Невозможно в рамках одной статьи представить все результаты, полученные в ходе исследования. Но полагаем, что приведенного выше материала вполне достаточно, чтобы обозначить сходства и различия в поведении мужчин и женщин, которые проявились в их репликах, высказанных в ходе фокус-групповой дискуссии. Мужчины более рациональны и немногословны в своих оценках как ситуации, так и связанных с ней страхов, женщины более эмоциональны и многословны. Очень может быть, что за этим многословием скрывается желание «выговорить» свои опасения, которых у женщин больше, чем у мужчин (рассказал другим – и уже не так страшно). Тогда получается, что проведение фокус-групп по «страшным» тематикам – это еще и групповая психотерапия, поддержание здоровья населения.

Представляя закономерности «пограничных практик», спровоцированных пандемией, можно достаточно уверенно говорить о том, что женщины более склонны к тому, что «все сомнительное запрещено», тогда как мужчины разделяют иное мнение – «многое спорное приемлемо». Но следует признать, что в суждениях и мужчин, и женщин больше сходства, чем различий, это лишний раз подчеркивает, что принадлежат они к единой социальной группе под названием «горожане». Важно, что в условиях самоизоляции горожа-

не (и мужчины, и женщины) приобрели новые навыки, которые планируют перенести и в жизнь «после коронавируса», среди которых: освоение информационных технологий; осознание ценности наличия свободного времени; понимание того, что усталость как физическая, так и психологическая, может быть компенсирована физкультурой в домашних условиях, планированием своей жизни хотя бы на день; понимание того, что замкнутое пространство можно «расширить», занимаясь любимым делом, общаясь с интересными людьми и занимаясь самообразованием и самосовершенствованием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Албакова, Погорова 2020 – Албакова З.А.-М., Погорова Р.И. Глобальный вызов COVID-19 и особенности проявления стрессоустойчивости современного человека // Высшее образование сегодня. 2020. № 9. С. 14–19.
- Анпилов, Сорочайкин – Анпилов С.М., Сорочайкин А.Н. Россия в постпандемийном мире // Основы экономики, управления и права. 2020. № 2 (21). С. 24–30.
- Асмолов и др. web – Асмолов А.Г., Иванников В.А., Магомед-Эминов М.Ш., Гусейнов А.А., Донцов А.И., Братусь Б.С. Культурно-деятельностная психология в экстремальной ситуации: вызов пандемии. Материалы обсуждения [Человек. Т. 31, № 4. С. 7–40] // <https://istina.msu.ru/publications/article/321243180/>.
- Баранникова 2008 – Баранникова Н.В. Формирование правосознания у курсантов и слушателей юридических вузов системы МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 4 (35). С. 6–9.
- Брызгалина web – Брызгалина Е.В. Биоэтика пандемии: абрис проблемного поля [Человек. 2020. Т. 31. № 4. С. 41–56] // <https://chelovek.iphras.ru/article/view/4942>.
- Васильев 2001 – Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2001.
- Волгоград... web – Волгоград признан самым депрессивным городом России в 2019 году [Город героев] // <https://gg34.ru/news/society/30098-volgograd-priznan-samym-depressivnym-gorodom-rossii-v-2019-godu.html>.
- Волков, Курбатов 2020 – Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Том 9 (42), № 2. С. 17–32.

- В рейтинге... web – В рейтинге самых депрессивных городов оказался Волгоград // <https://bloknot-volgograd.ru/news/v-reytinge-samykh-depressivnykh-gorodov-okazalsya>.
- Гафиатулина, Касьянов, Самыгин 2020 – *Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин С.И.* Социальный иммунитет российского общества в условиях угрозы коронавируса: риски социокультурной травматизации // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (42), № 2. С. 147–158.
- Громыко 2020 – *Громыко А.А.* Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 4–13.
- Дистанционное... web – Дистанционное обучение в экстремальных условиях // <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491>.
- Дудин, Лясников 2020 – *Дудин М.Н., Лясников Н.В.* Вероятные социальные и экономические последствия пандемии коронавируса COVID19 // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 2 (79). С. 60–71.
- Дулина, Ануфриева 2021 – *Дулина Н.В., Ануфриева Е.В.* Школа и дистанционное обучение: точки напряжения. Женский взгляд // Женщины-ученые Беларуси и России: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 марта 2021 г.). Минск: БГУ, 2021. С. 106–111.
- Дулина 2021 – *Дулина Н.В.* Социальное самочувствие жителей Волгограда: страхи и надежды в условиях пандемии (по итогам прикладного социологического исследования) // Современное общество: оценка состояния и перспективы развития: монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2021. С. 14–17.
- Касьянов, Гафиатулина, Самыгин 2020 – *Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И.* Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (42), № 2. С. 51–63.
- Кирилина web – *Кирилина Т.Ю.* Сущность и структура морали [Ученые записки РГСУ. 2009. № 2] // <http://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-struktura-morali>.
- Коноплева, Калягин web – *Коноплева И.Н., Калягин Ю.С.* Формирование правосознания и личности юриста в вузе [Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3. С. 25–28] // <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravosoznaniya-i-lichnosti-yurista-v-vuze>.
- Кутафин (ред.) 2000 – *Кутафин О.Е. (ред.)*. Популярный юридический энциклопедический словарь. М.: Рипол-Классик, 2000.
- Магомед-Эминов web – *Магомед-Эминов М.Ш.* Психологические рекомендации о поведении и деятельности человека в экстремальной ситуации пандемии (COVID-19) // <https://www.msu.ru/info/virusprevention/docs/phyrecomend.pdf>.
- Макарова web – *Макарова А.П.* Социально-психологические особенности морального сознания представителей этноса Саха: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011.
- Мораль web – Мораль [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике] // https://psychology_pedagogy.academic.ru/10223/Мораль.
- Назван самый – Назван самый депрессивный город России для путешествий // <https://lenta.ru/news/2020/01/28/depression/>.
- Ниязова 2020 – *Ниязова И.М.* Риски возникновения конфликтов вследствие пандемии коронавирусной инфекции в здравоохранении // Экономические науки. 2020. № 6 (187). С. 68–73.
- Островский, Иванова 2020 – *Островский Д.И., Иванова Т.И.* Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (Обзор литературы) // Омский психиатрический журнал. 2020. № 2 (24). С. 4–10.
- Право web – Право [Большой юридический словарь] // http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php.
- Раскина web – *Раскина Ю.* Поведенческие науки в борьбе с коронавирусом // <https://econs.online/articles/ekonomika/povedencheskie-nauki-v-borbe-s-koronavirusom/>.
- Распопова web – *Распопова С.* Карантинные письма о коронавирусе с помощью iPhone // <https://jrn1st.ru/karantinnye-pisma-o-koronaviruse-s-pomoshchyu-iphone>.
- Режим самоизоляции... web – Режим самоизоляции: ожидания, мотивы, оценка введенных ограничений // <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/rezhim-samoizolyaczii-ozhidaniya-motivy-ocenka-vvedennykh-ogranichenij>.
- Сафонова 2009 – *Сафонова Т.В.* Исследование практики в социологии после Эмиля Дюркгейма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12, № 1 (46). С. 15–31.
- Современное общество... 2021 – Современное общество: оценка состояния и перспективы развития: монограф. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2021.
- Сорокотягин, Маслеев 2016 – *Сорокотягин И.Н., Маслеев А.Г.* Профессиональная этика юриста. М.: Юрайт, 2016.
- Социология пандемии... 2021 – Социология пандемии. Проект коронаФОМ. М.: Институт Фонда Общественное Мнение, 2021.

Шрейдер 1994 – Шрейдер Ю.А. Лекции по этике. М.: МИРОС, 1994.

Шугальский web – Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия [Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2] // <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-interpretatsiya-ponyatiya>.

Экспертный совет... web – Экспертный совет по психологии предлагает рекомендации по профилактике неблагоприятных психических состояний в период действия карантина // <https://pspu.ru/news/4040-aaa>.

Эпштейн web – Эпштейн М. Кого спасать, если нельзя спасти всех? Экстремальная этика в условиях коронавируса [Новая газета] // <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/13/84885-kogo-spasat-esli-nelzya-spasti-vseh>.

Явич 2010 – Явич Л.С. Право: сущность и принципы. М.: ГарантЪ, 2010.

REFERENCES

Albakova Z.A.-M., Pogorova R.I., 2020. Global Challenge COVID-19 and Features of the Manifestation of Stress Tolerance of Modern Man. *Vyshee obrazovanie segodnya*, no. 9. pp. 14-19.

Anpilov S.M., Sorochajkin A.N., 2020. Russia in the Postpandemic World. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*, no. 2 (21), pp. 24-30.

Asmolov A.G., Ivannikov V.A., Magomed-Eminov M.Sh., Gumejnov A.A., Doncov A.I., Bratus' B.S. Kul'turno-deyatelnostnaya psikhologiya v ekstremal'noj situacii: vyzov pandemii. Materialy obsuzhdeniya. *Chelovek*, vol. 31, no. 4, pp. 7-40. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/321243180/>.

Barannikova N.V., 2008. Formation of Legal Consciousness Among Cadets and Students of Law Schools of the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh*, no. 4 (35), pp. 6-9.

Bryzgalina E.V., 2020. Bioethics of Pandemia: Mapping the Problem Area. *Chelovek*, vol. 31, no. 4, pp. 41-56. URL: <https://chelovek.iph.ras.ru/article/view/4942>.

Vasiliev V.L., 2001. *Legal Psychology*. Saint Petersburg, Piter Publ.

Volgograd Recognized As the Most Depressed City in Russia in 2019. *Gorod geroev*. URL: <https://gg34.ru/news/society/30098-volgograd-priznan-samym-depressivnym-gorodom-rossii-v-2019-godu.html>.

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I., 2020. Global Sociology of the Pandemic: Domestic and Foreign Scenarios

and Trends of the Post-Coronavirus World. *Gumanitarij Yuga Rossii*, vol. 9 (42), no. 2, pp. 17-32.

In the Ranking of the Most Depressed Cities Was Volgograd. URL: <https://bloknot-volgograd.ru/news/v-reytinge-samykh-depressivnykh-gorodov-okazalsya>.

Gafiatulina N.H., Kas'yanov V.V., Samygin S.I., 2020. Russian Society in Coronavirus Threat Conditions: Sociocultural Injury Risks. *Gumanitarij Yuga Rossii*, vol. 9 (42), no. 2, pp. 147-158.

Gromyko A.A., 2020. Coronavirus As a Factor in World Politics. *Nauchno-analiticheskij Vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 2, pp. 4-13.

Distance Learning in Extreme Conditions. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491/>.

Dudin M.N., Lyasnikov N.V., 2020. Likely Social and Economic Consequences of the COVID 19 Coronavirus Pandemic. *POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sociologiya. Kul'tura*, no. 2 (79), pp. 60-71.

Dulina N.V., Anufrieva E.V., 2021. School and Distance Learning: Stress Points. *Female Gaze. Zhenshchiny-uchenye Belarusi i Rossii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Minsk, 26 marta 2021 g.)*. Minsk, BGU, pp. 106-111.

Dulina N.V., 2021. Social Well-Being of Residents of Volgograd: Fears and Hopes in a Pandemic (According to the Results of Applied Sociological Research). *Sovremennoe obshchestvo: ocenka sostoyaniya i perspektivy razvitiya: monograf.* Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 14-17.

Kas'yanov V.V., Gafiatulina N.H., Samygin S.I., 2020. Features and Problems of Social Behavior Under the Regime of Self-Isolation of the Russian Population. *Gumanitarij Yuga Rossii*, vol. 9 (42), no. 2, pp. 51-63.

Kirilina T.U., 2009. The Essence and Structure of Morality. *Uchenye zapiski RSSU*, no. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-struktura-morali>.

Konopleva I.N., Kalyegin U.S., 2010. Formation of Legal Consciousness and Personality of a Lawyer in the University. *Psikhopedagogika v pravookhranitelnykh organakh*, no. 3. pp. 25-28. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pravosoznaniya-i-lichnosti-yurista-v-vuze>.

Kutafin O.E. (ed.), 2000. *Popular Legal Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Ripol-Classic Publ.

Magomed-Eminov M.Sh. *Psychological Recommendations on Human Behavior and Activities in Pandemic Extremes (COVID-19)*. URL: <https://>

- www.msu.ru/info/virusprevention/docs/phyrecomend.pdf.
- Makarova, A.P., 2011. *Social and Psychological Characteristics of the Moral Consciousness of Representatives of the Sakha Ethnic Group. Cand. psychol. sci. abs. diss.* Saint Petersburg.
- Moral. *Entsiklopedicheskiy slovar po psikhologii i pedagogike*. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/10223/Мораль.
- Named the Most Depressed City in Russia for Travel*. URL: <https://lenta.ru/news/2020/01/28/depression/>.
- Niyazova I.M., 2020. Conflict Risks As a Result of the Coronavirus Infection Pandemic in Health. *Ekonomicheskie nauki*, no. 6 (187), pp. 68-73.
- Ostrovskij D.I., Ivanova T.I., 2020. Effect of New COVID-19 Coronavirus Infection on Human Mental Health (Literature Review). *Omskij psihiatricheskij zhurnal*, no. 2 (24), pp. 4-10.
- Law. *Bol'shoi yuridicheskii slovar'*. URL: http://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law16.php.
- Raskina Yu. *Behavioral Sciences in the Fight Against Coronavirus*. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/povedencheskie-nauki-v-borbe-s-koronavirusom/>.
- Raspopova S. *Quarantine Letters About Coronavirus with iPhone*. URL: <https://jrn1st.ru/karantinnye-pisma-o-koronaviruse-s-pomoshchyu-iphone>.
- Self-Isolation Mode: Expectations, Motives, Assessment of the Imposed Restrictions. Joint Analytical Report of VCIOM and ANO "Special Opinion"*. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/rezhim-samoizolyaczii-ozhidaniya-motivy-oczenka-vvedennykh-ogranichenij>.
- Safonova T.V., 2009. Research of Practice in Sociology After Emile Durkheim. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, vol. 12, no. 1 (46), pp. 15-31.
- Modern Society: Assessment of the State and Prospects of Development. Monograf*, 2021. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Sorokotyagin I.N., Masleev A.G., 2016. *Professional Ethics of a Lawyer*. Moscow, Yurayt Publ.
- The Sociology of the Pandemic. Proekt koronaFOM 2021*. Moscow, Institut Fonda Obshchestvennoe Mnenie.
- Shreider Yu.A., 1994. *Lectures on Ethics*. Moscow, MIROS Publ.
- Shugalsky S.S., 2012. Social Practices: Interpretation of the Concept. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, no. 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-praktiki-interpretatsiya-ponyatiya>.
- Expert Council on Psychology Offers Recommendations for the Prevention of Adverse Mental Conditions During the Quarantine*. URL: <https://spsu.ru/news/4040-aaa>.
- Epshtejn M., 2020. Who to Save if You Can't Save Everyone? Extreme Ethics in Coronavirus Conditions. *Novaya gazeta*, no. 40. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/13/84885-kogo-spasat-esli-nelzya-spasti-vseh>.
- Yavich L.S., 2010. *Law: Essence and Principles*. Moscow, Garant Publ.

Information About the Authors

Nadezhda V. Dulina, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, nv-dulina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>

Eugeniya V. Anufrieva, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History, Culture and Sociology, Volgograd State Technical University, Prosp. Lenina, 28, 400005 Volgograd, Russian Federation, ev_anufrieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4488>

Информация об авторах

Надежда Васильевна Дулина, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, nv-dulina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>

Евгения Владимировна Ануфриева, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, культуры и социологии, Волгоградский государственный технический университет, просп. Ленина, 28, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, ev_anufrieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0756-4488>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.13>

UDC 316.422.42

LBC 60.55

THE PANDEMIC SOCIAL SERVICES MARKET: NEW PRACTICES AND TECHNOLOGIES¹

Yana I. Sitnikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
ANO "СОЦИУМ", Volgograd, Russian Federation

Natalia A. Nikolenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This article analyzes the processes of development of the social service market, which is part of the social protection system. Through a comparative analysis of the Soviet and Russian models of social services, the authors conclude that the modern system, while partially retaining some characteristics of the Soviet system, is transforming and acquiring new specific features. Based on the generalization of the results of the authors' comprehensive sociological research using quantitative and qualitative methods (questionnaire survey, in-depth interviews, content analysis), the innovative practices of working with consumers (recipients) of social services, which social efficiency in the conditions of the COVID-19 pandemic was noted by respondents, used by NCOs operating in the social services market. Despite the complexity of objective circumstances faced by organizations, regional NCOs still managed to maintain the quality of social services provided in both online and offline formats at a level that meets the needs of recipients. The prospects for the development of SO NPOs are connected not only with the creation and implementation of innovative technologies and practices, but also depend on strengthening the personnel composition of employees through the development and subsequent implementation of proposals for protecting their health and improving professional competencies by creating conditions for training, advanced training and mastering new specialties. The article notes the important role of regional media in covering the activities of NGOs in the difficult period of the spread of coronavirus infection and the establishment of a forced regime of social isolation. An analysis of video materials broadcast on official channels of Volgograd television is given, which contributed to strengthening the status of NGOs as competitive providers of quality social services. It is predicted that the experience gained during the "pandemic" period will be used by NGOs in their day-to-day activities in the future.

Key words: socially oriented non-profit organizations, pre-retirees, regional social service market, everyday practices of NGOs, innovative social technologies, coronavirus pandemic, positive image of NGOs.

Citation. Sitnikova Ya.I., Nikolenko N.A. The Pandemic Social Services Market: New Practices and Technologies. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 110-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.13>

УДК 316.422.42

ББК 60.55

РЫНОК СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: НОВЫЕ ПРАКТИКИ И ТЕХНОЛОГИИ¹

Яна Игоревна Ситникова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
АНО СОИ «СОЦИУМ», г. Волгоград, Российская Федерация

Наталья Александровна Николенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются процессы развития рынка социального обслуживания населения, являющегося частью системы социальной защиты. Посредством сравнительного анализа советской и российской моделей социального обслуживания населения, авторы статьи приходят к заключению, что современная система, частично сохраняя некоторые характеристики советской, преобразуется и приобретает новые специфические черты. На основе обобщения результатов проведенного авторами комплексного социологического исследования с применением количественных и качественных методов (анкетного опроса, глубинных интервью, контент-анализа) были зафиксированы используемые СО НКО, действующими на рынке социального обслуживания населения, инновационные практики работы с потребителями (получателями) социальных услуг, социальная эффективность которых в условиях пандемии COVID-19 была отмечена респондентами. Несмотря на сложность объективных обстоятельств, с которыми столкнулись организации, региональным СО НКО все же удалось сохранить качество социальных услуг, предоставляемых как в онлайн, так и в офлайн-форматах на уровне, удовлетворяющем потребности получателей. Перспективы развития СО НКО связаны не только с созданием и внедрением инновационных технологий и практик, но и зависят от усиления кадрового состава сотрудников посредством разработки и последующего внедрения предложений по охране их здоровья и повышению профессиональных компетенций путем создания условий для обучения, повышения квалификации и освоения новых специальностей. Отмечается весомая роль региональных СМИ в освещении деятельности СО НКО в сложный период распространения коронавирусной инфекции и установления вынужденного режима социальной изоляции. Приводится анализ видеоматериалов, транслируемых на официальных каналах волгоградского телевидения, которые способствовали усилению статусных позиций СО НКО, как конкурентоспособных поставщиков качественных социальных услуг. Делается прогноз, что полученный в «пандемийный» период опыт работы будет использован СО НКО и в дальнейшем в их повседневной деятельности.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации, предпенсионеры, региональный рынок социального обслуживания населения, повседневные практики СО НКО, инновационные социальные технологии, пандемия коронавируса, позитивный имидж СО НКО.

Цитирование. Ситникова Я. И., Николенко Н. А. Рынок социального обслуживания населения в условиях пандемии: новые практики и технологии // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 110–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.13>

Введение

В условиях пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией – COVID-19, СО НКО столкнулись с новыми вызовами, направленными на обеспечение непрерывного процесса предоставления социальных услуг гражданам, нуждающимся в социальной поддержке и помощи, особенно тем, которые в связи с принятием ограничительных мер на государственном уровне, связанных с периодом «самоизоляции», не могут в полной мере реализовать свой социальный, реабилитационный и профессиональный потенциал. В связи с этим актуальным становится изучение, с одной стороны, новых практик и технологий СО НКО, изменение их стратегий поведения в связи с пандемией. А с другой, глубинный анализ советской системы социального обслуживания населения в проекции на те практики, которые сейчас используются в повседневной деятельности СО НКО.

Система социального обслуживания в СССР: утрата преемственности или новые векторы развития?

Система социального обслуживания в СССР характеризовалась разветвленной сетью государственных организаций различных форм обслуживания (стационарной, полустационарной, на дому), предоставляющих социальную помощь населению. Основу ее создания и функционирования составляла идеология *этатизма* – огосударствление социальной сферы, что выражалось в четкой распределительной системе (70–95 % средств направлялось из государственного бюджета) и жестком контроле со стороны государства. Общественные организации, как и в настоящее время участвовали в предоставлении социальных услуг населению. Однако допуск этих организаций к обслуживанию населения строго контролировался. Если деятельность каких-либо общественных организаций не соответствовала установленным требованиям

и не отражала интересы системы социального обслуживания советского времени, то они ограничивались в реализации социальных задач государства [Тевлина 2008, 400; Олимских 2007].

Анализ научной литературы, посвященной вопросам социального обслуживания в советское время, не позволяет безоговорочно утверждать, что советская система социального обслуживания населения коренным образом отличалась от той, которая существует сегодня. Хотя подобные попытки при проведении сравнительного анализа советской и современной российской системы социального обслуживания населения предпринимаются. Например, ряд исследователей [Игольникова 2010; Лукьянова, Сигида 2009] отмечают, что в советское время система социального обслуживания граждан отличалась многообразием видов социальной помощи нетрудоспособным гражданам, всеобщностью охвата населения в предоставлении социальной помощи, унифицированностью социального обслуживания. Аккумуляция финансовых ресурсов в государственном бюджете и бездефицитность страховых средств сводили к минимуму степень социальных рисков и обеспечивали гарантированность получения бесплатной медицинской и социальной помощи. Отмечаются также имеющиеся, по мнению некоторых исследователей [Кибардина 2010; Трохинова, Зимина 2010; Кулькова 2020], недостатки советской системы социального обслуживания населения: *кадровый дефицит*, выражающийся в отсутствии подготовленных профильных специалистов, способных предоставлять различные виды социальных услуг (например, сиделок и др.); нарушение по тем или иным причинам декларируемого принципа «общедоступности» социальной поддержки, который на практике не всегда был реализован. Кроме того, сформировалась *патерналистская система*, выражающаяся в исключительной обязанности и ответственности государства за решение социальных проблем граждан. Все это способствовало снижению социальной активности граждан и сведению в узко ограниченные рамки формы социальной помощи. И, в конечном итоге, привело в последней четверти двадцатого века к разрушению системы социального обслуживания «изнутри»

и «снаружи», социальному иждивенчеству и кадровому «голоданию».

В работах вышеотмеченных исследователей, безусловно, есть как «рациональные зерна», так и моменты, которые могут быть предметом дальнейшей научной дискуссии. Хотелось бы также подчеркнуть, что черты советской системы социального обслуживания населения проявляются и в настоящее время: сохраняются контроль со стороны государственных структур и распределительная система государственного бюджета; в приоритете и у общества, и у государства в основном остаются государственные организации, предоставляющие социальные услуги, в том числе и потому, что в отдаленных районах различных регионов они, как и прежде, сохраняют монопольные позиции. Вместе с тем необходимо отметить, что современный рынок социального обслуживания значительно расширился за счет включения в него новых «игроков» в лице СО НКО и немногочисленной части организаций иных форм собственности (ИП, ООО, ЗАО, АО), которые способны предоставлять конкурентоспособные инновационные социальные услуги.

С точки зрения экономической выгоды все же сохраняется непривлекательность данного рынка для большей части бизнес-структур и субъектов малого и среднего предпринимательства в связи с низкими тарифными ставками за предоставляемый перечень государственных социальных услуг и низкой платежеспособностью граждан, которые могли бы оплачивать дополнительные социальные услуги. Несмотря на это, по нашему мнению, будущее системы социальной защиты населения тесно связано с рынком социальных услуг, в котором наличие баланса между социально ориентированными НКО, государственными организациями и организациями иных форм собственности, работающих в сфере социального обслуживания, будет одним из основных ее показателей.

Современные тенденции на региональных рынках социального обслуживания

Анализируя современную систему социального обслуживания населения (в том числе рынка социальных услуг и социального об-

служивания населения), ряд исследователей констатируют длящийся процесс ее формирования. Продолжаются научные дискуссии, касающиеся рассмотрения данной системы как социального института и противоречивости в оценках составляющих его элементов [Андрющенко 2012; Бухалова, Павлова, Литвинчук 2020; Петровская 2019; Григорьева, Сизова, Москвина 2019; Лазуренко, Серкина 2018; Васильцова, Невьянцева 2017; Палибина и др. 2017, Парфенова 2018].

Несмотря на это, по нашему мнению, четко прослеживаются определенные черты российской модели социального обслуживания населения. Например, государство (подчеркнем это еще раз) по-прежнему остается монополистом в сфере социального сервиса, однако определенная часть потребителей (получателей социальных услуг) лишена права выбора поставщика в связи с тем, что их распределением во многих регионах занимаются центры социальной защиты населения, то есть выбор поставщика социальных услуг в начальном звене их предоставления сохраняется за государством. Более того, продолжается стандартизация и унификация социальных услуг, которые находят отражение, к сожалению, иногда и в индивидуальных программах получателя социальных услуг, хотя у многих обратившихся за помощью граждан имеются свои особенности и жизненные потребности.

Что немаловажно, сохраняются экономические и административные барьеры для включения на рынок негосударственных организаций, о которых уже упоминалось выше: низкая ценовая политика, специфические условия выбора поставщиков социальных услуг и обращение к СО НКО только в том случае, если социальные услуги не могут предоставить государственные организации. Все это «делает» данный рынок в определенной степени непривлекательным для негосударственных организаций.

Нельзя не согласиться и с точкой зрения исследователей, которые считают, что для современного рынка социального обслуживания характерны: а) *латентное социальное взаимодействие между государством и обществом*, направленное на решение проблем только тех граждан, которые «попадают» под официально установленную государ-

ством категорию нуждающихся в социальной помощи (и это несмотря на наметившееся разгосударствление данного рынка услуг); б) *превалирование традиционных практик* предоставления социальных услуг; в) *коммерциализация* за счет возможности предоставления дополнительных социальных услуг; г) *многосубъектность*, выражающаяся в расширении перечня организаций, предоставляющих социальные услуги; д) *динамизм в законодательстве* [Мигунова 2019]. Например, чтобы вступил в силу Федеральный закон № 442-ФЗ «О социальном обслуживании граждан в Российской Федерации» возникла необходимость в изменении регионами более 50 нормативных правовых региональных актов. В условиях пандемии коронавируса также были внесены изменения в положения об оказании социальных услуг, на основании которых стало возможным предоставлять социальные услуги в дистанционном формате [Парий-Сергеенко, 2018].

Следует также отметить слабую подготовленность базы для оценки рынка социальных услуг. Приходится констатировать, что детально изучаются только экономические показатели рынка, а социальные факторы, влияющие на его формирование, остаются «в тени» и, как правило, не учитываются. На наш взгляд, необходимо заострить внимание на сочетании социальных и экономических факторов, что позволит проводить комплексную оценку деятельности участников рынка. Кроме того, требуют более детального научного изучения и осмысления связанные с современным российским рынком социального обслуживания населения такие аспекты, как: а) явные и латентные социальные взаимодействия «игроков» на рынке, их стратегии и практики поведения; б) мотивы и предпочтения; в) ресурсы; г) механизмы, которые способствовали бы созданию позитивного имиджа рынка и делали бы его привлекательным для всех участников; д) система качества социального обслуживания населения (опыт ее внедрения и функционирования в различных организациях, разработка индикаторов оценки «социальной услуги» и оценка уровня качества предоставляемых социальных услуг); е) понимание руководителями СО НКО роли государственного и общественного контроля.

Все указанные аспекты являются важными, и мы считаем, что их изучение имеет не только научную, но и практическую значимость.

Интересной, на наш взгляд, представляется точка зрения российских и зарубежных исследователей [Парфенова 2017, Парфенова, Петухова 2019; Кулькова 2020; Worth 2009; Саралиева, Петрова 2019; Палибина и др. 2017; Парий-Сергиенко 2018], которые предлагают рассматривать российский рынок социального обслуживания населения как сетевой, в котором государственные и негосударственные организации, именуемые «социальными сервисами» или «провайдерами» по предоставлению социальных услуг, действуют точно также как субъекты сетевых рынков других профилей. Более того в работах вышеприведенных авторов фиксируется появление новых тактик данных субъектов – «социальных сервисов» (в основном в лице государственных «игроков») в условиях складывающейся социальной реальности, характерными чертами которой является усиление конкуренции между «государственными социальными сервисами» (как основными крупными провайдерами социальной работы) и СО НКО. Активность «государственных игроков», по мнению ученых, объясняется тем, что СО НКО демонстрируют более высокий потенциал по сравнению с государственными организациями: ассортимент предлагаемых социальных услуг шире, а готовность использовать инновации выше (в том числе, и в плане внедрения в повседневную практику новых форм и видов работы). Потенциал и возможности СО НКО вызывают даже некую обеспокоенность у определенной части представителей государственных организаций, действующих на рынке социального обслуживания населения. К примеру, анализ проведенных в 14 регионах страны интервью со специалистами ЦСОН/КЦСОН выявил, что представители этих государственных организаций считают СО НКО своими прямыми конкурентами и не понимают, почему им предоставляется государственная поддержка, если под угрозу ставится существование «родных» и привычных для граждан центров социального обслуживания населения (ЦСОН/КЦСОН) [Кулькова 2020]. Однако недопонимание происходящих процессов не снижает накала конкурентной борьбы

и заставляет государственные сервисы (государственные организации) использовать следующие тактики:

1. *«Лавирование и убеждение»*: получателям социальных услуг предоставляются дополнительные социальные услуги, которые не включены в индивидуальную программу получателя; допускается «разделение» полномочий в части их предоставления с СО НКО (часть услуг предоставляет государство на основании договора, а часть СО НКО). Появляются новые практики «бронирования» мест в стационарных отделениях социального обслуживания, пребывание пожилого человека в которых освобождает родственников от ухода за ними в домашних условиях; в качестве второго варианта рассматривается форма организации ухода, получившая название «Теплая совместная забота», реализуемая родственниками и представителями социальных служб.

2. *«Здоровье, досуг и присмотр»*: внедряются дополнительные платные социальные услуги, предоставляющие полный спектр социально-медицинских, педагогических, психологических, правовых и трудовых услуг (детские сады для пожилых граждан, дневные отделения в полустационарных организациях социального обслуживания, в которых получатель социальных услуг проводит полдня, санатории на дому, мобильные бригады и др.)

3. *«Добровольчество и молодежь»*: в рамках данных практик привлекаются партнеры и спонсоры для предоставления материальной помощи получателям социальных услуг; добровольческие организации, волонтеры, которые формируют заявки на уборку квартир и домов, организуют помощь на приусадебных территориях, а также посещают совместно с получателями социальных услуг театры, кафе, музеи и выставки.

Таким образом, в настоящее время в сфере социального обслуживания населения начинают проявляться черты, которые в советское время отсутствовали. В их ряду прежде всего следует отметить наличие конкуренции между государственными и негосударственными организациями (что особенно проявляется в городской среде), новое понимание клиентоориентированности, как принципа

работы (что выражается в стремлении удовлетворить разнообразные и все возрастающие потребности граждан, в адресности и доступности предоставляемых услуг, во внедрении стационарозамещающих технологий, позволяющих сохранить «привычные» для получателя услуг условия пребывания).

Пандемия: возрождение новых практик или уход назад?

Благотворительной организацией – Фондом поддержки и развития филантропии «КАФ», в 2020 г. было проведено социологическое исследование, посвященное вопросам влияния новой коронавирусной инфекции COVID-19 на деятельность СО НКО «Новая реальность. Как COVID-19 меняет работу российских НКО». Результаты исследования показали, что преобладающая часть опрошенных руководителей СО НКО (67 %) считает, что в новых «пандемийных условиях» нарушилась социальная коммуникация: приходилось отказываться от рабочих поездок, личных встреч и т. д. Вторым немаловажным фактором, затрудняющим повседневную деятельность СО НКО, стала вынужденная необходимость перевода сотрудников на дистанционную (удаленную) работу (83 %), что неблагоприятным образом сказалось на реализации грантовых проектов, за счет которых многие НКО существуют и которые выполнить в онлайн-режиме было весьма затруднительно (с подобными трудностями столкнулись 35 % руководителей СО НКО от общего числа опрошенных). Около 25 % опрошенных руководителей СО НКО отметили, что их работников не устраивали технические условия удаленной работы (у большинства сотрудников нет персональных компьютеров, средств для обеспечения обратной связи). В результате 7 % из общего числа привлеченных к опросу СО НКО не смогли приспособиться к новым условиям работы и были вынуждены отстраниться от выполнения своих повседневных функциональных обязанностей. Кроме того, как отмечают представители СО НКО, существенно (на 60 %) снизился уровень пожертвований от партнеров, благотворителей и меценатов.

Однако были и положительные моменты, на которые обращали внимание руководи-

тели СО НКО. Например, достаточно большое количество респондентов (53,4 %) отметили, что к сотрудникам СО НКО стали относиться как к экспертам-профессионалам, которые, несмотря на имеющиеся сложности в условиях пандемии коронавируса и самоизоляции, все же могут оказывать социальную помощь. Больше половины опрошенных (55,6 %) подчеркнули, что для них открылись новые возможности, связанные с постановкой стратегических задач дальнейшего развития СО НКО и разработкой новых направлений работы (таких как, *онлайн-фандрайзинг* и др.). Больше половины СО НКО (54,4 %) планируют реализовать новые проекты, внедряют новые форматы предоставления социальных услуг и собираются в дальнейшем переводить часть работы в онлайн-режим [Ходорова, Максимова web].

Появление новых практик в деятельности СО НКО отмечается в ряде работ отечественных исследователей [Волкова 2020; Свищева, Конева, Серкина 2018; Лазуренко, Серкина 2018], в которых подчеркивается, что в условиях пандемии COVID-19 СО НКО стали предлагать новые практики и технологии, позволяющие адаптироваться к условиям социальной реальности как получателям социальных услуг, так и их сотрудникам (в том числе предпенсионного и пенсионного возраста, которых в этих организациях немало).

Для выявления новых практик и технологий, применяемых на рынке социального обслуживания населения в условиях пандемии, авторами данной статьи в апреле – мае 2020 г. в Волгоградской области было проведено качественное исследование методом глубинных интервью с руководителями СО НКО, а также сотрудниками указанных организаций и учебных центров на тему: «Повседневная деятельность СО НКО в условиях пандемии: новые практики и технологии». В исследовании приняли участие 33 руководителя СО НКО, 11 сотрудников – предпенсионеров СО НКО, 5 сотрудников учебных центров, занимающихся переобучением и повышением квалификации предпенсионеров. Критериями отбора являлись: опыт работы (не менее двух лет) в должности руководителя / сотрудника в системе социального обслуживания населения или учебного центра, предоставляющего услуги по

повышению квалификации и переобучению граждан и принимавших непосредственное участие в повышении квалификации и переобучении граждан предпенсионного возраста в рамках государственной программы.

По результатам исследования было выявлено, что в условиях пандемии:

1. Востребованными формами государственной поддержки сотрудников, в том числе и предпенсионного возраста, являются: предоставление адресных субсидий всем СО НКО (а не только реализуемых в рамках грантовой поддержки, которую получают не все организации), направленных на страхование жизни и здоровья сотрудников данной возрастной категории, которые работали с гражданами во время пандемии; организация приемов и консультаций у наиболее востребованных медицинских специалистов; заключение коллективных договоров социального страхования.

«Необходимо развивать адресную поддержку сотрудников СО НКО, страховать их по здоровью, проводить медицинские осмотры, стимулировать различными мерами поддержки» (Ж., 60 л., президент СО НКО).

2. Существует необходимость использования сотрудниками СО НКО всех возрастов возможностей получения появившихся новых «онлайн-профессий», особенно популярных среди граждан старшего поколения: «SMM-менеджер», «Преподаватель онлайн-курсов», «Автор блога / Ютуб-канала», «Руководитель интернет-магазина», «Копирайтер», «Ретушер». Для овладения этими профессиями нужны: усидчивость, дисциплинированность, стремление к результату, а этими качествами обладают многие сотрудники СО НКО. Новые знания могут быть полезны и при выполнении функциональных обязанностей сотрудников СО НКО и станут своеобразной «подушкой безопасности» в случае потери работы.

«Я организовала свой видеоблог «с кулинарными рецептами от бабушек», я делюсь «вкусными рецептами» и секретами приготовления успешных блюд. Подписчики активно комментируют и ставят лайки. А внук говорит, что скоро я могу стать известным блогером-кулинаром. Я создала тему для общения пользователей и любой желающий может поделиться своим рецептом. Планирую за-

пустить конкурс на самую оригинальную подачу блюда» (Ж., 56 л., социальный работник СО НКО).

3. Имеется необходимость предоставления «социальных ваучеров» на переобучение сотрудников предпенсионного возраста и направление их по данным ваучерам на курсы повышения компьютерной грамотности, приобретения навыков работы с умными «интернет-вещами» с последующей передачей своих знаний гражданам, получающим социальные услуги.

«Считаю, что нужно расширять направления работы с сотрудниками, проводить переобучение, так как сейчас необходимо работать в онлайн-формате, а без должного обучения это практически невозможно... Мне сложно...» (Ж., 65 л., директор СО НКО).

4. Существует потребность в большем освещении в рамках социальной рекламы преимуществ обучения и переобучения граждан предпенсионного и пенсионного возраста в связи с переходом общества в цифровую реальность.

«Потеря работы в предпенсионный период или выход на пенсию не всегда означает конец трудовой карьеры. Если вы хотите работать и зарабатывать, попробуйте делать это удаленно из дома. Не бойтесь, что раньше никогда этого не делали: ваши «офлайн»-навыки пригодятся для работы в интернете. Освоить нужные для онлайн-профессий навыки можно удаленно на онлайн-курсах» (Ж., 60 л., руководитель учебного центра «Познание».)

Необходимо проводить работу по ознакомлению сотрудников с возможностями реализации государственных программ переобучения предпенсионеров по востребованным направлениям деятельности: а) педагогика, кадровое дело и PR; б) туризм; в) строительство; г) охрана труда; д) библиотечное дело; е) менеджмент и управление; ж) транспорт, бухгалтерия; з) экономика; и) государственные закупки; к) информационные технологии. Многие из этих направлений могут быть реализованы в работе СО НКО. Вот, например, что отметила одна из респонденток:

«Я прошла переобучение по направлению работы «Информационные технологии». И сейчас

могу все заявки на обслуживание и на доставку продуктов питания заносить в компьютер» (Ж., 57 л., сиделка, помощник по уходу СО НКО).

5. СО НКО в ответ на вызовы социальной реальности стали активно внедрять инновационные технологии и практики.

Вот что отметил один из респондентов:

«Мы ввели новые дополнительные пакеты социальных услуг, оказываемые онлайн и офлайн (на дому), как для сотрудников, так и для наших клиентов. Например, для граждан старшего поколения и инвалидов предоставляются услуги визажа, парикмахерские услуги, обучение компьютерной грамотности, оказание помощи в трудоустройстве: регистрация на порталах, размещающих информацию об имеющихся вакансиях, консультирование по вопросам открытия собственного дела, помощь в написании резюме на дому» (М., 33 г., исполнительный директор СО НКО).

Введены в практику санитарно-эпидемиологические правила организации труда:

– внедрена в обязательном порядке бесплатная обработка моющими средствами поверхностей в жилых помещениях получателей социальных услуг;

– сотрудникам организаций предоставлены средства индивидуальной защиты (маски, перчатки, спреи).

6. СО НКО был расширен спектр дополнительных досуговых инновационных услуг в режиме онлайн. Появились виртуальные группы по интересам, объединившие пожилых людей (получателей социальных услуг):

«...у нас введены виртуальные беседки для пожилых граждан: клубы любителей кино, поэзии; групповая онлайн-зарядка, йога, гимнастика, физкультура; онлайн курсы английского и немецкого языков и др.» (М., 42 г., директор СО НКО).

7. Предоставляется грантовая поддержка на оказание комплекса дистанционных социальных услуг молодым людям с инвалидностью.

«Мы получили грантовую поддержку на развитие системы оказания комплекса дистанционных социальных услуг подросткам и молодежи с ментальной инвалидностью в г. Волжский Волгоградской области. Обеспечена дистанционная работа специалистов удаленно, привлечен системный администратор, который поможет настроить оборудование и обеспе-

чит работу связи вовремя онлайн занятий» (Ж., 66 л., исполнительный директор СО НКО).

8. Внедряются инкубаторы социальных услуг, службы сиделок, отражающие круглосуточное социальное обслуживание получателей социальных услуг, открываются горячие линии по доставке продуктов питания, лекарственных препаратов для граждан старшего поколения и инвалидов.

Активно развивается социальное предпринимательство, направленное на обеспечение реабилитационным оборудованием граждан, нуждающихся в помощи. Усилия сотрудников направлены на поддержание психологического и социального статуса получателей социальных услуг (граждан старшего поколения).

«Служба сиделок – одна из форм стационарозамещающих технологий социального обслуживания одиноко проживающих граждан. Направлена на предоставление условий продления пребывания человека в привычной «домашней» среде и повышение качества жизни получателя социальных услуг не обязательно тяжелобольного» (М., 33 г., исполнительный директор СО НКО).

9. Сотрудники СО НКО Волгоградской области, в отличие от своих коллег (сотрудников из других регионов) не признали, что в условиях новой социальной реальности коммуницировать на должном уровне стало сложнее. Кроме того, сроки реализации проектов, намеченные ранее в 2020 г., были перенесены в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 самими грантооператорами на другой период. Но это никак не отразилось на ухудшении их деятельности по предоставлению социальных услуг населению – основной задаче данных СО НКО.

10. Одной из проблем, с которой не готовы были столкнуться СО НКО Волгоградской области, была кадровая нехватка специалистов, возникшая в связи с заболеванием сотрудников, предоставляющих социальные услуги, что повлекло за собой увеличение нагрузки тех социальных работников, которые не заболели COVID-19 или уже на данный момент прошли лечение (на одного социального работника приходилось 8–10 получателей социальных услуг в различных удаленных друг от друга районах).

Кроме того, нарушился штатный режим работы организаций. Это выразилось в нарушении сроков предоставления отчетности в контролирующие органы и в органы законодательной и исполнительной власти; в несвоевременном предоставлении информации о реализуемой деятельности организаций, в снижении качества ответов на запросы различных структур.

«Наша организация столкнулась с непредвиденными обстоятельствами непреодолимой силы, несмотря на предпринятые меры защиты сотрудников, стало невозможным остановить эпидемию. Мы столкнулись с тем, что сотрудников, которые бы могли предоставлять социальные услуги, значительно уменьшилось в связи с заболеванием. Встала необходимость пересмотра трудовой нагрузки. С административным персоналом было все также, что снизило работу в организации. На письма не успевали отвечать и т. д.» (Ж., 55 л., директор СО НКО).

11. В качестве позитивного момента представителями СО НКО было отмечено возросшее доверие со стороны общества к СО НКО. В период пандемии в них увидели профессионалов, которые могут оказать социальную помощь, являются более «гибкими» и более способными к адаптации к изменяющимся условиям.

«Я заметила, что к нам стали обращаться все больше из государственных организаций, других фондов для предоставления не только социальных услуг, но и проведения благотворительных социальных акций, мероприятий, способствующих борьбе с COVID-19» (М., 54 г., директор СО НКО).

12. В условиях пандемии социальные взаимодействия между самими СО НКО значительно улучшились: снизилась конкуренция, организации объединялись для решения проблем клиентов, все усилия были направлены на борьбу с коронавирусной инфекцией без снижения качества предоставления социальных услуг и обеспечение бесперебойной работы любыми способами.

«Я заметила, что в условиях пандемии мы, НКО, все сплотились. Приведу пример, если организация не справлялась (не было, например, ре-

сурсов для выполнения какой-то задачи), то данная НКО обращалась в другую организацию и перепоручала своего получателя социальных услуг ей. Цель была одна – помочь» (Ж., 44 г., директор СО НКО).

Интересной, на наш взгляд, является оценка уровня освещенности деятельности СО НКО в условиях пандемии на региональных телевизионных каналах, являющихся одним из основных и популярных средств распространения информации в обществе. Авторами данной статьи был проведен контент-анализ видеороликов, посвященных деятельности СО НКО в условиях пандемии. В выборку были включены официально зарегистрированные телевизионные каналы на территории Волгоградской области (в качестве единиц анализа было взято количество видеороликов, посвященных полностью или частично деятельности СО НКО в условиях пандемии, которые были проанализированы в сравнении с представленными в 2019 г. на официальных региональных телевизионных каналах (ГТРК «Волгоград – ТРВ», Телеканал «МТВ – телевидение Волгограда», Телеканал «Волгоград-1», «Волгоградское деловое телевидение»).

По результатам проведенного анализа по сравнению с 2019 г. в 2020 г. на 19,05 % увеличилось количество транслируемых видеороликов, в которых активно освещалась деятельность СО НКО в условиях пандемии (соответственно годам их было 17 и 21). Изменились также содержательное наполнение и тематическая направленность деятельности СО НКО в СМИ. Выражается это в следующем: если в 2019 г. деятельность СО НКО освещалась с точки зрения их участия в конкурсах на предоставление грантовой поддержки (17.09.2019 «Волгоградские НКО проведут профилактическую работу с помощью областных грантов»; 22.01.2019 «В Волгоградской области стартовал конкурс по предоставлению субсидий некоммерческим организациям»; 06.08.2019 «Волгоградские НКО станут темой общественной экспертизы»; «Волгоградские НКО: лидеры в получении грантов»; 15.10.2019 «Волгоградские НКО реализуют 143 проекта по президентским грантам») и применения новых социальных технологий (20.12.2019 «Волгоград-

ские НКО презентовали передовые технологии в сфере долговременного ухода»; 09.07.2019 «1500 жителей Волгоградской области получают помощь социальных бригад»; 18.05.2019 «Национальный проект «Демография»: Волгоградские НКО включились в долговременный уход за пожилыми людьми», то в 2020 г. основными тематическими линиями стали вопросы по *организации и оказанию помощи гражданам региона СО НКО в условиях пандемии* (22.10.2020 «Как в Волгоградской области организована работа социальных НКО»; 03.12.2020 «Социальные НКО оказали волгоградцам 5 млн услуг с начала года»; 19.03.2020 «ОНФ объявил всеобщую НКО-мобилизацию для защиты населения от коронавируса»; 11.03.2021 «В Волгограде подвели итоги работы по поддержке старшего поколения в 2020 году», 08.04.2020 «В Волгограде обсудили перспективы участия НКО в оказании соцуслуг населению»; 07.12.2020 «В Волгограде при поддержке Фонда президентских грантов открылось антикафе «У друзей»); *о мерах поддержки, предоставляемых СО НКО* (09.06.2020 «540 волгоградских НКО внесены в Федеральный реестр для получения поддержки»; 11.06.2020 «Пострадавший от пандемии бизнес, НКО в Волгограде избавили от налогов»), *о возможностях переобучения предпенсионеров* (15.04.2020 «В Волгограде расширяют возможности для НКО по обучению предпенсионеров»), *о популяризации деятельности НКО* (16.03.2020 «Что такое НКО, как они зарабатывают и какие возможности у них есть?»; 22.10.2020 «Как в Волгоградской области организована работа социальных НКО»).

Проделанная региональными СМИ в этом направлении работа позволяет отметить их огромный вклад в популяризацию деятельности СО НКО (демонстрацию их практик, потенциала), направленной на помощь людям в сложных условиях эпидемии.

Следует также отметить, что авторами статьи в целях проверки гипотезы о возможном снижении качества предоставляемых социальных услуг в условиях пандемии был организован и проведен анкетный опрос в рамках социологического исследования: «Качество предоставляемых социальных услуг СО НКО

в условиях распространения новой коронавирусной инфекции» (апрель 2020 г. – январь 2021 г.), в котором приняли участие 372 получателя социальных услуг, обслуживающихся СО НКО в период пандемии. Примечательно, что по мнению практически всех респондентов (95,4 %), качество социальных услуг не изменилось, хотя предоставлялись они в онлайн формате. Привлечение СО НКО на рынок социальных услуг в условиях пандемии респондентами было оценено положительным образом в связи с тем, что данные организации являются мобильными, а также оперативно и качественно реагируют на запросы получателей социальных услуг (так считают 62,7 % опрошенных).

Таким образом, гипотеза о возможном снижении качества предоставляемых социальных услуг в онлайн-формате не подтвердилась.

Более того, некоторые социальные услуги (доставка продуктов питания, лекарственных препаратов, сопровождение получателей социальных услуг сотрудником НКО в медицинские учреждения) в условиях пандемии коронавируса стали бесплатными, хотя ранее они вынуждены были их оплачивать (это отметили 63,7 % респондентов).

По мнению большинства респондентов (86,3 %), стало уделяться более пристальное внимание к представителям старшего поколения со стороны не только СО НКО, но и социальных служб, добровольцев, соседей. Популярными формами поддержки граждан данной возрастной категории стали: приобретение лекарственных препаратов (93,3 %), вынос твердых бытовых отходов (83,5 %), доставка продуктов питания (98,4 %), оплата ЖКХ (100 %). В целом, качество и объем предоставляемых указанных офлайн социальных услуг, как отметили 98,3 % респондентов, не снизился.

Одной из положительных практик стала возможность предоставления в качестве социальной услуги транспорта для организации проезда в медицинские учреждения и прививочные пункты, а также сдачи тестов на COVID-19 получателями социальных услуг (это отметили 93,3 % респондентов).

Обобщая все вышеизложенное, следует подчеркнуть:

1. СО НКО в условиях современной реальности стремятся приспособиться к быстро изменяющимся условиям и предложить новые социальные услуги, которые в последующем могут быть внедрены в повседневную практику.

2. Накопленный опыт, скорее всего, будет использован СО НКО и после пандемии. К примеру, в связи со значительной экономией ресурсов СО НКО могут перевести в режим удаленной работы некоторых своих сотрудников-программистов и тех, кто занимается вопросами организации социального обслуживания граждан. Сохранятся также онлайн-мероприятия, направленные на реализацию досуговых практик граждан старшего поколения, которые проводились СО НКО в качестве их поддержки (клубы любителей кино, фитнеса и т. п.). В то же время ряд социальных услуг (проведение кружковых занятий для детей, психологическая диагностика и обследование личности ребенка и т. п.), которые в условиях пандемии были переведены в онлайн-режим, могут быть возвращены в обычный офлайн-формат.

3. Социальное взаимодействие социально ориентированных некоммерческих организаций вышло на новый уровень партнерства: во время пандемии, несмотря на конкуренцию между организациями и борьбу за клиентов, СО НКО обращались за помощью друг к другу с целью предоставить социальные услуги их получателю. Мы считаем, что данный тип социального партнерства имеет все основания укорениться в социальной практике СО НКО и даже стать предметом дальнейшего изучения.

В заключение хотелось бы отметить, что сложившаяся из-за пандемии коронавирусная ситуация стала своеобразной проверкой жизнеспособности российской системы социального обслуживания населения в целом, и СО НКО, задействованных в этой сфере, в частности. Региональные СО НКО, работающие на волгоградском рынке социального обслуживания населения, продемонстрировали свою конкурентоспособность, инновационный потенциал и заботу не только о получателях социальных услуг, но и о своих сотрудниках, чье настоящее и будущее, как показали результаты проведенных исследований, им безразлично.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00519 «Вызовы и риски формирования нового гендерного порядка и социальный механизм управления им в России».

The article was prepared with the support of the Russian Federal Property Fund in the framework of the scientific project No. 20-011-00519 “Challenges and risks of the formation of a new gender order and the social mechanism of its management in Russia”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрющенко 2012 – *Андрющенко О.Е.* Формирование модели социальной защиты населения в условиях социальной модернизации России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 3 (18). С. 172–176.
- Бухалова, Павлова, Литвинчук 2020 – *Бухалова Н.А., Павлова О.А., Литвинчук В.И.* Рынок социальных услуг: проблемы и перспективы развития // Вестник НГИЭИ. 2020. № 3. С. 112–121.
- Васильцова, Невьянцева 2017 – *Васильцова Л.И., Невьянцева Н.Н.* Рынок социальных услуг: векторы развития и социально-экономические последствия // Дискуссия. 2017. № 5. С. 68–73.
- Волкова 2020 – *Волкова О.А.* НКО в условиях пандемии: развитие структур гражданского общества в контексте саморегуляции и государственного управления // Академия труда и социальных отношений. 2020. № 4. С. 5–17.
- Григорьева, Сизова, Москвина 2019 – *Григорьева И.А., Сизова И.Л., Москвина А.Ю.* Социальное обслуживание пожилых: реализация Федерального закона № 442 и дальнейшие перспективы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 153–172.
- Игольникова 2010 – *Игольникова В.А.* Элементы социального государства в советской России 1917–1920 гг. // Социология власти. 2010. № 1. С. 166–173.
- Кибардина 2010 – *Кибардина Л.Н.* Особенности патерналистской модели российского социального государства // Омский научный вестник. 2010. № 4. С. 63–67.
- Кулькова 2020 – *Кулькова В.Ю.* Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях кризиса 2020 года // Проблемы

- управления: теория и практика. 2020. № 80. С. 1–17.
- Лазуренко, Серкина 2018 – *Лазуренко Н.В., Серкина М.С.* Проблема качества услуг в нестационарном учреждении социального обслуживания для пожилых людей Белгородской области // *Logos et Praxis*. 2018. № 2. С. 133–144. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.13>.
- Лукьянова, Сигида 2009 – *Лукьянова И.Е., Сигида Е.А.* Из истории становления медико-социальной помощи в России // *Сервис plus*. 2009. № 2. С. 9–13.
- Мигунова 2019 – *Мигунова М.В.* Основные черты и тенденции развития современной Российской системы социального обслуживания населения // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки*. 2019. № 3. С. 39–51.
- Олимских 2007 – *Олимских Н.Н.* Социальная защита населения: понятие и содержание // *Вестник Удмуртского университета*. 2007. № 2. С. 1–8.
- Палибина и др. 2017 – *Палибина А.С., Панькова Е.Г., Соловьева Т.В., Бистяйкина Д.А.* Некоммерческие организации в системе социального обслуживания населения // *Дискуссия*. 2017. № 10. С. 55–59.
- Парий-Сергеенко 2018 – *Парий-Сергеенко Е.П.* Нормативные основы социального обслуживания граждан пожилого возраста // *Право и современные государства*. № 4. 2018. С. 67–72.
- Парфенова 2017 – *Парфенова О.А.* Социальные сервисы для пожилых: формальные и неформальные правила и практики // *Журнал исследований социальной политики*. 2017. № 4. С. 573–586.
- Парфенова 2018 – *Парфенова О.А.* Трансформация социального обслуживания пожилых в региональном контексте современной России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. № 2. С. 165–186.
- Парфенова, Петухова 2019 – *Парфенова О.А., Петухова И.С.* Конкуренция за заботу о пожилых: тактики социальных сервисов в новых условиях // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 173–186.
- Петровская 2019 – *Петровская Ю.А.* Модернизация системы социального обслуживания в контексте инновационного развития Российской Федерации: механизмы и барьеры // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2019. № 2. С. 230–240.
- Саралиева, Петрова 2018 – *Саралиева З.Х., Петрова И.Э.* Пожилые в российской негосударственной социальной работе // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. № 1. С. 95–108.
- Свищева, Конева, Серкина 2018 – *Свищева И.К., Конева Т.Н., Серкина М.С.* Активизирующие технологии социального обслуживания как фактор улучшения социального самочувствия пожилых людей и инвалидов в Белгородской области // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2018. № 1. С. 103–108.
- Тевлина 2008 – *Тевлина В.В.* Система социальной помощи населению в период формирования советского государства (1918–1930-е гг.) // *Благотворительность в истории России: новые документы и исследования*. СПб.: Нестор-История, 2008.
- Трохинова, Зиминова 2010 – *Трохинова У.В., Зиминова Е.В.* Проблемы кадрового обеспечения системы социальной защиты и социального обслуживания населения и стратегические направления их решения (на примере г. Иркутска) // *Baikal Research Journal*. 2010. № 5. С. 63–69.
- Ходорова, Максимова web – *Ходорова Ю., Максимова О.* Новая реальность. Как Covid-19 меняет работу российских НКО // <https://philanthropy.ru/analysis/2020/03/24/87056/>.
- Worth 2009 – *Worth M.* *Nonprofit Management: Principles and Practice*. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; Washington: SAGE, 2009.

REFERENCES

- Andryushchenko O.E., 2012. Formation of a Model of Social protection of the population in the Conditions of Social Modernization of Russia. *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, no. 3, pp. 172-176.
- Buhalova N.A., Pavlova O.A., Litvinchuk V.I., 2020. Social Services Market: Problems and Prospects of Development. *Vestnik NGIEI*, no. 3, pp. 112-121.
- Volkova O.A., 2020. NGOs in the Context of a Pandemic: The Development of Civil Society Structures in the Context of Self-Regulation and Public Administration. *Akademiya truda i social'nyh otnoshenij*, no. 4, pp. 5-17.
- Vasil'cova L.I., Nev'yancova N.N., 2017. Social Services Market: Development Vectors and Socio-Economic Consequences. *Diskussiya*, no. 5, pp. 68-73.
- Grigor'eva I. A., Sizova I.L., Moskvina A. Y., 2019. Social Services for the Elderly: Implementation of Federal Law No. 442 and Future Prospects. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 4, pp. 153-172.

- Igol'nikova V.A., 2010. Elements of the Social State in Soviet Russia 1917–1920. *Sociologiya vlasti*, no. 1, pp. 166-173.
- Kibardina L.N., 2010. Features of the Paternalistic Model of the Russian Social State. *Omskij nauchnyj vestnik*, no. 4, pp. 63-67.
- Kul'kova V.Y., 2020. The Non-Profit Sector and State Support for Non-Profit Organizations in the Service Sector in the Russian Federation in the Context of the 2020 Crisis. *Problemy upravleniya: teoriya i praktika*, no.80, pp. 1-17.
- Lazurenko N.V., Serkina M.S., 2018. The Problem of Quality of Services in the Non-Stationary Social Service Institution for the Elderly in Belgorod Region. *Logos et Praxis*, no. 2, pp. 133-144. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.13>.
- Luk'yanova I.E., Sigida E.A., 2009. From the History of the Formation of Medical and Social Care in Russia. *Servis plus*, no. 2, pp. 9-13.
- Migunova M.V., 2019. The Main Features and Trends in the Development of the Modern Russian Social Service System. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta*, no. 3, pp. 39-51.
- Olimskih N.N., 2007. Social Protection of the Population: Concept and Content. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, no. 2, pp. 1-8.
- Palibina A.S., Pan'kova E.G., Solov'eva T.V., Bistyajkina D.A., 2017. Non-Profit Organizations in the Social Service System. *Diskussiya*, no. 10, pp. 55-59.
- Parij-Sergeenko E.P., 2018. Regulatory Framework for Social Services for Elderly Citizens. *Pravo i sovremennye gosudarstva*, no. 4, pp. 67-72.
- Parfenova O.A., 2017. Social Services for the Elderly: Formal and Informal Rules and Practices. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, no. 4, pp. 573-586.
- Parfenova O.A., 2018. Transformation of Social Services for the Elderly in the Regional Context of Modern Russia. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, no. 2, pp. 165-186.
- Parfenova O.A., Petuhova I.S., 2019. Competition for the Care of the Elderly: Tactics of Social Services in the New Conditions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 4, pp. 173-186.
- Petrovskaya Y.A., 2019. Modernization of the Social Service System in the Context of Innovative Development of the Russian Federation: Mechanisms and Barriers. *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 2, pp. 230-240.
- Saraliev Z.H., Petrova I.E., 2018. The Elderly in Russian Non-Governmental Social Work. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, no. 1, pp. 95-108.
- Svishcheva I.K., Koneva T.N., Serkina M.S., 2018. Activating Technologies of Social Services as a Factor of Improving the Social Well-Being of the Elderly and Disabled in the Belgorod Region. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 1, pp. 103-108.
- Tevlina V.V., 2008. The System of Social Assistance to the Population During the Formation of the Soviet State (1918–1930). *Charity in the History of Russia: New Documents and Research*, Sankt-Peterburg, Nestor-Istoriya Publ.
- Trohirova U.V., Zimina E.V., 2010. Problems of Personnel Support of the System of Social Protection and Social Services of the Population and Strategic Directions of Their Solution (On the Example of Irkutsk). *Baikal Research Journal*, no. 5, pp. 63-69.
- Khodorova Y., Maksimova O., 2020. *A New Reality. How Covid-19 is Changing the Work of Russian NGOs*. URL: <https://philanthropy.ru/analysis/2020/03/24/87056/>.
- Worth M., 2009. *Nonprofit Management: Principles and Practice*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington, SAGE Publ.

Information About the Authors

Yana I. Sitnikova, Candidate for a Degree, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, jana3194@mail.ru; Deputy Director, ANO "Socium", Zemlyachki St, 72, Bld.1, 400117 Volgograd, Russian Federation, nkosocium@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4762-7620>

Nataliya A. Nikolenko, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Social Technologies, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, nikolenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8968-460X>

Информация об авторах

Яна Игоревна Ситникова, соискатель кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, jana3194@mail.ru; заместитель директора АНО СОН «СОЦИУМ», ул. им. Землячки, 72, пом. 1, 400117 г. Волгоград, Российская Федерация, nkosocium@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4762-7620>

Наталия Александровна Николенко, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, nikolenkovolsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8968-460X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.14>

UDC 316.776.22

LBC 60.8

ON THE CLASSIFICATION OF FAKE INFORMATION DURING THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Marina O. Zyryanova

Belgorod State Technological University, Belgorod, Russian Federation

Abstract. This article presents the classification of fakes on grounds of the information source that underlies the occurrence of false information. The study was performed on the coronavirus fakes that spread in Russian Federation in March 2020 during the beginning of the coronavirus pandemic in our country. For the analysis, only those fakes were taken, which the Administrations of the Russian regions promptly denied in their official accounts on social networks. Based on this, only those fakes that caused the greatest public response were selected for analysis. In this article, the following types of fakes are distinguished: folklore, symmetric, interpretive, additional, and conspiracy. Folklore fakes in various variations reproduce the same motives and are associated with well-established ideas and stereotypes in the mass consciousness. Symmetrical fakes partially or completely transfer true facts from one territory (country, region) to another. They can also transfer information from one person (structure) to another (s). Interpretative fakes are associated with the incorrect interpretation of events, information disseminated, or decisions made by the authorities by individual individuals. Additional fakes for a short period of time continue the theme of previously thrown disinformation. Conspiracy fakes are associated with conspiracy theory, characterized by stuffing on a wide territory and a large audience. This classification is not exhaustive and can be supplemented as new fakes appear and are studied. Also, within the framework of this article, recommendations are given on how to refute a particular fake, depending on its belonging to a particular type.

Key words: fakes, classification fakes, a refutation of the fakes, folklor fakes, symmetrical fakes, interpretation fakes, additional fakes, conspiracy fakes.

Citation. Zyryanova M.O. On the Classification of Fake Information During the Coronavirus Pandemic. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 124-131. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.14>

УДК 316.776.22

БК 60.8

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ФЕЙКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

Марина Олеговна Зырянова

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
г. Белгород, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье представлена классификация фейков, созданная автором на основании информационного источника. Исследование проводилось на материале коронавирусных фейков, которые распространялись на территории Российской Федерации в марте 2020 г. в период начала пандемии. Для анализа были взяты только те фейки, которые Администрации российских регионов оперативно опровергали в своих официальных аккаунтах в социальных сетях. Исходя из этого, для анализа были отобраны только те «фейки», которые вызывали наибольший общественный резонанс. В данной статье выделяются следующие типы фейков: фольклорные, симметричные, интерпретационные, дополнительные, конспирологические. Фольклорные фейки в различных вариациях воспроизводят одни и те же мотивы и связаны с устоявшимися в массовом сознании представлениями и стереотипами. Симметричные фейки частично или полностью переносят правдивые факты с одной территории (страны, региона) на другую, с одного лица (структуры) на другое(-ую). Интерпретационные фейки связаны с неверной трактовкой отдельными индивидуумами про-

исходящих событий, распространяемой информации, или принимаемых властью решений. Дополнительные фейки в течение небольшого периода времени продолжают тематику ранее вброшенной дезинформации. Конспирологические фейки связаны с теорией заговора, характеризуются распространением на большой территории и рассчитаны на широкую аудиторию. Данная классификация не является исчерпывающей и может дополняться по мере появления и изучения новых фейков. Также в рамках данной статьи даны рекомендации по способам опровержения фейков того или иного типа.

Ключевые слова: фейк, классификация фейков, опровержение фейков, фольклорные фейки, симметричные фейки, интерпретационные фейки, дополнительные фейки, конспирологические фейки.

Цитирование. Зырянова М. О. К вопросу о классификации фейковой информации в период пандемии коронавируса // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 124–131. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.14>

Пандемия коронавируса, охватившая мир в начале 2020 г., с самого начала сопровождалась небывалым всплеском распространения фейков. Последние «гуляжи» не только внутри стран, но и переходили из одного государства в другое, обрастая новыми подробностями. Если же они распространялись внутри одной страны, то зачастую попадали из одного региона в другой. Исследователь А.В. Манойло считает это явление очень опасным оружием за счет того, что с их помощью можно управлять сознанием людей [Манойло web]. По мнению Ю.М. Ершова, фейк является серьезным инструментом коммуникационной стратегии, а журналисты используются как способ их внедрения [Ершов 2018, 245–256].

Целью данного исследования является анализ актуальной фейковой информации, которая появилась в самом начале пандемии коронавируса, с целью ее дальнейшего и более глубокого изучения.

В рамках данной статьи были проанализированы основные коронавирусные «фейки», которые в течение марта 2020 г. распространялись на территории Российской Федерации и которые Администрации российских регионов официально опровергали в своих аккаунтах в социальных сетях. Таким образом, в рамках нашего исследования была проанализирована не вся фейковая информация о коронавирусе, а именно те выявленные фейки, которые наносили максимальный вред стабильности в обществе в указанный промежуток времени. На уровне администрации регионов освещаются только самые важные события в пределах территории.

Необходимо отметить, что «пандемия фейков» в России началась в первой половине марта, когда одновременно в различных регионах России начала распространяться ин-

формация о большом числе зараженных коронавирусом в Москве. Было разослано почти 10 тыс. сообщений в социальных сетях и мессенджерах о якобы 20 тыс. зараженных коронавирусом россиянах. Фейки о вирусе распространялись в социальной сети «ВКонтакте» с помощью ботов, также были использованы «вбросы» в мессенджерах. Целевой аудиторией сообщений стали чаты родителей школьников и дошкольников, а также форумы молодых мам [Истомина, Болецкая, Никольский web].

Ввиду важности и новизны проблемы в ходе специального совещания Президент России Владимир Путин уделил данному вопросу особенное внимание, отметив, что бороться с распространением фейков можно только предоставляя достоверную информацию гражданам [Совещание... web].

Следует отметить, что начиная с 15 марта 2020 г. число фальшивых новостей, распространяемых на территории России, начало стремительно увеличиваться. При этом практически все заметные мартовские фейки появились во второй половине месяца. В их число вошли сведения: о числе заболевших и умерших от коронавируса в различных регионах России; о грабеже квартир людьми в медицинских и химических костюмах или сотрудниками администраций под видом проведения дезинфекции; о полицейских патрулях в торговых центрах и школах; о дезинфекции городов с помощью распыления специальных веществ с вертолетов; о переброске войск и введении комендантского часа в Москве. Все эти фейки практически одновременно распространялись на территории многих регионов России.

Анализ таких ложных новостей позволил выделить пять групп на основании информа-

ционного фона, который спровоцировал появление того или иного фейка. Следует отметить, что данная классификация не является исчерпывающей и дальнейший анализ может способствовать вычленению как новых групп информации, так и новых подходов к ее классификации [Iknoor, Deepak, Anoop 2020; Ahmed, Traore, Saad 2017]. Также важно отметить, что в отдельных случаях грань между разными группами фейков является очень тонкой:

1. Фольклорные, народные, типовые или универсальные фейки. В различных вариациях воспроизводят одни и те же мотивы и связаны с устоявшимися в массовом сознании представлениями и стереотипами. Такие фейки могут появляться в разное время, особенно кризисное, с разными по длительности перерывами. Фейки данного типа, связанные с коронавирусом, характеризовались одновременными «вбросами» на широких территориях (в разных странах, регионах). Как правило, они используются для информационной атаки, характеризуются широким географическим охватом и большой аудиторией. Распространение такого характера ложных новостей опасно, требует немедленного реагирования.

2. Симметричные фейки. Частично или полностью переносят правдивые факты с одной территории (страны, региона) на другую, с одного лица (структуры) на другое(-ую). Могут использоваться для информационной атаки и быть связанными как с целенаправленной дезинформацией, так и с непониманием конкретными эмоционально неустойчивыми личностями сложившейся ситуации. Распространение такого рода ложных сведений опасно, требует немедленного реагирования и опровержения.

3. Интерпретационные фейки. Связаны с неверной трактовкой происходящих событий, распространяемой информации, или принимаемых властью решений. Они могут использоваться для информационной атаки с целью раскачать ситуацию в обществе. Также могут ненамеренно породиться отдельными эмоционально неустойчивыми личностями. Распространение такого рода фейков опасно, требует немедленного реагирования и опровержения.

4. Дополнительные фейки. В течение небольшого периода времени продолжают

тематику ранее распространенной дезинформации. Они могут использоваться для локальной информационной атаки, поскольку их актуальность быстро пропадает. Опровержение упрощено тем, что ведется по готовому шаблону.

5. Конспирологические фейки. Связаны с теорией заговора, характеризуются распространением на большой территории и рассчитаны на широкую аудиторию.

К фольклорным фейкам мы относим дезинформацию, распространенную в виде голосового сообщения в начале марта 2020 г. о 20 тыс. заболевших коронавирусом в Москве. Необходимо отметить, что появление ложных сведений о количестве умерших или зараженных характерно для любых кризисных и чрезвычайных событий в России, произошедших в последние годы.

К числу фольклорных фейков мы также относим информацию, распространившуюся в середине марта 2020 г. в российских регионах, о людях в медицинских и химических костюмах, которые под предлогом дезинфекции квартир пускали слезоточивый газ и грабили жителей [Белозерцев web]. В некоторых случаях фигурировали сотрудники администрации [Парфенчиков web]. Данный «фейк» эксплуатирует устоявшуюся в массовом сознании мошенническую схему, когда грабители заходят в квартиры под видом сантехников, электриков, сотрудников социальных служб и проч. Как правило, их целью являются незащищенные слои населения, в первую очередь пенсионеры и дети. Следует отметить, что именно в это время во многих регионах началось свободное посещение школ, соответственно, большое число детей остались дома одни. Также в это время появились рекомендации для пенсионеров не покидать свои квартиры и отказаться от социальных контактов даже с родственниками в целях профилактики коронавируса. Наличие соответствующей реальной информационной картины позволило наложенному на нее фейку стать одним из наиболее распространенных в марте 2020 года.

Еще одним примером фольклорного фейка можно считать ложные данные о распылении с вертолетов лекарства для дезинфекции, в связи с чем балконы и окна должны быть закрыты [Коллеги... web]. Этот фейк волной

прокатился по российским регионам и соседним государствам, в том числе Беларуси, Грузии, Украине [Специалист объяснил... web] в середине марта 2020 года. Необходимо уточнить, что такие фальшивые сведения не являются новыми, десять лет назад они уже проходили по российским регионам во время эпидемии свиного гриппа 2009–2010 гг.: «Тогда подобные слухи расходились “живьем”, в общественном транспорте и между коллегами, а также посредством LiveJournal и СМИ» [Вилков web].

Симметричным фейком мы считаем распространенную в конце марта 2020 года по некоторым регионам информацию об их полной или частичной транспортной изоляции. В частности, 30 марта 2020 г. в Алтайском крае появились сведения о якобы перекрытом движении на трассе по бийскому направлению [Очередной фейк... web]. В свою очередь, ГУ МВД России по Алтайскому краю оперативно дало опровержение [ГУ МВД России... web]. Похожий фейк о закрытии региона был распространен в Волгоградской области. [Коронавирус... web]. Это происходило на фоне принятия решения в Австралии об ограничении транспортного движения 24 марта 2020 г. [Австралийские штаты... web]. В Республике Чечня с 28 марта 2020 г. было ограничено внутреннее перемещение [В Чечне... web]. Этот фейк заимствовал идею об ограничении передвижения из-за границы, его можно причислить к симметричным.

Самыми многочисленными среди симметричных мы считаем фейки о числе людей, заразившихся коронавирусом и умерших от этой болезни. Такие данные постоянно возникали в российских регионах в марте 2020 г. после появления фейка о количестве заболевших в Москве. Информация по аналогии распространялась в Брянской области, Вологодской области, Приморском крае, Республике Алтай и проч.

К интерпретационным фейкам мы относим, например, приказ под видом официального документа МЧС РФ – приказа Министра обороны РФ С. Шойгу – о введении в г. Москва комендантского часа с 30 марта 2020 г. с 20:00 до 05:00 [Фейковый приказ... web]. Необходимо отметить, Министерство обороны РФ официально опровергло эту информацию

18 марта 2020 года. Накануне, 17 марта 2020 г., газета «Ведомости» со ссылкой на собственные источники сообщила, что в Москве может быть введен комендантский час [Ляув, Ищенко web]. Оперативный штаб по контролю и мониторингу ситуации с коронавирусом опроверг эти данные. Вечером 16 марта 2020 г. Президент Франции Эмманюэль Макрон заявил о закрытии границ Евросоюза с 17 марта [Лисицына web]. С нашей точки зрения, фейк интерпретировал данные, которые обсуждали зарубежные и российские средства массовой информации.

Еще один интерпретационный фейк – о досрочном окончании учебного года – распространился в социальных сетях [Министерство просвещения... web], и 26 марта 2020 г. его опровергло Министерство просвещения РФ. Информация появилась на фоне рекомендации Минпросвещения РФ при необходимости временно переводить учеников на дистанционное обучение. В ряде регионов, в частности в Санкт-Петербурге, дистанционное обучение началось 6 апреля. 27 марта 2020 г. информационное агентство «Итар-тасс» распространило заявление Министерства просвещения о том, что структура примет решение о необходимости продления каникул, исходя из эпидемиологической ситуации в стране, и озвучит его регионам к середине следующей недели [Минпросвещения... web]. Таким образом, этот фейк возник на фоне неверной интерпретации официальной информации.

Фейк о стягивании войск к Москве, который распространялся в конце марта 2020 г. [Новый фейк... web], мы относим к дополнительным, поскольку он продолжил ложную тему введения в Москве комендантского часа.

Конспирологические фейки всегда связаны с теорией заговора. В течение марта–апреля 2020 г. в Интернете распространялось много информации о том, что коронавирус – это генно-модифицированное биологическое оружие, которое создано для чипирования людей и установления глобального мирового порядка, а еще для уничтожения населения, которое будут заражать через вакцины. 6 мая 2020 г. Генеральная прокуратура Российской Федерации потребовала ограничить доступ к сайтам, где размещена недостоверная информация конспиро-

логического характера о коронавирусе [Генеральная прокуратура... web].

Приведенная выше классификация может стать полезным инструментом для специалистов, которые работают с проблемой опровержения фейков: специалисты в области PR, политтехнологи, социологи. В зависимости от типа, к которому относится ложная информация, можно выбрать и стратегию ее опровержения. При этом зачастую дается лишь сухая справка о том, что распространенная информация не соответствует действительности и необходимо пользоваться данными, размещенными на официальных ресурсах.

В частности, при опровержении фольклорных фейков можно указать те «народные мотивы», которые лежат в основе образования данного фейка. Также можно привести примеры, каким образом данные мотивы ранее использовались при распространении фейков и слухов.

При опровержении симметричных фейков необходимо обязательно указывать исходный материал, на основании которого была сфабрикована информация. Таким образом, опровержение будет восприниматься как более убедительное и распространение ложных данных быстро прекратится само собой.

Интерпретационные фейки опровергнуть, с нашей точки зрения, сложнее всего, так как они часто рождаются в процессе обсуждения еще не принятых решений. Поэтому не всегда возможно четко отослать аудиторию к решению, принятому в действительности, однако это необходимо делать.

Дополнительные фейки опровергать проще всего: необходимо вспомнить распространенную ранее информацию, акцентировать внимание на уточнениях и дополнениях, которыми оброс фейк, и повторить опровержение.

Конспирологические фейки опровергать крайне сложно, потому что они базируются на устойчивом стереотипе – власти обманывают людей. Такие ложные данные излишне эмоциональны, строятся на страхах и фобиях, зачастую при их формировании используются знания из области психологии. При опровержении таких фейков необходимо исходить из фактов и научных знаний.

При выявлении и опровержении информации необходимо помнить, что часто фейк

от настоящей новости отличается отсутствием подтверждения заявленной информации. В сообщениях подобного рода ведется работа с эмоциями [Зуйкина, Соколова 2019, 17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Австралийские штаты... web – Австралийские штаты закрывают свои внутренние границы из-за распространения коронавируса [Информационное агентство ИТАР-ТАСС. 24.03.2020] // <https://tass.ru/obschestvo/8060649>.
- Белозерцев И. web – *Белозерцев И.* Внимание!!! По домам ходят люди [Официальная страница Губернатора Пензенской области Ивана Белозерцева в социальной сети «ВКонтакте»] // https://vk.com/id572326065?w=wall572326065_3108.
- Вилков С. web – *Вилков С.* Легенда о вертолете: откуда берутся фейки про коронавирус и как их опознать [News.ru] // <https://news.ru/investigations/opylyaj-i-vlastvuj-otkuda-berutsya-fejki-pro-koronavirus-i-kak-ih-otlichit>.
- В Чечне... web – В Чечне ограничат движение через границы республики из-за COVID-19 [РИА «Новости»] // <https://ria.ru/20200329/1569299902.html>.
- Генеральная прокуратура... web – Генеральная прокуратура Российской Федерации требует ограничить доступ к сайтам [Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ] // <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1836600/>.
- ГУ МВД России... web – ГУ МВД России по Алтайскому краю разъясняет! [Главное управление МВД России по Алтайскому краю] // <https://22.mvd.rf/news/item/19883191>.
- Ершов 2018 – *Ершов Ю.М.* Феномен фейка в контексте коммуникационных практик // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 52. С. 245–256.
- Зуйкина, Соколова 2019 – *Зуйкина К.Л., Соколова Д.В.* Специфика контента российских фейковых новостей в Интернете и на телевидении // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2019. № 4. С. 3–22.
- Истомина, Болецкая, Никольский web – *Истомина М., Болецкая К., Никольский К.* В России массово распространяются фейки об эпидемии коронавируса [Ведомости] // <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2020/03/02/824255-epidemii-koronavirusa>.
- Коллеги... web – Коллеги, у кого такая рассылка была? [Официальная страница Правительства Республики Карелия в социальной сети «ВКонтакте»] // https://vk.com/gov_karelia_ru?z=photo-134397408_457267525%2Fwall-134397408_39609.

Коронавирус... web – Коронавирус – это серьезно [Официальная страница Правительства Вологодской области в социальной сети «ВКонтакте»] // https://vk.com/vologda?w=wall-24699245_232047.

Лисицына web – Лисицына М. Макрон объявил о закрытии въезда в Шенген с 17 марта [РосБизнесКонсалтинг] // <https://www.rbc.ru/society/16/03/2020/5e6fd7fc9a7947b44540439b>.

Ляув, Ищенко web – Ляув Б., Ищенко Н. Москва может закрыться на карантин [Ведомости] // <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/17/825437-moskva-mozhet-zakritsya-na-karantin>.

Манойло web – Манойло А.В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» [Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3] // <http://ruspolitology.ru/content/10391/>.

Министерство просвещения... web – Министерство просвещения опровергло недостоверную информацию об организации образовательного процесса [Официальный сайт Министерства просвещения РФ] // <https://edu.gov.ru/press/2253/ministerstvo-prosvescheniya-oproverglo-nedostovernuyu-informaciyu-ob-organizacii-obrazovatel'nogo-processa>.

Минпросвещения... web – Минпросвещения на следующей неделе сообщит, будут ли продлены каникулы в школах [ИТАР-ТАСС] // <https://tass.ru/obschestvo/8097371>.

Новый фэйк... web – Новый фэйк распространяют в мессенджерах и соцсетях [Официальная страница Правительства Приморского края в социальной сети «ВКонтакте»] // https://vk.com/primorskykraj?w=wall-150272757_7958.

Очередной фэйк... web – Очередной фэйк – о перекрытой из Барнаула до Бийска трассе – опровергают алтайские полицейские [Официальная страница Правительства Алтайского края в социальной сети «ВКонтакте»] // https://vk.com/altairregion22?w=wall-39933875_15752.

Парфенчиков web – Парфенчиков А. Уважаемые жители республики, будьте бдительны [Официальная страница Правительства Республики Карелия в социальной сети «ВКонтакте»] // https://vk.com/gov_karelia_ru?w=wall419407976_121833.

Совещание... web – Совещание с членами Правительства [Официальный сайт Президента РФ] // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62930>.

Специалист объяснил... web – Специалист объяснил ситуацию с «распылением» антисептиков с вертолетов над городами из-за корона-

вируса COVID-19 [Avia.pro] // <https://avia.pro/news/specialist-obyasnil-situaciyu-s-raspyleniem-antiseptikov-s-vertolyotov-nad-gorodami-iz-za>.

Фейковый приказ... web – Фейковый приказ Министра обороны РФ [Официальная страница Правительства Ивановской области в социальной сети «ВКонтакте»] // https://vk.com/ivanovo?z=photo-23491940_457251498%2Fwall-23491940_15212.

Ahmed, Traore, Saad 2017 – Ahmed H., Traore I., Saad S. Detection of Online Fake News Using N-Gram Analysis and Machine Learning Techniques. International Conference on Intelligent, Secure, & Dependable Systems in Distributed & Cloud Environments // https://www.researchgate.net/publication/320300831_Detection_of_Online_Fake_News_Using_N-Gram_Analysis_and_Machine_Learning_Techniques.

Iknor, Deepak, Anoop 2020 – Iknor S., Deepak P., Anoop K. On the Coherence of Fake News Articles [8th International Workshop on News Recommendation and Analytics (INRA 2020) Held in Conjunction with ECML PKDD] // <https://arxiv.org/pdf/1906.11126.pdf>.

REFERENCES

Australian States are Closing Their Internal Borders Due to the Spread of the Coronavirus. *ITAR-TASS*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8060649>.

Belozertsev I. Attention!!! People Go to Their Homes. *The Official Page of the Governor of the Penza Region Ivan Belozertsev in the Social Network "VKontakte"*. URL: https://vk.com/id572326065?w=wall572326065_3108.

Vilkov S. The Legend of the Helicopter: Where do the Fakes About the Coronavirus Come from and How to Identify Them. *News.ru*. URL: <https://news.ru/investigations/oplyaj-i-vlastvuj-otkuda-berutsya-fejki-pro-koronavirus-i-kak-ih-otlichit>.

Traffic Across the Republic's Borders Will Be Restricted in Chechnya Due to COVID-19. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/20200329/1569299902.html>.

The Prosecutor General's Office of the Russian Federation Demands to Restrict Access to the Sites. *Official Website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1836600/>.

GU of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Altai Territory Explains! *The Main Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in*

- the Altai Territory*. URL: <https://22.мвд.рф/news/item/19883191/>.
- Yershov Yu.M., 2018. The Phenomenon of Fake in the Context of Communication Practices. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philology*, no. 52, pp. 245-256.
- Zuikina K.L., Sokolova D.V., 2019. Specificity of the Content of Russian Fake News on the Internet and on Television. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika*, no. 4, pp. 3-22.
- Istomina M., Boletskaya K., Nikolsky K., 2020. In Russia, Fakes About the Coronavirus Epidemic are Massively Distributed. *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2020/03/02/824255-epidemii-koronavirusa>.
- Colleagues, Who Had Such a Newsletter? *Official Page of the Government of the Republic of Karelia in the Social Network "VKontakte"*. URL: https://vk.com/gov_karelia_ru?z=photo-134397408_457267525%2Fwall-134397408_39609.
- Coronavirus is Serious Web-Coronavirus is Serious. Official Page of the Government of the Vologda Region in the Social Network "VKontakte". URL: https://vk.com/vologda?w=wall-24699245_232047.
- Lisitsyna M. Macron Announced the Closure of the Entrance to the Schengen Area from March 17. *RosBusinessConsulting*. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/03/2020/5e6fd7fc9a7947b44540439b>.
- Lyauv B., Ishchenko N., 2020. Moscow Can Be Closed for Quarantine. *Vedomosti*. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/17/825437-moskva-mozhet-zakriysya-na-karantin>.
- Manoilo A.V., 2020. Chain Reactions of Cascade Type in Modern Technologies of Viral Distribution of "Fake News". *Bulletin of the Moscow State Regional University (Electronic Journal)*, no. 3. URL: <http://ruspolitology.ru/content/10391/>.
- The Ministry of Education Has Denied False Information About the Organization of the Educational Process. *Official Website of the Ministry of Education of the Russian Federation*. URL: <https://edu.gov.ru/press/2253/ministerstvo-prosvescheniya-oprovergnedostovernuyu-informaciyu-ob-organizacii-obrazovatelno-go-processa>.
- Ministry of Education Next Week Will Report Whether the School Holidays Will Be Extended. *ITAR-TASS*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8097371>.
- New Fake Distributed in Messengers and Social Networks. *Official Page of the Government of Primorsky Krai in the Social Network "VKontakte"*. URL: https://vk.com/primorskykray?w=wall-150272757_7958.
- Another Fake - About the Road Blocked from Barnaul to Biysk - is Denied by the Altai Police. *The Official Page of the Government of the Altai Territory in the Social Network "VKontakte"*. URL: https://vk.com/altairregion22?w=wall-39933875_15752.
- Parfenchikov A. Dear Residents of the Republic, Be Vigilant. *Official Page of the Government of the Republic of Karelia in the Social Network "VKontakte"*. URL: https://vk.com/gov_karelia_ru?w=wall419407976_121833.
- Meeting with Members of the Government. *Official Website of the President of the Russian Federation*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62930>.
- The Specialist Explained the Situation with the "Spraying" of Antiseptics from Helicopters over Cities Due to the COVID-19 Coronavirus. *Avia.pro*. URL: <https://avia.pro/news/specialist-obyasnil-situaciyu-s-raspyleniem-antiseptikov-s-vertolyotov-nad-gorodami-iz-za>.
- Fake Order of the Minister of Defense of the Russian Federation. *Official Page of the Government of the Ivanovo Region in the Social Network "VKontakte"*. URL: https://vk.com/ivanovo?z=photo-23491940_457251498%2Fwall-23491940_15212.
- Ahmed H., Traore I., Saad S. 2017. Detection of Online Fake News Using N-Gram Analysis and Machine Learning Techniques. *International Conference on Intelligent, Secure, & Dependable Systems in Distributed & Cloud Environments*. URL: https://www.researchgate.net/publication/320300831_Detection_of_Online_Fake_News_Using_N-Gram_Analysis_and_Machine_Learning_Techniques.
- Iknoor S., Deepak P., Anoop K., 2020. On the Coherence of Fake News Articles. *8th International Workshop on News Recommendation and Analytics (INRA 2020) Held in Conjunction with ECML PKDD*. URL: <https://arxiv.org/pdf/1906.11126.pdf>.

Information About the Author

Marina O. Zyryanova, Postgraduate Student, Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University, Kostyukova St, 46, 308012 Belgorod, Russian Federation, synergy7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3937-4275>

Информация об авторе

Марина Олеговна Зырянова, аспирант кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, 46, 308012 г. Белгород, Российская Федерация, synergy7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3937-4275>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.15>

UDC 316.6
LBC 60.53

**FEATURES OF THE PERCEPTION OF A LIFE PERSPECTIVE
IN A DIFFICULT LIFE SITUATION
(ON THE EXAMPLE OF THE COVID-19 PANDEMIC)**

Tatiana S. Timofeeva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Alina V. Belikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the relationship between life time perspective and the peculiarities of cognitive assessment and emotional perception of the COVID-19 pandemic as a difficult life situation. The paper presents a theoretical review of current domestic and foreign studies of theories of life and time perspective within the psychological time of the individual. The life perspective is considered as a complex of conditions and circumstances that provide a person with the opportunity to develop on his life path. The time perspective is seen as a motivational aspect of life. In the work, to collect data, the survey method (questionnaire) was used, as well as Method for the diagnosis of cognitive assessment of difficult life situations by E. V. Bityutskaya; Questionnaire of Zimbardo's time perspective. The data were processed by methods of mathematical statistics (contingency tables, frequency, correlation analysis). The results of the psychological research showed that respondents with a pronounced perspective of orientation towards a positive past most often experience difficulties in making decisions in the present. Moreover, if a person is focused on the present, then most often it is accompanied by negative emotional states - apathy, despair, grief, anxiety. It was also found that respondents with a pronounced future orientation perspective do not experience strong negative emotions. Nevertheless, for the overwhelming majority of respondents, the future seems distant and vague, due to which they are unable to make plans and view their lives in the future. Many people are afraid to make plans in a pandemic situation, avoid responsibility, make impulsive decisions, seek pleasure, which increases the risks of social maladjustment.

Key words: life perspective, time perspective, psychological time, pandemic COVID-19, difficult life situation.

Citation. Timofeeva T.S., Belikova A.V. Features of the Perception of a Life Perspective in a Difficult Life Situation (On the Example of the COVID-19 Pandemic). *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 132-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.15>

УДК 316.6
ББК 60.53

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ
В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИИ COVID-19)**

Татьяна Сергеевна Тимофеева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Алина Вадимовна Беликова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В данной работе представлен анализ результатов эмпирического исследования взаимосвязи жизненной временной перспективы личности с особенностями когнитивного оценивания и эмоциональ-

ного восприятия пандемии COVID-19 как трудной жизненной ситуации. В работе приведен теоретический обзор актуальных отечественных и зарубежных исследований теорий жизненной и временной перспективы в рамках психологического времени личности. Жизненная перспектива рассматривается как комплекс условий и обстоятельств, которые обеспечивают человека возможностью развиваться на его жизненном пути. Временная перспектива рассматривается в качестве мотивационного аспекта жизненной. Сбор эмпирических данных осуществлялся методом анкетирования, а также с помощью комплекса психодиагностических методик (Методика диагностики когнитивного оценивания трудных жизненных ситуаций Е.В. Битюцкой; Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо). Данные были обработаны методами математической статистики (таблицы сопряженности, частотный, корреляционный анализ). Результаты психологического исследования показали, что респонденты с выраженной перспективой ориентации на позитивное прошлое чаще всего испытывают трудности в принятии решения в настоящем. Если личность ориентируется на настоящее, то чаще всего ее сопровождают негативные эмоциональные состояния, такие как апатия, отчаяние, горе, тревога. Было выявлено, что респонденты с выраженной перспективой ориентации на будущее не испытывают сильных отрицательных эмоций. Однако для подавляющего числа респондентов будущее представляется далеким и туманным, вследствие чего они не способны строить планы и рассматривать свою жизнь в перспективе будущего. Показано, что пандемия в большей степени проявляется в ориентации личности на настоящее. В ситуации пандемии многие опасаются строить планы, избегая ответственности, принимают импульсивные решения, стремятся к получению удовольствия, что повышает риски социальной дезадаптации.

Ключевые слова: жизненная перспектива, временная перспектива, психологическое время, пандемия COVID-19, трудная жизненная ситуация.

Цитирование. Тимофеева Т. С., Беликова А. В. Особенности восприятия жизненной перспективы в трудной жизненной ситуации (на примере пандемии COVID-19) // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 132–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.15>

Введение

С влиянием вируса COVID-19 все мировое сообщество столкнулось с негативными экономическими, медицинскими, политическими и социальными последствиями, что также отразилось и на психологическом благополучии жителей. Для снижения рисков социального и личностного благополучия необходимо выявить, каким образом пандемия отразилась на способности личности целенаправленно видеть свою жизнь, планировать будущее, опираясь на прошлый опыт, но учитывая требования актуальной ситуации.

Ситуация пандемии COVID-19 по ряду критериев [Емельянова 2020, Квасова 2010] относится к категории трудной жизненной ситуации (далее ТЖС). Одними из важных признаков ТЖС являются: неспособность личности ее контролировать; сложности для принятия решений при выборе действий в данной ситуации; высокие затраты временных, эмоциональных, физических и/или материальных ресурсов; а также отсутствие сформированных моделей поведения для ее преодоления, фактического опыта. Трудная жизненная ситуация оказывает влияние на жизнедеятель-

ность человека в целом. В результате данного влияния у него происходит нарушение адаптации к новым обстоятельствам. Ему сложно удовлетворять базовые потребности и следовать выработанным в прошлом моделям поведения. Это связано с тем, что переживание ТЖС обычно сопровождается такими психологическими «симптомами» как неспособность управлять событиями, непонимание ситуации, сложность в принятии решений, повышение уровня стресса и высокая степень значимости для человека.

Актуальные научные исследования жизненной перспективы отражают ее основную роль в психологическом времени личности и доказывают, что жизненная перспектива является опорой в организации активности в настоящем, способности сопротивляться обстоятельствам.

Рассматривая жизненную перспективу в ключе типологического подхода, К.А. Абульханова-Славская трактует ее как сочетание жизненных условий и обстоятельств, обеспечивающих человека способностью оптимально развиваться на его жизненном пути [Абульханова-Славская 2001]. Помимо жизненной перспективы автор выделяет еще психологи-

ческую и личностную перспективы. Разделение данных понятий обусловлено предпочитаемыми сферами жизни и ценностными ориентациями личности. В таком контексте жизненная перспектива является более глубоким и емким понятием, рассматривающим будущие цели, ценности, а также темп жизненного движения личности и оптимальность ее развития.

Временная перспектива является одним из аспектов перспективы жизненной, ее можно охарактеризовать как «ментальную проекцию мотивационной сферы» личности. Содержательно временную перспективу составляют планы, цели, стремления и представления о будущих событиях [Дубровина 1995]. Они будут определять поступки и совершаемые выборы, хотя большая часть из них может быть мало осознаваема. Жизненная перспектива будет тем яснее для личности, чем более цельно личность может воспринимать события своей жизни и отдельных ее временных отрезков.

Способность личности видеть жизнь в будущем времени можно рассматривать и как процесс планирования. Если личность позитивно относится к данному процессу – занимается составлением планов, то образ будущего в ее восприятии структурируется и становится последовательным (пошаговым). При этом чрезмерная фиксация личности на будущих целях может сопровождаться игнорированием прошлого опыта, неспособностью учитывать актуальные возможности человека и требования ситуации, что фактически будет препятствовать реализации этих целей. С другой стороны, акцентирование внимания на прошлых ошибках или недостаточных ресурсах в настоящем создает опасения возможного благополучного разрешения сложных ситуаций, отказу от управления собственной жизнью. Вследствие негативного восприятия жизненной перспективы, будущее представляется хаотичным и непредсказуемым. Для преодоления этого человеку необходимо реализовать свою жизненную программу во времени и обстоятельствах – пройти свой жизненный путь.

Жизненный путь не является раз и навсегда четко зафиксированной жизненной позицией, но представляется как определенная жизненная линия, в которой человек реализуется. Организация своего жизненного пути

связана с реализацией своего жизненного выбора – процесса, который затрагивает все подструктуры личности. Данный процесс состоит из нескольких этапов. Сначала происходит выработка внутренней позиции между субъективными потребностями и объективными условиями. Далее осуществляется прогнозирование вероятных последствий и результатов своего выбора. И после этого личность определяет свой жизненный путь, составляет план и на основе принятого решения сформировывает основную линию поведения.

Способность к восприятию жизненной перспективы фактически является показателем психологического здоровья человека. В частности, исследование И.А. Ральниковой показало, что у людей с высоким уровнем психологического здоровья будущее является важным этапом жизненного пути. Когда личность считает необходимым планировать свое будущее, способна выстраивать его привлекательным для себя, тогда она с большей вероятностью будет стремиться к достижению поставленных целей. Напротив, людей с низким уровнем психологического здоровья отличает отсутствие интереса к планированию собственного будущего, которое чаще всего рассматривается в пессимистичном ключе, что препятствует активным действиям в настоящем [Ральникова 2019].

В ситуации пандемии COVID-19 как трудной жизненной ситуации, человек проходит через 3 психологических этапа. На первом этапе происходит процесс когнитивного оценивания ситуации. Он предполагает восприятие и интерпретацию человеком возникших обстоятельств. Далее идет отбор возможных решений и оценка собственных возможностей. На завершающем этапе, исходя из принятого решения, человек избирает для себя оптимальную стратегию поведения.

В данной работе мы рассматриваем временную перспективу личности во взаимосвязи с когнитивной оценкой восприятия пандемии, а также эмоциональные реакции, определяющие эти оценки.

Обзор исследований

На современном этапе развития психологии выделяют 5 подходов к пониманию фе-

номена жизненная перспектива. Мотивационный подход рассматривает данный термин со стороны личностных ценностей и уровня ее притязаний [Левин 2019; Егоренко, Родина 2015; Nuttin 2014; Frank 1938; Fraisse 1979]. С точки зрения событийного подхода жизненную перспективу принято трактовать как цепочку событий в психологическом времени личности [Головаха 2017; Леонтьев 2004; Мандрикова 2008]. Типологический подход рассматривает концепцию о личностной организации времени [Абульханова-Славская 2001; Серенкова 1991]. Образовательный подход изучает данное понятие с точки зрения формирования и реализации жизненной программы и жизненных целей личности [Гинзбург 1994; Дубровина 1995; Толстых 1988]. Прогностический подход помогает понять, способна ли личность предвосхищать и прогнозировать свое будущее на основе своего прошлого опыта [Анохин 1968; Бернштейн 1962; Регуш 2003].

За последние десятилетия в научном сообществе активно ведется исследование жизненной и временной перспективы. Опубликовано значительное количество исследований, посвященных различным аспектам данного феномена. Возрастная динамика и особенности развития личности в контексте временной перспективы описаны в работах отечественных ученых [Сырцова 2008; Чуева 2013; Егоренко, Родина 2015]. Вопросы влияния разных периодов экономической нестабильности в России, а также условия негарантированной работы изучены в трудах отечественных авторов [Зарубин, Сырцова 2013; Чуйкова, Сотникова 2017].

Проблемы уровня осмысленности жизненной перспективы и ее отражения на качестве жизни личности поднимаются в ряде исследований [Неяскина, Мазуркевич 2014; Лукьянов, Неяскина 2012; Вечканова, Неяскина, 2011; Проконич 2015; Яницкий, Серый 2012].

Особенности психологического благополучия, преобразования и переживания временной перспективы в трудной жизненной ситуации описаны в публикациях авторов [Квасова 2010; Бакусева, Быховец 2011; Казымова 2016; Емельянова 2020]. Исследования отечественных и зарубежных ученых доказали, что жизненная перспектива является опорой в организации активности в настоящем [Левин 2019;

Головаха 2017; Абульханова-Славская 2001; Гинзбург 1994].

Методы и методики

Метод исследования – опрос, проведенный в январе-феврале 2021 г. с помощью интернет-технологий (электронные Google Формы). Вопросы авторской анкеты включали три блока: когнитивные аспекты оценивания ситуации с пандемией COVID-19 (убеждения, установки о причинах возникновения, степени опасности, возможности контроля и др.); эмоциональное реагирование; поведенческие проявления (в частности, соблюдение мер безопасности, обращение к источникам информации и др.). Применялись следующие методы психодиагностики: опросник временной перспективы Зимбардо (ZTPI), адаптированный О.В. Митиной, Е.Т. Соколовой, А. Сырцовой, методика «Когнитивное оценивание ТЖС» (Е.В. Битюцкая). В исследовании приняли участие респонденты в возрасте от 18 лет и старше, преимущественно относящиеся к периоду ранней взрослости (N = 69). Данные были обработаны методами математической статистики (таблицы сопряженности, частотный, корреляционный анализ).

Результаты исследования

Исследование показало, что влияние на личность ситуации пандемии COVID-19 можно проследить как на когнитивном, эмоциональном, так и на поведенческом уровне. Пандемия сформировала определенные стереотипы и представления о будущем, изменила привычные способы поведения и социального взаимодействия, вызвала много переживаний и в целом отразилась на психологическом благополучии.

В частности было выявлено, что имеются достаточно противоречивые убеждения о пандемии и степени ее опасности для личности и общества. Около 82 % опрошенных рассматривают ее в качестве реальной угрозы, хотя 43,6 % из них считают, что степень опасности от коронавируса несколько преувеличена. Для 12,8 % респондентов COVID-19 сравним с привычными сезонными заболеваниями, которые фактически не несут опасности для

человека. Убеждения 5,1 % касаются представлений о том, что пандемия является «заговором фармацевтических кампаний».

Информацию о пандемии коронавируса респонденты предпочитают не искать целенаправленно, около 8 % признались, что избегают ее. Только 10,3 % регулярно отслеживают новости на данную тему (табл. 1). Большинство респондентов отметили, что просматривают новости о пандемии коронавируса редко, скорее случайно, если они окажутся в поле зрения (48,7 %).

Среди источников информации наиболее популярными были отмечены форумы, блоги социальных сетей в интернете (61,5 %), а также новостные сайты (51,3 %). Наименее востребованными источниками информации оказались радио и телевидение. Радио в качестве источника информации о пандемии не отметил никто из респондентов, а телевидение – 25,6 %. Мнение о пандемии, ее опасности для 35,9 % опрошенных складывается из общения с родственниками, друзьями, знакомыми. Такие результаты могут быть связаны с возрастными особенностями респондентов, а также с уровнем доверия к разным источникам информации.

Сравнивая среднее значение ответов респондентов на вопрос о степени их доверия к различным источникам информации, было выявлено, что наиболее надежными для респондентов являются новостные сайты в интерне-

те ($M = 3,79$), а наименее надежным является телевидение ($M = 2,69$) (табл. 2).

Получая информацию о COVID-19, люди оценивают степень опасности для себя. Для большинства респондентов самым большим опасением, которое вызывает пандемия коронавируса, являются здоровье и благополучие близких (98,7 %). На втором месте по количеству ответов среди угроз пандемии называлось отсутствие специального лечения (71,8 %). Экономические последствия практически не вызывают у респондентов опасений. Отметим, что это может быть связано с возрастными особенностями респондентов – для многих работа не является основным видом деятельности. Около 10 % респондентов отметили, что не видят в пандемии угрозы и она не вызывает у них никаких опасений (см. рисунок).

Мы также можем сравнивать убеждения и реальное поведение людей в ситуации пандемии. Больше половины опрошенных (64,1 %) отметили, что соблюдают лишь некоторые меры предосторожности против коронавируса – ношение маски и перчаток в общественных местах. При этом 30,8 % ответили, что соблюдают все меры безопасности (ношение маски и перчаток, применение средств дезинфекции, соблюдение безопасной дистанции, избегание людных мест). Всего 5,1 % респондентов признались, что не соблюдают данные меры (см. табл. 3).

Таблица 1

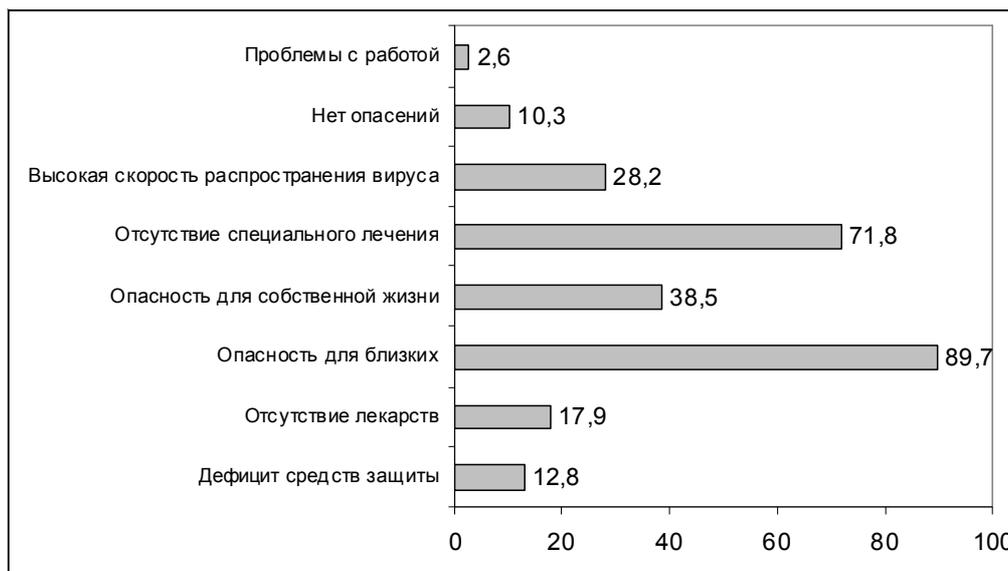
**Процентное распределение ответов на вопрос:
«Как часто Вы обращаетесь за информацией по коронавирусу?»**

Как часто Вы обращаетесь за информацией по коронавирусу?	Проценты
Редко, если попадетсЯ	48,7
Просматриваю от случая к случаю	33,3
Постоянно слежу за ситуацией	10,3
Избегаю новостей об этом	7,7

Таблица 2

Среднее значение по шкале доверия к различным источникам информации

	Степень доверия к телевидению	Степень доверия к новостным сайтам в интернете	Степень доверия к форумам, блогам, сайтам социальных сетей	Степень доверия к разговорам с родственниками, друзьями, знакомыми	Степень доверия к радио
Среднее значение	2,69	3,79	3,54	3,44	2,74



Распределение ответов на вопрос об опасениях, связанных с пандемией COVID-19

Таблица 3

**Процентное распределение ответов на вопрос:
«Какие меры предосторожности вы соблюдаете против коронавируса?»**

Ответ	Какие меры предосторожности вы соблюдаете против коронавируса?
Не соблюдаю	5,1 %
Соблюдаю некоторые меры (ношу маску и перчатки в общественных местах)	64,1 %
Соблюдаю все меры (ношу маску и перчатки, применяю средства дезинфекции, чаще мою руки, соблюдаю безопасную дистанцию, избегаю людные места, стараюсь не покидать дом)	30,8 %

Интересными оказались результаты, отражающие потенциальное влияние пандемии на будущее. На вопрос о том, сможет ли после пандемии все стать как прежде, ответы распределились примерно в равной степени (см. табл. 4). Но при этом более 50 % респондентов указали на то, что влияние ситуации на людей временно. Такое восприятие ситуации свидетельствует об определенной стратегии совладания с ТЖС. Однако только 15 % видят, что пандемия сможет принести возможные позитивные изменения для личности или общества в целом (например, сделает людей более сплоченными, готовыми приходить на помощь). Остальная часть респондентов либо не видит возможных положительных изменений, либо затрудняется с ответом (см. табл. 4).

Большинство респондентов в данный момент не стремится выстроить перспективу своей жизни, опасается строить планы на

будущее. В целом, большинство опрошенных ориентировано на гедонистическое или фаталистическое настоящее. Также выявлена положительная взаимосвязь между ориентацией личности на негативное прошлое и представлениями о фаталистичности настоящего ($r = ,646$, $p = ,000$).

Анализ взаимосвязи временной перспективы и особенностей когнитивного оценивания пандемии как трудной жизненной ситуации представлен в таблице 5.

Результаты демонстрируют, что больше всего признаки ТЖС связаны с восприятием жизни с точки зрения гедонистического настоящего. Чем больше личность оценивает ситуацию с пандемией как непонятную с точки зрения действий ($r = ,376$), создающую сложности в принятии решений ($r = ,479$), сопровождаемая сильными эмоциями ($r = ,410$), и в целом имеющую все признаки трудной жизнен-

Таблица 4

Процентное распределение ответов на вопросы о влиянии пандемии COVID-19

Ответ	Как Вы думаете, после окончания пандемии все сможет стать прежним (как до пандемии)?	Как Вы думаете влияние пандемии на людей временно?	Можно ли назвать влияние пандемии положительным?
Да	40,0 %	51,1 %	15,5 %
Нет	44,4 %	33,3 %	42,2 %
Не знаю	15,6 %	15,6 %	42,3 %

Таблица 5

Взаимосвязь временной перспективы личности и особенностей восприятия пандемии COVID-19

	Перспектива будущего	Гедонистическое настоящее	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее
Общие признаки ТЖС		$r = ,399^*$ $p = ,012$		
Непонятность ситуации		$r = ,376^*$ $p = ,018$		
Затруднения в принятии решения	$r = ,346^*$ $p = ,031$	$r = ,479^{**}$ $p = ,002$		$r = ,325^*$ $p = ,043$
Трудности прогнозирования ситуации			$r = ,628^{**}$ $p = ,000$	
Сильные эмоции		$r = ,410^{**}$ $p = ,010$		

ной ситуации ($r = ,399$), тем больше выражена ориентация личности на гедонистическое настоящее. Это свидетельствует о том, что в результате общего влияния пандемии COVID-19 основными ориентациями у респондентов являются получение сиюминутного удовольствия, импульсивность и в целом беспечное отношение к настоящему. Такое стремление к удовольствиям может быть продиктовано определенной стратегией совладания со стрессом, который был вызван воздействием пандемии.

Акцент личности на свое позитивное прошлое, прошлые успешные решения, полученные навыки, но в то же время недостаточное внимание к настоящему, только усиливает сложности с прогнозированием дальнейшего хода событий ($r = ,628$). Стрессовые реакции, которые сопровождают ТЖС, часто возникают силу необычности сложившихся обстоятельств. В частности, это касается и пандемии, так как мировое сообщество давно не сталкивалось с ТЖС такого масштаба. Исходя из этого, человек не может спрогнозировать ситуацию на основе своего прошлого опыта – его просто нет.

Если личность ориентирована в своей жизни на построение перспективы будущего,

тем больше в ситуации пандемии ее беспокоят не эмоции, а трудности в принятии решений, которые в итоге могут не привести к ожидаемым целям. Это проявляется в убеждениях испытуемых о собственной беспомощности в сложившихся обстоятельствах, когда будущее не зависит от их действий.

Исследуя эмоциональную сферу респондентов, было выявлено, какие именно эмоции сопровождают оценку пандемии как ТЖС, а также их взаимосвязь с жизненной перспективой (см. табл. 6).

Полученные данные показывают, что у человека, ориентированного в восприятии своей жизни на гедонистическое настоящее, наиболее выраженными являются эмоциональные состояния апатии ($r = ,418$) и отчаяния ($r = ,421$), гнева ($r = ,321$) и тревоги ($r = ,320$). Восприятие жизни в ситуации пандемии через призму фаталистического настоящего сопровождается переживанием гнева ($r = ,339$), горя ($r = ,371$) и отчаяния ($r = ,389$). Это говорит о том, что перспектива настоящего в условиях пандемии COVID-19 воспринимается в пассивно-негативном ключе без надежды на положительные изменения, в ожидании отрицательных событий.

**Взаимосвязь временной перспективы личности
и особенностей эмоционального реагирования в ситуации пандемии COVID-19**

Эмоции	Негативное прошлое	Гедонистическое настоящее	Позитивное прошлое	Фаталистическое настоящее
Гнев		r = ,321* p = ,046		r = ,339* p = ,035
Страх			r = ,366* p = ,022	
Отчаяние		r = ,421** p = ,008		r = ,389* p = ,014
Горе				r = ,371* p = ,020
Апатия	r = ,335* p = ,037	r = ,418** p = ,008		
Тревога	r = ,317* p = ,049	r = ,320* p = ,047		
Счастье			r = ,336* p = ,036	

Позитивное прошлое, с одной стороны, позволяет замечать достигнутые для личности события или значимые межличностные отношения, которые дарят человеку ощущение счастья ($r = ,336$), а с другой, усиливают страхи ($r = ,366$), в частности, страх за здоровье близких людей.

Отметим, что в исследовании взаимосвязи эмоций и перспективы ориентации на будущее у респондентов практически не представлено. Такой результат может указывать на проявление эффекта «растянутости» времени, когда человеку в ТЖС будущее кажется чем-то далеким и нереальным. Иногда возможна и обратная тенденция, когда будущее чрезмерно приближается и может казаться, что его не было вообще. В ряде исследований [Березина 2003; Тарабрина 2001; Фоменко 2010] было доказано, что чем более травматично событие для личности, тем более ярко могут проявляться данные эффекты. В свою очередь это приводит к отдалению перспективы будущего. Тем не менее, отсутствие взаимосвязей перспективы ориентации на будущее и отрицательных эмоций, показывает способность личности учитывать реальность, но не отказываться от собственных целей и планов.

Вывод

Таким образом, условия, в которые поставила все мировое сообщество пандемия

COVID-19, отразились на восприятии жизненной перспективы личности, ее субъективного времени.

Пандемия воспринимается респондентами как трудная жизненная ситуация по причине того, что является непонятной с точки зрения действий, создающей сложности в принятии решений, и вызывает сильные эмоции, которые личности сложно контролировать. Пандемия вызывает множество опасений, в частности, за будущее после ее окончания, но в первую очередь актуальны переживания за здоровье близких людей.

Большинство респондентов в данный момент не стремятся выстроить перспективу своей жизни, они ориентированы на гедонистическое или фаталистическое настоящее.

Выявлена взаимосвязь между восприятием жизненной перспективы личности, ее субъективного времени и восприятием пандемии как трудной жизненной ситуации.

Воздействие негативных эмоциональных состояний в большей степени сопровождает человека, ориентированного на проживание настоящего момента. Наиболее ярко выраженными эмоциями, которые сопровождают человека в период пандемии, являются апатия, отчаяние, горе и тревога. Для преодоления стресса от пандемии были выявлены стремления личности либо к получению сиюминутного удовольствия, либо отказ от ответственности за свои действия в настоящем.

Ориентация личности на позитивное прошлое в ситуации пандемии создает трудности для принятия решений, позволяет испытывать счастье, но сопровождается страхами потери этого состояния.

Будущее в данный момент видится многим респондентам как очень расплывчатое и далекое, что не позволяет строить свою жизнь в перспективе, планировать и достигать значимых целей.

Отметим, что для выявления более полных представлений о жизненной перспективе личности в период пандемии, требуется расширение выборки и выявление особенностей переживания жизненной перспективы в разных возрастных группах, а также определение причинно-следственных связей между явлениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова-Славская 2001 – *Абульханова-Славская К.А.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001.
- Анохин 1968 – *Анохин П.К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968.
- Бакусева, Быховец 2011 – *Бакусева Н.Н., Быховец Ю.В.* Сопряженность параметров психологического благополучия и переживания террористической угрозы // *Материалы Итоговой научной конференции Института психологии РАН.* 2011. С. 57–64.
- Березина 2003 – *Березина Т.Н.* Пространственно-временные особенности внутреннего мира личности. М.: МПСИ, 2003.
- Бернштейн 1962 – *Бернштейн Н.А.* Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. М.: Наука, 1962.
- Вечканова, Неяскина, 2011 – *Вечканова Е.М., Неяскина Ю.Ю.* Особенности временной перспективы личности при различных типах актуального смыслового состояния // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки.* 2011. № 2. С. 167–178.
- Гинзбург 1994 – *Гинзбург М.Р.* Психологическое содержание личностного самоопределения // *Вопросы психологии.* 1994. № 3. С. 43–52.
- Головаха 2008 – *Головаха Е., Кроник А.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008.
- Дубровина 1989 – *Дубровина И.В.* (ред.). Формирование личности старшеклассника. М.: Педагогика, 1989.
- Егоренко, Родина 2015 – *Егоренко Т.А., Родина Е.М.* Роль временной перспективы в профессиональном самоопределении студентов // *Современная зарубежная психология.* 2015. Т. 4, № 4. С. 11–15.
- Емельянова 2020 – *Емельянова Е.Н.* Особенности психологической помощи в ситуации пандемии коронавируса. Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика // *Наука и Просвещение.* 2020. С. 142–145.
- Зарубин, Сырцова 2013 – *Зарубин П.В., Сырцова А.* Временная перспектива и экономическая нестабильность: сравнительное исследование 2007 и 2013 гг. // *Психологические исследования.* 2013. Т. 6, № 32. С. 9.
- Казымова 2016 – *Казымова Н.Н.* Жизненная перспектива как фактор устойчивости человека к переживанию террористической угрозы. М.: Институт психологии РАН, 2016.
- Квасова 2010 – *Квасова О.Г.* Временная перспектива личности в экстремальной ситуации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика.* 2010. № 2. С. 66–72.
- Левин 2019 – *Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Академический проект, 2019.
- Леонтьев, Леонтьев, Соколова 2004 – *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005.
- Лукьянов, Неяскина 2012 – *Лукьянов О.В., Неяскина Ю.Ю.* Смысловые детерминанты временной перспективы личности // *Вестник Томского государственного университета.* 2012. № 360. С. 152–157.
- Мандрикова 2008 – *Мандрикова Е.Ю.* Современные подходы к изучению временной перспективы личности // *Психологический журнал.* 2008. Т. 29, № 4. С. 54–65.
- Неяскина, Мазуркевич 2014 – *Неяскина Ю.Ю., Мазуркевич А.В.* Взаимосвязь субъективного качества жизни и временной перспективы личности // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки.* 2014. № 1 (23). С. 94–105.
- Проконич 2015 – *Проконич О.А.* Динамические характеристики временной перспективы личности студентов вуза в процессе обучения // *Russian Journal of Education and Psychology.* 2015. № 1 (45). С. 207–219.
- Ральникова 2019 – *Ральникова И.А.* Психологическое здоровье и жизненные перспективы личности // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта.* 2019. № 4 (15). С. 121–126.
- Регуш 2003 – *Регуш Л.А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. СПб.: Речь, 2003.

- Серенкова 1991 – *Серенкова В.Ф.* Типологические особенности планирования личностного времени: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Ин-т психологии, 1991.
- Сырцова 2008 – *Сырцова А., Митина О.В.* Возрастная динамика временных ориентаций личности // *Вопросы психологии*. 2008. № 2. С. 41–54.
- Тарабрина 2001 – *Тарабрина Н.В.* Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб: Питер, 2001.
- Толстых 1988 – *Толстых Н.Н.* Использование методики неоконченных предложений для изучения временной перспективы // *Научно-методические основы использования в школьной психологической службе конкретных психодиагностических методик*. 1988. С. 95–109.
- Фоменко 2010 – *Фоменко Г.Ю.* Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2010. № 1. С. 83–99.
- Чуева 2013 – *Чуева Н.А.* Возрастная динамика жизненного проектирования // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2013. № 2. С. 284–294.
- Чуйкова, Сотникова 2017 – *Чуйкова Т.С., Сотникова Д.И.* Временная перспектива в условиях негарантированной работы // *Российский психологический журнал*. 2017. Т. 14. № 1. С. 188–213.
- Яницкий, Серый 2012 – *Яницкий М.С., Серый А.В., Прокопич О.А.* Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2012. № 2 (20). С. 175–180.
- Fraisse 1979 – *Fraisse P.* The psychology of time // *Time and the Sciences*. Paris: Unesco, 1979. P. 71–84.
- Frank 1938 – *Frank L.K.* Time perspectives // *Journal of Social Philosophy*. 1938. Vol. 4. P. 293–312.
- Nuttin 2014 – *Nuttin J.* Future Time Perspective and Motivation: Theory and Research Method. N. Y.: Psychology Press, 2014.
- Berezina T.N., 2003. *Spatial-Temporal Features of the Inner World of the Personality*. Moscow, MPSI.
- Bernstein N.A., 1963. *New Lines of Development in Physiology and Their Relationship with Cybernetics*. Moscow, Nauka Publ.
- Vechkanova E.M., Neyaskina Y.Y., 2011. Features of the Temporal Perspective of an Individual with Different Types of Actual Semantic State. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 167-178.
- Ginzburg M.R., 1994. Psychological Content of Personal Self-Determination. *Voprosy psikhologii*, no. 3, pp. 43-52.
- Golovakha E., Kronik A., 2017. Psychological Time of Personality. Moscow, Smysl Publ.
- Dubrovina I.V. (ed.), 1989. *Formation of the Personality of a High School Student*. Moscow, Pedagogika Publ.
- Egorenko T.A., Rodina E.M., 2015. The Role of Time Perspective in the Professional Self-Determination of Students. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, vol. 4, no. 4, pp. 11-15.
- Yemelyanova E.N., 2020. Features of Psychological Assistance in the Situation of the Coronavirus Pandemic, *Management of Socio-Economic Systems: Theory, Methodology, Practice*, pp. 142-145.
- Zarubin P.V, Syrtsova A., 2013. Time Perspective and Economic Instability: A Comparative Study of 2007 and 2013. *Psikhologicheskie issledovaniya*, vol. 6, no. 32, p. 9.
- Kazymova N.N., 2016. *Life Perspective as a Factor of a Person's Resilience to the Experience of a Terrorist Threat Psychology of Everyday and Traumatic Stress: Threats, Consequences and Coping*. Moscow, Institute of Psychology RAS.
- Kvasova O.G., 2010. Temporary Perspective of a Personality in an Extreme Situation. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i Pedagogika*, no. 2, pp. 66-72.
- Levin K., 2019. *Field Theory in the Social Sciences*. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ.
- Leontiev A.A., Leontiev D.A., Sokolova E.E., 2005. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, Smysl Publ.
- Lukyanov O.V, Neyaskina Y.Y., 2012. Semantic Determinants of the Temporal Perspective of an Individual. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 360, pp. 152-157.
- Mandrikova E.Y., 2008. Modern Approaches to the Study of the Temporal Perspective of the Individual. *Psikhologicheskij zhurnal*, vol. 29, no. 4, pp. 54-65.
- Neyaskina Y.Y., Mazurkevich A.V., 2014. The Relationship Between the Subjective Quality of

REFERENCES

Abulkhanova-Slavskaya K.A., 2001. *Personality Time and Life Time*. Saint Petersburg, Aleteya Publ.

Anokhin P.K., 1968. *Biology and Neurophysiology of the Conditioned Reflex*. Moscow, Medicine Publ.

Bakuseva N.N., Bykhovets Yu.V., 2011. The Conjugation of the Parameters of Psychological Well-Being and the Experience of a Terrorist Threat. *Materials of the Final Scientific Conference of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, pp. 57-64.

- Life and the Temporal Perspective of the Individual. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki*, no. 1 (23), pp. 94-105.
- Prokonich O.A., 2015. Dynamic Characteristics of the Temporal Perspective of the Personality of University Students in the Learning Process. *Russian Journal of Education and Psychology*, no. 1 (45), pp. 207-219.
- Ralnikova I.A., 2019. Psychological Health and Life Prospects of the Individual. *Zdorove cheloveka teoriya i metodika fizicheskoy kultury i sporta*, no. 4 (15), pp. 121-126.
- Regush L.A., 2003. *Psychology of Forecasting: Advances in Understanding the Future*. Saint Petersburg, Rech Publ.
- Serenkova V.F., 1991. *Typological Features of Planning Personal Time. Cand. psychol. sci. abs. diss.* Moscow, Institut psihologii.
- Syrtsova A., Mitina O.V., 2008. Age Dynamics of Temporal Orientations of the Personality. *Voprosy psikhologii*, no. 2, pp. 41-54.
- Tarabrina N.V., 2001. *Workshop on the Psychology of Post-Traumatic Stress*. Saint Petersburg, Peter Publ.
- Tolstykh N.N., 1988. *Using the Technique of Unfinished Sentences for Studying the Time Perspective. Scientific and Methodological Foundations for the Use of Specific Psychodiagnostic Techniques in the School Psychological Service*. Moscow, Akademiya pedagogicheskikh nauk USSR.
- Fomenko G.Y., 2010. Psychology of Personal Security: Theoretical and Methodological Foundations of Institutionalization. *Yuzhno-rossijskij zhurnal socialnykh nauk*, no. 1, pp. 83-99.
- Chueva N.A., 2013. Age Dynamics of Life Design. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 284-294.
- Chuikova T.S., Sotnikova D.I., 2017. Time Perspective in Conditions of Non-Guaranteed Work. *Rossiiskij psikhologicheskij zhurnal*, vol. 14, no. 1, pp. 188-213.
- Yanitskiy M.S., Seryy A.V., Prokonich O.A., 2012. Features of the Temporal Perspective of the Personality of Representatives of Various Value Types of Mass Consciousness. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki*, no. 2 (20), pp. 175-180.
- Fraisse P., 1979. *The Psychology of Time. Time and the Sciences*. Paris, Unesco Publ.
- Frank L.K., 1938. Time Perspectives. *Journal of Social Philosophy*, vol. 4, pp. 293-312.
- Nuttin J., 2014. *Future Time Perspective and Motivation: Theory and Research Method*. New York, Psychology Press.

Information About the Authors

Tatiana S. Timofeeva, Senior Teacher, Department of Psychology and Pedagogy, Psychologist of the Laboratory of General and Experimental Psychology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, timofeeva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2096-1450>

Alina V. Belikova, student, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, psb-181_695281@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7796-8464>

Информация об авторах

Татьяна Сергеевна Тимофеева, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики, психолог лаборатории общей и экспериментальной психологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, timofeeva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2096-1450>

Алина Вадимовна Беликова, студент, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, psb-181_695281@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7796-8464>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.16>

UDC 316.473

LBC 60.524

SOCIAL READINESS FOR THE CONSEQUENCES OF THE PANDEMIC: SOCIOLOGICAL VIEW

Alexander V. Voytov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry, Volgograd, Russian Federation

Dmitry V. Gladkov

Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Volgodonsk, Russian Federation

Abstract. The speed of development and transformation of modern society is directly related to the conditions in which people live. The development of science and technology leads to transformations in social structures. The article analyzes the concept of social readiness in relation to the consequences of a number of social transformations, in particular, the coronavirus infection pandemic. Connections, interactions and relationships in all spheres of society have changed dramatically over the past year. These changes in the article are compared with the consequences of the Spanish Flu pandemic, which took place more than a hundred years ago. The article reveals the peculiarities of the perception of quarantine measures, distance learning and other consequences of self-isolation due to coronavirus infection by various categories of citizens, these conclusions are made based on the analysis of qualitative and quantitative sociological data. When disclosing the concept of «social readiness», attention is paid to both internal and external factors - factors of the social environment. Among the external factors, as an example, the measures introduced after the start of the pandemic by the governments of different countries, including the Russian Federation, are given in relation to various categories of citizens. Elderly citizens, the working-age population and students are the object of research of this article. The features of the perception of work in the online format, compulsory and voluntary self-isolation, distance education in departmental and civil universities by students are considered. The empirical basis of the work was semi-structured interviews with representatives of these social groups, a questionnaire survey among one of the categories of citizens, as well as a secondary analysis of sociological research. The conducted research allowed us to conclude that the age and perception of the threat of coronavirus infection for oneself are important internal factors affecting social readiness for the consequences of the pandemic; among the external factors, socialization agents and government measures have a great influence. Promising directions for further research are indicated.

Key words: social readiness, self-isolation, distance learning, social environment, work space, social practices, social interaction.

Citation. Voytov A.V., Gladkov D.V. Social Readiness for the Consequences of the Pandemic: Sociological View. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 143-153. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.16>

УДК 316.473

ББК 60.524

СОЦИАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ К ПОСЛЕДСТВИЯМ ПАНДЕМИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Александр Владимирович Войтов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Дмитрий Викторович Гладков

Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России,
г. Волгодонск, Российская Федерация

Аннотация. Скорость развития и трансформации современного социума напрямую связана с теми условиями, в которых живут люди. Развитие науки и техники ведет к трансформациям в социальных структурах. В статье анализируется понятие социальной готовности применительно к последствиям ряда социальных трансформаций, в частности – пандемии коронавирусной инфекции. Связи, взаимодействия и отношения во всех сферах жизни общества за последний год изменились кардинальным образом. Указанные изменения в статье сравниваются с последствиями пандемии «испанского гриппа», имевшими место более ста лет назад. На основании широкого спектра анализа качественных и количественных социологических данных раскрываются особенности восприятия различными категориями граждан карантинных мер, дистанционного обучения и других последствий самоизоляции, связанных с коронавирусной инфекцией. При раскрытии понятия «социальная готовность» обращается внимание как на внутренние факторы, так и на внешние – факторы социальной среды. Среди внешних в качестве примера приводятся меры, вводимые после начала пандемии правительствами разных стран, в том числе Российской Федерации, по отношению к различным категориям граждан. В качестве объекта исследования выступают пожилые граждане, трудоспособное население, а также студенческая молодежь. Рассматриваются особенности восприятия работы в онлайн-формате, обязательная и добровольная самоизоляция, дистанционное образование в ведомственных и гражданских вузах обучаемыми. Эмпирической основой работы выступили полуструктурированные интервью с представителями данных социальных групп, анкетный опрос среди одной из категорий граждан, а также вторичный анализ социологических исследований. Проведенное исследование позволило сделать вывод: важными внутренними факторами, влияющими на социальную готовность к последствиям пандемии, является возраст и восприятие угрозы коронавирусной инфекции лично для себя; среди внешних факторов большое влияние оказывают агенты социализации и меры государственного воздействия. Обозначаются перспективные направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: социальная готовность, самоизоляция, дистанционное обучение, социальная среда, рабочее пространство, социальные практики, социальное взаимодействие.

Цитирование. Войтов А. В., Гладков Д. В. Социальная готовность к последствиям пандемии: социологический взгляд // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 143–153. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.16>

Трансформации, происходившие в мире до XX века, имели временную протяженность, измеряемую годами, десятилетиями, столетиями. Сохранялась преемственность в развитии сложных обществ, проявляющаяся в устойчивости цивилизаций при возникающих угрозах и вызовах. XX век с его научно-техническим прогрессом, демографическими взрывами, мировыми войнами и революциями был одним из выдающихся за последнюю тысячу лет. Однако по скорости преобразований во всех сферах жизни 2020 г. стал особенным из-за разразившейся пандемии (SARS-CoV-2) и «перестройки» образа жизни граждан по всему миру. Вследствие чего изменения произошли практически во всех секторах *экономики*: обвал международного туризма, но небольшой всплеск на рынке внутреннего туризма, уменьшение транспортных потоков, снижение потребления топлива, рост онлайн-торговых площадок и т. д. Изменилась *культурная жизнь* людей: вместо живых концертов и выставок – посещение онлайн-площадок, подписки на онлайн-кинотеатры, увеличение в 3 раза продаж книг через онлайн-магазины, переход на дистанционное образо-

вание и др. Изменилась и *политическая сфера*: от граждан исходят новые требования к государству – защитить их жизни, их бизнес; новые формы протестов: «митинги игрушек», «овощные митинги», сходы, видеообращения медиков и т. д. Существуют и другие изменения в различных социальных институтах, включая семью, религию, СМИ, медицину, которые становятся объектом многочисленных исследований ученых по всему миру [Anwar et al. web; Cai 2020].

В данной статье социальные изменения не выступают объектом исследования, а обозначаются для демонстрации существенных перемен в жизни людей, выдвигая пандемию коронавируса в качестве более «сильного» детерминанта, даже в сравнении с пандемией, произошедшей около ста лет назад, получившей название «испанский грипп». Как отмечает российский микробиолог, полковник медицинской службы запаса, автор исследований по истории эпидемий чумы и других особо опасных инфекций М.В. Супотницкий: «Количество умерших от «испанки» было выше количества погибших на всех фронтах первой мировой войны. По-видимому, белело

не меньше 550 млн человек, а погибло 20–25 млн – более 1 % всей численности населения планеты того времени» [Супотницкий 2006, 32]. На наш взгляд, благодаря упомянутому выше научно-техническому прогрессу и развитию информационных технологий коронавирусная инфекция, несмотря на меньшие человеческие жертвы, внесла больше изменений в социальные практики различных обществ на территории более 200 стран мира.

Вот почему внимание авторов статьи было сосредоточено на особенностях субъективного восприятия подобных изменений различными категориями населения, в том числе под целенаправленным воздействием государства на отдельные социальные группы.

Целью данной статьи является оценка и анализ социальной готовности различных категорий населения к последствиям пандемии. Прежде всего, необходимо определиться с понятием «социальная готовность», которая, на наш взгляд, должна включать такие компоненты как: социальные ожидания различных групп населения; определенное поведение, опосредуемое как формальными нормами и требованиями, выраженными в форме законов и предписаний, так и неформальными социальными установками, выраженными в оценке и восприятии социальной группой определенного поведения.

Таким образом, по нашему мнению, социальная готовность должна включать не только объективную реальность социальных практик, но и субъективную оценку переживаемого состояния. Субъективная оценка, по нашему мнению, должна включать элементы адаптационной готовности, выделяемые Р.М. Шамяновым: представления личности о своих возможностях; представления о значимости сфер активности для самореализации [Шамянов 2012]; а также ряд элементов применительно к условиям пандемии коронавирусной инфекции (SARS-CoV-2): оценка опасности последствий пандемии лично для себя, своего здоровья и здоровья близких; имеющийся социальный опыт в периоды неопределенности.

Социальная готовность, как и социальная адаптация, приобретает особую актуальность для личности в условиях изменяющейся реальности современного мира,

усиливающейся неопределенности, рискогенности и перманентных общественных изменений. С момента начала пандемии, весь мир находился в состоянии неопределенности. Как для человека, взаимодействующего с социумом, так и для гражданина, взаимодействующего с государством, вне зависимости от общества, в котором он проживает, внешняя среда могла предложить лишь два пути, две противоположные модели поведения, которые и выступили аттракторами в периоды неопределенности:

– полное отрицание угрозы и консерватизм в вопросах трансформации социальных отношений;

– добровольная самоизоляция и переход к новым форматам трудовой, учебной и досуговой деятельности.

Исходя из всего вышперечисленного, предлагается понимать социальную готовность как комплексный, многокомпонентный феномен, обусловленный измененными социальными практиками, в которые включен индивид, его субъективные убеждения и поиски равновесия с социальной средой.

При изучении социальных практик, на наш взгляд, необходимо обратить внимание не столько на культурные и этнические компоненты, сколько на меры государственного воздействия, влияющие на поведение. Важно отметить, что правительства всех стран мира принимают различные меры: от сознательного игнорирования новой угрозы (правительство Швеции) до широких локдаунов, остановки целых секторов экономики и введения жестких карантинных мер для граждан. Правительство Российской Федерации в марте 2020 г. выделило ряд категорий граждан, в отношении которых предпринимались весьма конкретные решения [Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206... web; Указ Президента от 02.04.2020 № 239... web; Указ Президента от 28.04.2020 № 294... web]:

1. Трудоспособное население (временно неработающие) – изначально предоставлялись «каникулы» с сохранением заработной платы и последующим переводом на дистанционную форму работы.

2. Люди старшего возраста (старше 65 лет) – ограничения передвижений, а работающим пенсионерам – больничные.

3. Школьники и студенческая молодежь – перевод на дистанционную форму обучения.

4. Родители детей, не достигших 16-летнего возраста – меры финансовой поддержки.

Для всестороннего анализа социальной готовности различных категорий населения к последствиям пандемии необходимо соотнести и выявить индикаторы четырех, указанных ранее элементов субъективной оценки ситуации, с мнением первых трех групп. Данные группы представляют различные возрастные когорты, а также предпочтительны по отношению к другим, поскольку меры воздействия оказали более пролонгированное действие, нежели разовые выплаты на детей в возрасте до 16 лет.

Методами, используемыми в данном исследовании, выступили полуструктурированные интервью с представителями данных социальных групп (по 10 интервью с представителями каждой категории), анкетный опрос студенческой молодежи (200 онлайн-анкет для студентов, курсантов и слушателей в гражданских и ведомственных вузах г. Волгограда и г. Волгодонска, метод гнездовой выборки), а также вторичный анализ ряда исследований [Опросы... web; Корона-Зонд... web; Опрос студентов... web.]. В гайде полуформализованного интервью содержались вопросы о конкретных мерах, принятых в отношении респондента, а также самим респондентом после начала пандемии, как изменилась их жизнь; оценке ситуации и

своего положения; перспективах и планах при дальнейшей стабилизации ситуации и т. д. Онлайн-анкеты содержали 12 вопросов о восприятии и оценке последствий пандемии лично для студентов и курсантов. В последствии результаты были сопоставлены с «интегральными индексами» и «тренд-индексами» количественных опросов о влиянии пандемии на образ жизни граждан, их проблемы с финансами, работой, взаимоотношения с близкими и коллегами, психологические трудности.

При изучении первой группы (трудоспособного населения в возрасте от 23 до 60 лет) важно отметить одну особенность, выявленную в ходе интервью – чем ниже возраст респондентов, тем лучше они оценивают социальные последствия пандемии лично для себя, включая и возможность заболеть: «Мне кажется я уже переболел, почти как простуда, только запахов не чувствовал... Но дистанционно оказалось удобнее работать, по крайней мере нет необходимости тратить время и деньги на проезд» (Денис Б., наемный рабочий 28 лет). В данном случае ответ коррелирует с популярным ответом при количественном опросе трудоспособного населения, проведенный порталом «Работа в России»: Работа в удаленном режиме [Опросы... web] (время проведения 03.05.2020 – 09.06.2020, количество опрошенных онлайн – 55 022 чел.) (рис. 1).

Другой респондент отметил: «Моя работа связана с командировками, встречами с

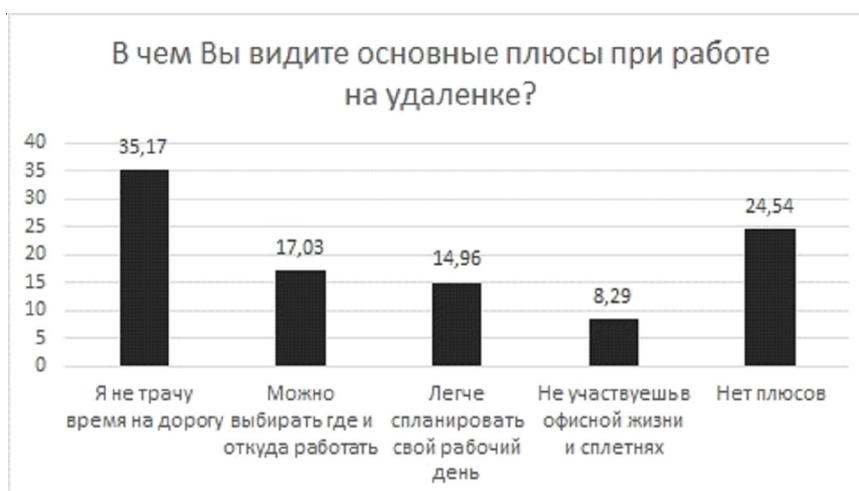


Рис. 1. Плюсы удаленной работы, в %

людьми и презентациями продукции. В прошлом году почти все делал через Skype и Zoom, возможности добавить красочную презентацию или видео облегчают работу. Надеюсь в этом году смогу еще и лично с клиентами встречаться» (Александр Б., торговый представитель 38 лет). Данные интервью коррелируют с данными социологических исследований [Опросы... web], согласно которым 21,1 % респондентов признались, что им тяжело сосредоточиться дома, а эффективность работы снижается; 22,85 % опрошенных отметили, что их отвлекают домочадцы (рис. 2).

Полученные нами данные подтверждают, что распространенным недостатком удаленной работы являются отвлекающие от работы факторы: «Из дома тяжело работать, особенно когда дети тоже дома – они думают, что у мамы выходные и постоянно лезут в экран» (Наталья В., педагог 43 года).

По общему мнению опрошенных из данной категории населения к последствиям пандемии можно привыкнуть при условии сохранения работы и дохода, а также общении с друзьями и родственниками онлайн. Важно отметить, что после мая 2020 г. около 60 % опрошенных вернулись к «достаточно» привычному образу жизни, поскольку сферы торговли и производства продолжали работать: «Сельское хозяйство всегда должно работать, несмотря на эпидемии и другие ЧС. Люди всегда хотят кушать. Вот мы и работаем» (Сергей Р., фермер 40 лет).

Относительно работы в условиях пандемии мнения информантов нашего исследования полностью коррелируют с результатами исследования Е.П. Евдокимовой, которая отмечает происходящую трансформацию восприятия понятия «рабочее место и рабочее время», увеличение функциональной нагрузки на жилище, инициацию ревизии значимости непосредственных межличностных контактов в разных сферах жизнедеятельности [Евдокимова 2020].

Таким образом, социальная готовность работающего населения к последствиям пандемии определяется многими факторами, выделенными нами ранее, однако крайне важными оказываются два из них – представления личности о своих возможностях, включая возможности изменения графика трудовой деятельности и способа ее реализации, о возможности осваивать новые формы и форматы работы, получать дополнительное образование; а также представления о значимости сфер активности для самореализации. Данный компонент включает, прежде всего, трудовую активность, а соответственно лояльность работодателя к удаленной работе, возможности трансформации жилого пространства в «рабочее место», ненормированный характер «рабочего времени», сохранения уровня заработной платы, новые обязанности и т. д. Немаловажным фактором являются внешние социальные практики, а именно государственная политика в данном направлении, в част-

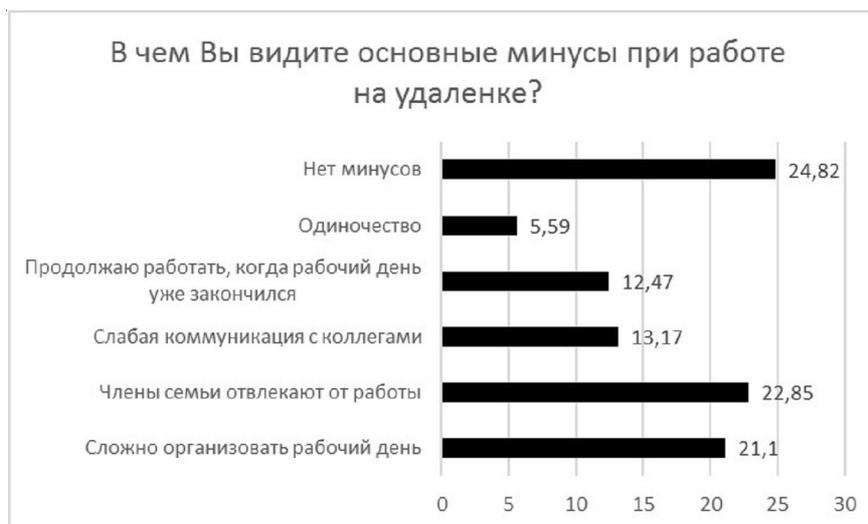


Рис. 2. Минусы удаленной работы, в %

ности отсрочки по налогам для малого и среднего бизнеса, по страховым взносам для микропредприятий, для бизнеса в выплате кредитов; возможность бесплатно пролонгировать кредиты физическим лицам.

Другой изучаемой категорией населения стали представители «старшего поколения» - лица старше 65 лет (как работающие, так и не работающие пенсионеры). В отношении данной категории граждан дольше всего действовали ограничительные меры – больничные [Постановление Правительства РФ от 01.04.2020 года № 402... web] (в отсутствие болезни) и ряд ограничений, например, в Москве и некоторых других регионах временно не действовали льготы на проезд в общественном транспорте. Важно отметить, что ограничения в разных регионах носили как рекомендательный, так и строгий, обязательный характер, включая и обязательные меры по самоизоляции. При этом данное понятие использовалось не в дефиниции Всемирной Организации Здравоохранения, где самоизоляция – важная профилактическая мера, принимаемая самостоятельно людьми с симптомами COVID-19 для предупреждения заражения окружающих, в том числе членов семьи.

В России под самоизоляцией понимались также ограничения передвижения, которые могут быть как добровольными и рекомендованными на фоне опасности заражения вирусным заболеванием, так и принудительными, введенными в связи с объявлением чрезвычайной ситуации или введением режима повышенной готовности, когда граждане должны ограничить свои передвижения и контакты для сдерживания эпидемии.

Большинством граждан РФ самоизоляция воспринимается как социальная изоляция или отторжение человека / социальной группы от окружающих людей в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и отношений. Информанты заявляли об этом в интервью: «Да, мы с мужем на самоизоляции, но иногда приезжают дети, оставляют внуков... гипермаркет посещаем пару раз в неделю... с друзьями и знакомыми стали реже встречаться – где-то раз в две недели». Единственное ограничение, отмеченное информантом, – перестали посещать культур-

но-массовые мероприятия: «В театр не ходим, на концерты. В кино не ходим... да мы и до этого не ходили» (Татьяна Г., работающий пенсионер 71 год).

Было выявлено диаметрально противоположное отношение к самоизоляции. Так, часть информантов самоизоляцию воспринимают довольно позитивно, они находят в данной ситуации свои плюсы: «Очень хорошо на самоизоляции – много дел по дому успела сделать, которые до этого постоянно не успевала, начала (вновь) читать» (Татьяна Г., работающий пенсионер 71 год).

Другие негативно оценивают ситуацию: «Работы стало меньше, а как я без работы?! Денег не хватает, все дорого – в магазине, в аптеке...» (Вера Н., работающий пенсионер (коммерция) 60 лет).

Также среди информантов присутствовало мнение, что их жизнь особо не изменилась: «Как жили, так и живем... домашними делами занимаемся» (Тамара В., пенсионер 69 лет). «По телевизору постоянно про эту пандемию, но я думаю ничего страшного, мы-то куда выходим?!» (Тамара В., пенсионер 69 лет).

Однако были и те информанты, которые достаточно серьезно относятся к рекомендациям ВОЗ и министерства здравоохранения РФ: «Я ни с кем не встречаюсь лично – дети привозят продукты и оставляют их у двери, где я оставляю гостинцы и подарки для внуков... Общаемся по интернету, skype и т. д.» (Михаил Н., неработающий пенсионер 65 лет).

Относительно данной категории граждан социальная готовность обеспечивается как внутренними мотивами, связанными с высокой опасностью заболеть новой болезнью и тяжестью ее последствий, так и внешними – широким спектром мер государственного воздействия, в том числе через средства массовой информации – телевидение. В то же время, государство действует не только запретными мерами, но и мерами поддержки, что также было отмечено некоторыми информантами: «Пока продлевают режим больничных для 65+, я буду дома» (Олег Я., работающий пенсионер 66 лет); «Я хожу иногда на работу, когда завал или попросят, но из-за продлений больничных для пенсионеров, работа на эти полгода стала хобби, могу полениться и не

прийти» (Лариса В., работающий пенсионер 70 лет). Относительно внутренней мотивации, обеспечивающей социальную готовность «старшего поколения» к последствиям пандемии примечателен ответ одного информанта: «Мы воспитаны при коммунизме, когда сказано – сделано. Если вводят маски – надо носить маски, если нельзя выходить лишней раз из дома – не будем» (Владимир В., пенсионер 72 года). Тем самым мы отмечаем воздействие первичной социализации на внутренние мотивы граждан, сформированные в условиях социалистического государства, когда решения государственного аппарата подлежат обязательному принятию и исполнению.

В результате анализа ответов информантов можно выделить три категории среди старшего поколения по критерию воздействия самоизоляции на образ жизни, а соответственно на социальную готовность к последствиям пандемии:

1) те, чей образ жизни не изменился: а) те, кто, рискуя, не уходит на самоизоляцию (продолжают работать в коммерческой сфере); б) те, кто и до пандемии вел изолированный образ жизни, и самоизоляцию воспринял нормально, а возможно не почувствовал ее;

2) те, кто, понимая угрозу для своего здоровья, самостоятельно принял решение о самоизоляции;

3) работающие пенсионеры, которые вынуждены изменить привычный образ жизни – они не ходят на работу, теряют социальные связи в профессиональной среде и выходят из положения двумя способами: женщины нахо-

дят себя в домашних заботах, встречах с внуками, рукоделии; мужчины же реже находят занятие дома (за исключением частного дома) и все больше внимания уделяют просмотру телевидения (реже интернет).

Таким образом, обладание большим социальным опытом в периоды неопределенности, а также осознание реальности угрозы нового вируса для себя и близких меняют социальные практики пожилых людей в большей степени, нежели других категорий населения. Старшее поколение дисциплинированно относится к угрозам и последствиям пандемии и в целом готово к самоизоляции, однако многие ждут поддержку (не только материальную) от государства и близких в таких условиях неопределенности.

Крайне неоднозначной категорией для анализа выступила студенческая молодежь. Диаметрально противоположные мнения были выявлены относительно восприятия последствий пандемии для себя лично (рис. 3).

В результате дальнейшего анализа была выявлена причина столь разных оценок – признак подведомственности образовательного учреждения: так 85 % оценивших последствия как «полностью положительные» и «скорее положительные» получают образование в гражданских вузах. Среди высказываний информантов примечательным является следующее: «Дистанционное образование позволило участвовать в международных конференциях и других мероприятиях, а также параллельно с обучением заниматься хобби» (Анастасия Т., 19 лет). 80 % курсантов и слушате-

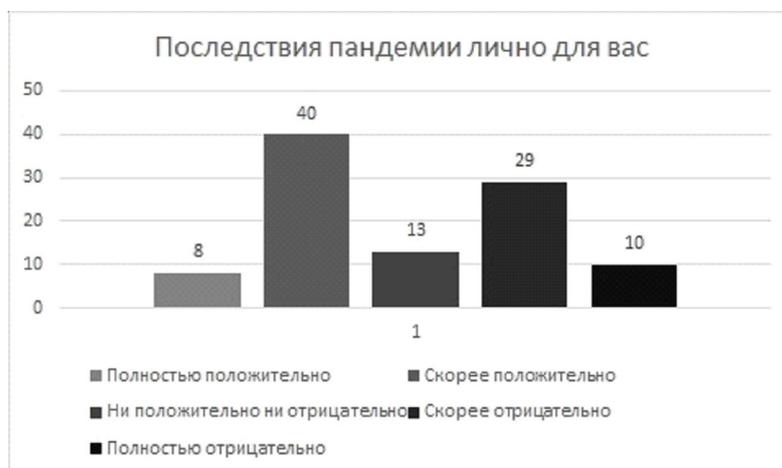


Рис. 3. Оценка последствий пандемии для себя, в %

лей образовательных учреждений МВД, участвовавших в исследовании, оценивают последствия пандемии «скорее отрицательно» и «полностью отрицательно». Некоторые информанты отмечают отсутствие практических занятий и несовершенство дистанционного формата: «При очном формате обучения знаний больше остается и есть возможность изучать практические дисциплины, а также огневая и физическая подготовка, которая практически невозможна на удаленке» (Игорь С., 20 лет); «Скорее недоволен, так как дистанционное обучение не было эффективным, а наряды и дежурства никто не отменял» (Федор Г., 19 лет).

В результате анализа полуструктурированных интервью была выявлена особенность дистанционного образования, которую отмечали все информанты – отсутствие привычного контроля за работой студентов как на лекциях, так и на семинарских занятиях, ответственность переносилась на самодисциплину студентов, которые находили инновационные способы работы на занятиях: «Мои одногруппники работали на нескольких устройствах одновременно – телефон, компьютер, в том числе на зачетах и экзаменах» (Даниил Л., 21 год); «Те, кто были не готовы, писали в чат, что у них не работает микрофон или камера, те кто прогуливал – ссылались на проблемы с подключением» (Ольга Б., 20 лет). Подобную проблему затрагивали в своем исследовании, касающемся истории развития онлайн-обучения и возможных путей трансформации, американские исследователи Сингх и Турман [Singh, Thurman 2019].

В данных условиях важна эффективная практическая реализация системы организации ДО в вузах при обучении студентов в условиях вирусной пандемии, которая оказывается возможной при наличии заранее подготовленной телекоммуникационной и кадровой инфраструктуры [Абрамян, Катасонова 2020].

Данные позиции отражены также в результатах совместного проекта Института образования НИУ ВШЭ, Центра внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ и Института образования ТГУ [Опрос студентов... web] (период исследования: 24.05.2020–01.06.2020 выборка 23 314 чел.) (рис. 4).

Кроме того, примечательным является кейс, о котором рассказал один из информантов, по его словам, инициативная группа студентов обратилась к руководству факультета с просьбой снизить стоимость обучения, поскольку занятия проводятся в дистанционной форме, что не предполагается «договором», в результате чего очные занятия для данного факультета были возобновлены.

Таким образом, можно отметить, что созданные вузами и государством условия для дистанционного образования в отсутствие у курсантов и студентов должного уровня внутренней мотивации и готовности не создали предпосылки к формированию социальной готовности к последствиям пандемии. Также молодежь в большей мере нарушала установленные правила самоизоляции, встречаясь группами, не соблюдая масочный режим и социальную дистанцию, что во многом объясняется малым социальным опытом в периоды неопределенности, а также недооценкой

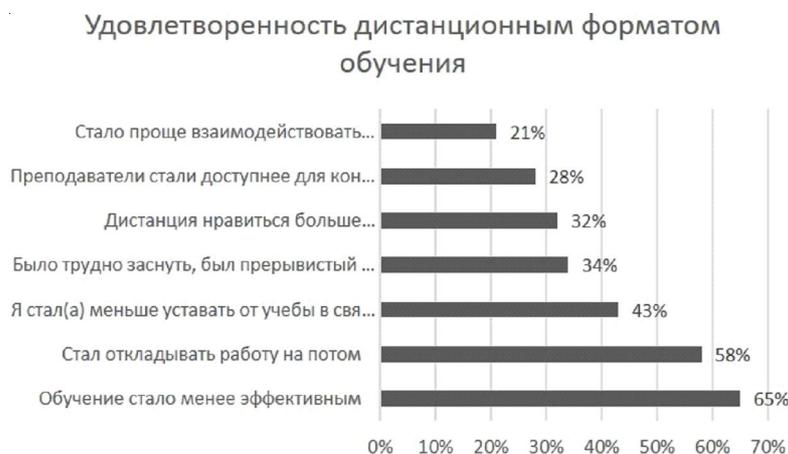


Рис. 4. Оценка дистанционного обучения, в %

угрозы в лице нового вируса. В данных условиях, а также при наличии выделяемых [Матвиенко 2016] социально-экономических, демографических, политических, коммуникационных и некоторых факторов внешнего воздействия, вероятно протестная (оппозиционная) активность молодежи, с крайними ее проявлениями в форме экстремизма.

Рассмотренные категории населения и их социальная готовность к последствиям пандемии позволяют сделать ряд выводов:

– возраст, а, соответственно, имеющийся социальный опыт в периоды неопределенности имеют определяющее воздействие на социальную готовность к последствиям пандемии. Дополнительным воздействующим фактором выступает субъективное восприятие реальной угрозы для жизни и здоровья граждан, чья связь с возрастом респондентов также была зафиксирована;

– меры государственного воздействия воспринимаются гражданами как необходимые и своевременные, хотя и требуют детальной проработки и уточнений;

– последствия пандемии, включая режим самоизоляции и дистанционное обучение, трансформировали социальные практики всех категорий граждан, перенеся в онлайн-сферу разнообразные социальные взаимодействия и расширив функциональную нагрузку жизненного пространства граждан. Появилось несколько иное понимание своего социального окружения, включая отношения с родственниками и коллегами.

Несмотря на проведенный анализ, не были учтены другие важные категории граждан, у которых существует корпоративная культура: медицинские работники, работники образовательных организаций, государственные служащие и военнослужащие, сотрудники IT-компаний, сферы услуг и др., что позволило бы взглянуть на ситуацию под другим углом и выявить иные факторы и признаки социальной готовности к последствиям пандемии, которые фрагментарно изучаются как отечественными [Абрамян, Катасонова web; Kozlovskaya et al. 2020], так и зарубежными исследователями [Segal et al. 2020; Dhawan 2020]. Изучение корпоративной культуры вышеупомянутых социально-профессиональных групп формирует как формальные, так и не-

формальные отношения в данных сообществах, а соответственно восприятие и социальную готовность к последствиям пандемии. Также важно отметить, что вызовы и угрозы нового времени трансформируют социальные практики в большей мере, нежели идеологические и пропагандистские меры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамян, Катасонова web – Абрамян Г.В., Катасонова Г.Р. Особенности организации дистанционного образования в вузах в условиях самоизоляции граждан при вирусной пандемии [Современные проблемы науки и образования. 2020. № 3] // <https://science-education.ru/article/view?id=29830>.
- Евдокимова 2020 – Евдокимова Е.П. Трансформация повседневных практик городского населения России в условиях пандемии COVID-19 // Социология и право. 2020. № 4. С. 32–41.
- КоронаЗонд... web – КоронаЗонд. Ежедневные опросы ФОМ. 2021 [Сайт ФОМ] // <https://fomru.sharepoint.com/:x/s/inFOM/EUuLyWmcTANPqsNzbERFxuEBMNPmEXBiHUXUm3OZm4VKhA?time=KqAR6GXQ2Eg>.
- Матвиенко 2016 – Матвиенко Е.А. Экстремизм как социальная болезнь: причины и профилактика // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 159–163.
- Опрос студентов... web – Опрос студентов российских вузов об условиях дистанционного обучения [Сайт Центра внутреннего мониторинга] // <https://cim.hse.ru/covidsurvey>.
- Опросы... web – Опросы [Портал «Работа в России»] // <https://trudvsem.ru/information/questionnaire/list>.
- Постановление Правительства РФ от 01.04.2020 года № 402... web – Постановление Правительства Российской Федерации от 01.04.2020 № 402 “Об утверждении Временных правил оформления листков нетрудоспособности, назначения и выплаты пособий по временной нетрудоспособности в случае карантина застрахованным лицам в возрасте 65 лет и старше” // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020018>.
- Супотницкий 2006 – Супотницкий М.В. Пандемия «Испанки» 1918–1920 гг. в контексте других гриппозных пандемий и «птичьего гриппа» // Медицинская картотека. 2006. № 11. С. 31–34.
- Указ Президента от 02.04.2020 № 239... web – Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с рас-

- пространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // <http://base.garant.ru/73835022/>.
- Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206... web – Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // <http://base.garant.ru/73793643/>.
- Указ Президента от 28.04.2020 № 294... web – Указ Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // <http://base.garant.ru/73964751/>.
- Шамянов 2012 – Шамянов П.М. Соотношение адаптационной готовности и социальной активности личности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5, № 2. С. 72–80.
- Anwar et al. web – Anwar A., Malik M., Raees V., Anwar A. Role of Mass Media and Public Health Communications in the COVID-19 Pandemic [Cureus. 2020. № 12 (9)] // https://www.researchgate.net/publication/344307068_Role_of_Mass_Media_and_Public_Health_Communications_in_the_COVID-19_Pandemic.
- Cai web – Cai H. Sex Difference and Smoking Predisposition in Patients with COVID-19 [Lancet Respiratory Medicine. 2020. № 84 (4)] // https://www.researchgate.net/publication/346585660_Sex-based_clinical_and_immunological_differences_in_COVID-19.
- Dhawan 2020 – Dhawan S. Online Learning: A Panacea in the Time of COVID-19 Crisis // Journal of Educational Technology Systems. 2020. Vol. 49 (1). P. 5–22.
- Kozlovskaya et al. 2020 – Kozlovskaya L., Pinaeva A., Ignatyev G., Selivanov A., Shishova A., Kovpak A., Gordeychuk I., Ivin Y., Berestovskaya A., Prokhortchouk E., Protsenko D., Rychev M., Ishmukhametov A. Corrigendum to Isolation and Phylogenetic Analysis of SARS-CoV-2 Variants Collected in Russia During the COVID-19 Outbreak // International Journal of Infectious Diseases. 2020. № 99. P. 40–46.
- Segal et al. 2020 – Segal D., Rotschild J., Ankory R., Kutikov S., Moaddi B., Verhovsky G., Benov A., Twig G., Glassberg E., Fink N., Bader T., Karp E. Measures to Limit COVID-19 Outbreak Effects Among Military Personnel: Preliminary Data // Military Medicine. 2020. № 185 (9–10). P. 1624–1631.
- Singh, Thurman 2019 – Singh V., Thurman A. How Many Ways Can We Done Online Learning? A Systematic Literature Review of Denitions of Online Learning (1988–2018) // American Journal of Distance Education. 2019. № 33 (4). P. 289–306.
- Abrahamyan G.V., Katasonova G.R., 2020. Features of the Organization of Distance Education in Universities in the Conditions of Self-Isolation of Citizens During a Viral Pandemic. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29830>.
- Evdokimova E.P., 2020. Transformation of Everyday Practices of the Urban Population of Russia in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Sotsiologiya i pravo*, no. 4, pp. 32–41.
- Crown Probe. FOM daily polls. 2021. URL: <https://fomru.sharepoint.com/:x/s/inFOM/EUuLyWmcTANPqsNzbERFfxuEBMNPmEXBiHUXUm3OZm4VKhA?rttime=KqAR6GXQ2Eg>.
- Matvienko E.A., 2016. Extremism as a Social Disease: Causes and Prevention. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, no. 3 (38), pp. 159–163.
- Survey of Students of Russian Universities on the Conditions of Distance Learning 2021. URL: <https://cim.hse.ru/covidsurvey>.
- Polls. Portal “Work in Russia”. URL: <https://trudvsem.ru/information/questionnaire/list>.
- Supotnitskiy M.V., 2006 The Spanish Flu Pandemic 1918–1920 in the Context of Other Influenza Pandemics and Avian Influenza. *Meditinskaya kartoteka*, no. 11. pp. 31–34.
- Resolution of the Government of the Russian Federation of 01.04.2020 No. 402 «On Approval of the Temporary Rules for the Issuance of Certificates of Incapacity for Work, the Appointment and Payment of Benefits for Temporary Incapacity for Work in the Event of Quarantine to Insured Persons Aged 65 and Over». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020018>.
- Decree of the President of the Russian Federation of 02.04.2020 No. 239 «On Measures to Ensure the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population on the Territory of the Russian Federation in Connection with the Spread of a New Coronavirus Infection (COVID-19)». URL: <http://base.garant.ru/73835022/>.
- Decree of the President of the Russian Federation of March 25, 2020 No. 206 «On the Announcement of Non-Working Days in the Russian Federation». URL: <http://base.garant.ru/73793643/>.
- Decree of the President of the Russian Federation of 28.04.2020 No. 294. «On the Extension of Measures to Ensure the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population on the Territory of the Russian Federation in Connection with the Spread of a New Coronavirus Infection (COVID-19)». URL: <http://base.garant.ru/73964751/>.

- Shamionov R.M., 2012. The Ratio of Adaptive Readiness and Social Activity of the Individual. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, vol. 5, no. 2, pp. 72-80.
- Anwar A., Malik M., Raees V., Anwar A., 2020. Role of Mass Media and Public Health Communications in the COVID-19 Pandemic. *Cureus*, no. 12 (9). URL: https://www.researchgate.net/publication/344307068_Role_of_Mass_Media_and_Public_Health_Communications_in_the_COVID-19_Pandemic.
- Cai H., 2020. Sex Difference and Smoking Predisposition in Patients with COVID-19. *Lancet Respiratory Medicine*, no. 84 (4). URL: https://www.researchgate.net/publication/346585660_Sex-based_clinical_and_immunological_differences_in_COVID-19.
- Dhawan S., 2020. Online Learning: A Panacea in the Time of COVID-19 Crisis. *Journal of Educational Technology Systems*, vol. 49 (1), pp. 5-22.
- Kozlovskaya L., Pinaeva A., Ignatyev G., Selivanov A., Shishova A., Kovpak A., Gordeychuk I., Ivin Y., Berestovskaya A., Prokhortchouk E., Protsenko D., Rychev M., Ishmukhametov A., 2020. Corrigendum to Isolation and Phylogenetic Analysis of SARS-CoV-2 Variants Collected in Russia During the COVID-19 Outbreak. *International Journal of Infectious Diseases*, no. 99, pp. 40-46.
- Segal D., Rotschild J., Ankory R., Kutikov S., Moaddi B., Verhovsky G., Benov A., Twig G., Glassberg E., Fink N., Bader T., Karp E., 2020. Measures to Limit COVID-19 Outbreak Effects Among Military Personnel: Preliminary Data. *Military Medicine*, no. 185 (9-10), pp. 1624-1631.
- Singh V., Thurman A., 2019. How Many Ways Can We Dene Online Learning? A Systematic Literature Review of Denitions of Online Learning (1988-2018). *American Journal of Distance Education*, no. 33 (4), pp. 289-306.

Information About the Authors

Alexander V. Voytov, Master's Student, Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Philosophy, Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, alexvoy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9740-8218>

Dmitry V. Gladkov, Senior Lecturer, Department of Tactical and Special Training, Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Stepnaya St, 40, 347360 Volgodonsk, Russian Federation, dmitri-don-55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5141-4279>

Информация об авторах

Александр Владимирович Войтов, магистрант кафедры философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, alexvoy@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9740-8218>

Дмитрий Викторович Гладков, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, ул. Степная, 40, 347360 г. Волгодонск, Российская Федерация, dmitri-don-55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5141-4279>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.17>

UDC 316.334.3

LBC 60.52

FROM EFFECT TO AFFECT AND BACK...

(Reflections on the Book: Russian Society in Self-Isolation.

Social Effects and Consequences of the COVID-19 Pandemic [Text] : Monograph

/ N. Kh. Gafiatulina, V. V. Kasyanov, P. S. Samygin, S. I. Samygin ; ed. by

M. A. Vaskov. – Moscow : RUSAYNS, 2020. – 178 p.)

Galina S. Shirokalova

Volga Branch of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russian Federation;
Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. There was no more pressing topic than the reaction of the Russian community to the events around COVID-19 for scientific research in 2020. The researchers chose the only correct methodological message under the given conditions: under the conditions of the pandemic, the problems that are characteristic of modern Western European / Russian civilization and in conditions of relative stability have worsened, accelerated, and aggravated. This made it possible to attract the potential of both domestic and foreign publications of a sufficiently large time range to explain social processes. The work is based on a systematic approach, as the most adequate to the study of the COVID-19 threat to the social immunity of Russian society. At the time of writing the monograph and studying the problem, no one foresaw the threat of the second or third waves, relying on the experience of China, which managed to localize the pandemic in 76 days. Since then, psychological fatigue from the threat of infection has turned into protests against both lockdowns and mandatory vaccinations. The dynamics of social processes expands the subject of research, confirms the correctness of the question about the choice of guidelines for the future development of mankind. New technologies for controlling large masses of people, which are being developed in the context of a pandemic, allow us to solve the problems of further structuring society. The book was published in the summer of 2020, and the months that have passed since then allow readers to assess the heuristic and predictive potential not only of the authors of the monograph, but also of those whose works they attracted to analyze the situation. In our opinion, the researchers correctly assessed the social risks of strengthening the patterns that were formed even before the pandemic, including those associated with restriction.

Key words: COVID-19, pandemic, human rights, social behavior, crime, Russia, Europe.

Citation. Shirokalova G.S. From Effect to Affect and Back... (Reflections on the Book: Russian Society in Self-Isolation. Social Effects and Consequences of the COVID-19 Pandemic [Text] : Monograph / N. Kh. Gafiatulina, V. V. Kasyanov, P. S. Samygin, S. I. Samygin ; ed. by M. A. Vaskov. – Moscow : RUSAYNS, 2020. – 178 p.). *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 154-161. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.17>

УДК 316.334.3
ББК 60.52

ОТ ЭФФЕКТА К АФФЕКТУ И ОБРАТНО...

(Размышления о книге: Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 [Текст] : монография / Н. Х. Гафиатулина, В. В. Касьянов, П. С. Самыгин, С. И. Самыгин ; отв. ред. М. А. Васьков. – М. : РУСАЙНС, 2020. – 178 с.)

Галина Сергеевна Широкалова

Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, г. Нижний Новгород, Российская Федерация;
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Более актуальной темы, чем реакция российского сообщества на события вокруг COVID-19 для научного исследования в 2020 г., было не найти. Исследователи выбрали единственно верный в данной ситуации методологический посыл: в условиях пандемии обострились и ускорились проблемы, характерные для современной западно-европейской / российской цивилизации и при условиях относительной стабильности. Это позволило привлечь для объяснения социальных процессов потенциал как отечественных, так и зарубежных публикаций достаточно большого временного диапазона. В основу работы положен системный подход, наиболее адекватный для изучения угрозы COVID-19 социальному иммунитету российского общества. В период написания монографии никто не предвидел второй и третьей волн, полагаясь на опыт Китая, который сумел за 76 дней локализовать пандемию. С тех пор психологическая усталость от страха заражения перешла в протесты против локдаунов и обязательных прививок. Динамика социальных процессов расширяет предмет исследования, подтверждает правильность постановки вопроса о выборе ориентиров будущего развития человечества. Новые технологии контроля за большими массами людей отработываемые в условиях пандемии, позволяют решать задачи по дальнейшей структуризации общества. Книга сдана в печать летом 2020 г., и прошедшие с тех пор месяцы позволяют читателям оценить эвристический и прогнозный потенциал не только авторов монографии, но и тех, чьи работы они привлекали для анализа ситуации. По нашему мнению, исследователи верно оценили социальные риски усиления закономерностей, сформировавшихся еще до пандемии, в том числе связанных с ограничением прав человека. Написанная по «горячим следам» работа дает ученым, выбирающим социальные последствия пандемии как объект изучения, возможность оценить адекватность выбранной методологии для столь сложного явления и информационную основу для построения собственного инструментария исследования.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, права человека, социальное поведение, преступность, Россия, Европа.

Цитирование. Широкалова Г. С. От эффекта к аффекту и обратно... (Размышления о книге: Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 [Текст] : монография / Н. Х. Гафиатулина, В. В. Касьянов, П. С. Самыгин, С. И. Самыгин ; отв. ред. М. А. Васьков. – М. : РУСАЙНС, 2020. – 178 с.) // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 154–161. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.17>

Монография настолько насыщена фактами – результатами исследований по смежной тематике, что в короткой рецензии невозможно отреагировать на все аспекты проблемы. Поэтому выберем лишь некоторые из них. Для 178-страничной работы библиографический список в 231 источник, 15 из которых на иностранных языках, может показаться даже излишним, и иногда за обилием цитат действительно трудно определить собственную позицию авторов. Однако тому есть серьезная при-

чина: слишком коротким был временной лаг, чтобы успеть провести собственные исследования по всем аспектам этой сложнейшей проблемы.

Во Введении перечисляются проблемы, появившиеся из-за пандемии как «главного социально-политического явления нашего времени»:

- изменение социального поведения в ситуации травмы;
- нарушение режима самоизоляции – новая форма социального поведения в изме-

нившейся социальной реальности (предположим за авторов – российское «авось»);

– выявление источников COVID-диссидентства;

– вероятные последствия: консолидации общества или его разобщение и отчуждение в результате режима самоизоляции;

– формы защиты от смертельно опасной болезни;

– выбор между свободой и здоровьем;

– цена и ценность человеческой жизни;

– ценность образования в условиях самоизоляции [Гафиатулина и др. 2020, 5].

Содержание монографии свидетельствует, что в ней будут освещены все обозначенные выше проблемы. Перечислим ее главы: «Социально-правовые основания исследования российского общества в условиях пандемии COVID-19», «Проблемы общественного развития в условиях самоизоляции в период пандемии COVID-19: социальные эффекты и последствия», «Социальный иммунитет и социальное здоровье российского общества в условиях самоизоляции: эффекты и последствия для российского населения», «Образовательное пространство российского общества в условиях самоизоляции: социальные эффекты онлайн-образования».

Отметим вывод, к которому пришли ученые после первой волны пандемии: «Борьба с COVID-19 не снижает “градус” насилия со стороны государственных, региональных и муниципальных властей, просто делает его институционализированным. Зачастую меры, связанные с самоизоляцией населения, весьма кардинальные и жестокие. Населению со стороны государственных властей внушается, что так называемая самоизоляция необходима для сохранения безопасности и здоровья, но те меры, которые принимаются по борьбе с коронавирусом, оказываются хуже самого коронавируса. Это можно объяснить несколькими факторами: так как болезнь протекает в логике конфликта, победа в нем является ультимативной целью, что позволяет правящей элите не считаться с любыми жертвами на уровне прав и свобод населения» [Гафиатулина и др. 2020, 5–6].

Все эти характеристики, пожалуй, даже в большей мере можно отнести к зарубежной практике борьбы с распространением

пандемии. Данная цитата фиксирует, что авторы стремятся учесть все аспекты субъект-субъектных отношений, не ограничиваясь отстраненно объективистской точкой зрения: неспроста понятие эффекта введено в название глав.

В первой главе авторы анализируют рамки допустимого ограничения прав и свобод граждан, выявляя соответствие международных правовых актов – Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах 1996 г. – ситуации распространения COVID-19. Обтекаемость формулировок этих документов, неизбежная при стремлении охватить как можно больше объектов регулирования, с неизбежностью приводит к ситуативизму и двойственности их толкований со стороны субъектов международного и национального права. Последствием того, что ВОЗ настояла на принятии Советом Безопасности ООН Резолюции № 2177 в связи со вспышкой вируса Эбола и ее последствиями для Западной Африки, стало признание, что пандемии могут расцениваться в качестве риска международной безопасности. Сошлемся на А. Варфоломеева – руководителя Центра изучения новых вызовов и угроз ИАМП Дипломатической академии МИД России, подробно изучавшего этот вопрос: «ВОЗ объявляла чрезвычайные ситуации четырежды: в 2014 году по поводу полиомиелита и вируса Эбола, в 2016 и 2018 годах – вируса Зика. Пятым случаем, собственно, стало распространение нового коронавируса. Причем решение 30 января 2020 г. далось лишь с третьего раза. До этого два заседания Комитета ВОЗ по чрезвычайной ситуации на тему коронавируса оканчивались ничем» [Варфоломеев web]. Затягивание времени принятия решения объяснимо: ведь предыдущие вирусы не получили масштабного распространения и ожидать беспрецедентности до тех пор, пока в Китае не умерло 170 человек, не было особых оснований. И именно тогда остро встал вопрос о балансе между личными интересами и обязанностями общества и государства по защите своих граждан.

В монографии анализируются противоположные оценки ограничительных мер, которые были введены государством для недопущения распространения инфекции в больших

масштабах: высказались и те, кто считает эти меры чрезмерными и не соответствующими степени опасности, которую может нанести коронавирус, и те, кто считает их адекватными, пропорциональными проблеме и законными, и сторонники их ужесточения [Гафиатулина и др. 2020, 14–17]. В качестве примера негативных последствий пандемии для прав человека в монографии приводится вывод верховного комиссара ООН по правам человека Мишель Бачелет об использовании эпидемии для оправдания репрессивных перемен в обычном законодательстве, в частности наказание журналистов за сообщения о нехватке медицинских масок и иных средств защиты, а также арест жителей некоторых стран за сообщения о коронавирусе в социальных сетях [Гафиатулина и др. 2020, 18].

Анализируя позиции правозащитников РФ, авторы делают вывод, что ФЗ № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в связи с «распространением заболевания, представляющего опасность для окружающих», позволял вести на отдельных территориях РФ чрезвычайное положение, но это не было сделано по причине того, что этот же закон предписывает «лицам, пострадавшим в результате обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения, или в связи с применением мер по устранению таких обстоятельств или ликвидации их последствий, предоставляются жилые помещения, возмещается причиненный материальный ущерб, оказывается содействие в трудоустройстве и предоставляется необходимая помощь на условиях и в порядке, установленных Правительством Российской Федерации», что «на практике означало бы колоссальную финансовую нагрузку на государственный бюджет» [Гафиатулина и др. 2020, 20]. Впрочем, и без введения чрезвычайного положения разным слоям населения была оказана материальная помощь для предупреждения социальных конфликтов в период подготовки голосования за поправки к Конституции РФ и региональных выборов.

Анализируя состояние преступности во время пандемии за рубежом и в РФ, авторы классифицируют спровоцировавшие ее фак-

торы: «высокий спрос на определенные товары, защитное снаряжение и фармацевтическую продукцию; снижение мобильности и потока людей через ЕС и в ЕС; граждане остаются дома и все чаще работают на дому, полагаясь на цифровые решения; ограничения в общественной жизни сделают некоторые криминальные действия менее заметными и перенесут их в домашние или онлайн-настройки; увеличение тревоги и страха, которые могут создать уязвимость для эксплуатации; сокращение поставок определенных незаконных товаров в ЕС» [Гафиатулина и др. 2020, 22]. Приводя многочисленные примеры изменения структуры преступности, исследователи приходят к выводу, что пандемия COVID-19 «способствовала обострению характерных для России проблем, включающих низкий уровень жизни значительной части граждан и скрытую безработицу, высокий удельный вес неформальной занятости и теневой экономики, алкоголизацию населения, широкую распространенность семейно-бытового насилия и т. д.» [Гафиатулина и др. 2020, 34]. «Данный период отмечен ростом числа мошенничеств (на 48,5 %), причем число мошеннических действий с использованием электронных средств платежа возросло более чем в два раза. Киберпреступность продолжает оказывать существенное влияние на криминогенную ситуацию: количество IT-преступлений выросло на 83,9 %, а удельный вес таких деяний достиг 19,9 % от общего числа (в основном из-за этого фактора уровень преступности в стране в целом вырос на 4 %)» [Гафиатулина и др. 2020, 33].

В итоге ученые дают очень, мягко скажем, спорную, на наш взгляд, рекомендацию: «Правительству Российской Федерации имеет смысл сделать постоянной установленную Постановлением от 27 марта 2020 г. № 436 максимальную величину пособия по безработице на уровне прожиточного минимума. В перспективе также должно быть осуществлено существенное повышение минимального размера оплаты труда, который в настоящее время не обеспечивает достойного уровня существования граждан, о котором говорится в Конституции России» [Гафиатулина и др. 2020, 34].

Прежде всего, отметим, что даже мечтать о повышении минимального размера оплаты труда (далее – МРОТ) не приходится: иностранный капитал, который владеет значительной частью российской экономики, приходит в зависимые страны для экономии на оплате труда работников, а не повышения их уровня жизни. Да и российское общественное мнение оценило такое предложение как несправедливость по отношению к сотрудникам, получающим «минималку» и несущим дополнительную нагрузку на всех облагаемых работающих.

Далее решение о повышении пособия по безработице до прожиточного минимума отрицательно скажется на экономической ситуации и на социальной атмосфере российского общества.

Во-первых, Россия входит в пятерку стран с самой высокой долей теневой экономики – около 45 % даже в стабильное время (2018 г.). Причем на «зарплаты в конвертах» приходится 38,7 % от показателя, относящегося к реальным зарплатам, 33,8 % – на занижение сведений о доходах от осуществления предпринимательской деятельности от фактической прибыли, 28,2 % – на представление неполных сведений о работниках от фактического числа работников [Исследование web]. В периоды кризисов, как правило, теневой сектор растет. Занятые в теневом секторе и в стабильное время «не комплексуют» в этическом плане: пользуются защитой армии и МВД, остатками бесплатного образования и медицины, рассчитывают на пенсию, не внося взносы на их содержание.

Факт того, что минимальный размер оплаты труда будет рассчитываться в 2021 г. не от прожиточного минимума, а от медианной зарплаты и медианного дохода, по сути, не повлиял на МРОТ. Учитывая стоимость минуты на телевидении, есть основания предположить, что на пропаганду этой «гуманитарной акции» было потрачено больше средств, чем на будущие выплаты бюджетникам. «Частники» же давно освоили практику уменьшения в таблице рабочих часов для сокращения налогообложения и выплаты части зарплат «в конверте». Например, в 2019 г. более 775 тыс. россиян получали зарплату ниже МРОТ [Росстат web].

Во-вторых, получение пособия в размере прожиточного минимума «оголит» производства с низкой заработной платой, кроме того это стимулирует поток мигрантов, доля которых уже находится около уровня психологического риска в 10 % от числа коренных жителей. Выше – социальный дискомфорт, рост национализма, межнациональных конфликтов, смена менталитета и цивилизационного кода принимающей стороны, пограничные конфликты со странами, откуда приезжают мигранты, и т. д. Аналогичный процесс перехода в теневую экономику был вызван отказом от индексации пенсии работающим пенсионерам.

В-третьих, повышение пособия вызывает рост уже имеющегося недовольства со стороны работающего населения с низкими доходами, считающего «содержание тех, кто может, но не хочет работать, несправедливым». Да и те, у кого зарплата выше, тоже не хотят «за свой счет содержать туеядцев».

В-четвертых, вряд ли в РФ найдется человек, который не знал бы случаев «сидения на родительской шее» великовозрастных детей, принципиально не желающих трудиться «за такую зарплату». Оформление пособия по безработице на уровне прожиточного минимума будет выгодно всей семье, поскольку это может снизить конфликтность ситуации, а следовательно и необходимость трудоустройства, тем самым провоцируя социальный инфантилизм и у будущих поколений. Запад уже столкнулся с этой проблемой и не знает, как ее решить. Нельзя не согласиться с И. Шевцовым: «Любая благотворительность – это вычерпывание моря ложкой. Пиару много, а толку мало» [Шевцов web]. Иначе говоря, вопрос к правительству: где обещанные разрекламированной на Гайдаровском Форуме «прорывной» Программой «2020» 25 млн новых рабочих мест с достойной оплатой труда?

Несомненный интерес представляет обзор различных теорий о причинах появления нового вируса, представленный в параграфе «Социально-правовые основания обострения конспирологических теорий в условиях пандемии COVID-19». Авторы правы, что чем дольше будет длиться «данная пандемия и связанная с ней неопределенность

развития общества, тем большую популярность будут приобретать рассматриваемые конспирологические теории» [Гафиатулина и др. 2020, 42], но мы не можем согласиться с выводом, что все перечисленные ими теории абсурдны или не имеют под собой оснований. Прежде всего, с особым вниманием, советуем относиться к мнению М. Ковальчука, цитируемого в монографии: «Сегодня вы можете сконструировать вирус, патогенный, может быть даже узконаправленный, а дальше вирус искусственно созданный может быть оружием массового поражения: он сам размножится. Те, кто умеют конструировать вирусы, должны понимать, что не только они это умеют и паритет может быть соблюден, как в ядерном деле» [Гафиатулина и др. 2020, 40]. Утверждение главы «Курчатовского института» вполне корреспондирует с его выступлением в 2015 г. в Совете Федерации, где он обосновывал опасность новых природоподобных биотехнологий [На заседании Совета Федерации... web]. И нет оснований относить специалиста с высочайшим уровнем информированности к тривиальным «конспирологам». Что касается «бенефициаров тех или иных катаклизмов» [Гафиатулина и др. 2020, 41], то с ними можно было познакомиться задолго до пандемии в жестком документированном исследовании У. Энгделя «Семена разрушения. Тайная подоплека генетических манипуляций», переведенном на русский язык еще в 2009 г. [Энгдаль web]. Применительно к ситуации COVID-пандемии проблема внешнего управления проанализирована в монографии «Коронированная пандемия и зачарованный мир» [Осипова (ред.) 2020].

Не аргументированными, на наш взгляд, являются и утверждения, что «в 90-х гг. XX в. был заложен институциональный фундамент для демократического режима» [Гафиатулина и др. 2020, 45]. Правда, через несколько страниц дается критика формирования основного института этой «демократии», а именно – процесса приватизации. По мнению авторов, она не могла быть справедливой из-за того, что в СССР существовала особая форма частной собственности – социалистическая. Такое определение ей авторы дают, солидаризируясь с утверждением У.Г. Николаевой,

которое, на наш взгляд, неубедительно [Гафиатулина и др. 2020, 50].

В результате государственная машина превратилась в «механизм для обеспечения интересов политической элиты» [Гафиатулина и др. 2020, 52]. Зная статистику о коррупционности во властных структурах современной России и итоги первого года работы Генерального прокурора РФ И.В. Краснова [Робин Гуды... web], это утверждение никто не будет оспаривать.

Возникающий скептицизм в результате диссонанса между провозглашаемыми ценностями и несоответствием им политической элиты, а также утраты ею связи с широкими массами населения, ведет к кризису ее легитимности [Гафиатулина и др. 2020, 57], выражающемуся в нарастающей атомизации общества. Авторы прогнозируют, что социальное дистанцирование граждан может сохраниться и после окончания пандемии, так как людям придется самостоятельно решать свои финансовые и иные жизненные проблемы, не рассчитывая при этом на поддержку со стороны государства [Гафиатулина и др. 2020, 67].

Сбылись ли эти прогнозы? Да. Государственная поддержка граждан сократилась, особенно с 2021 г. [Робин Гуды... web]. Были уволены сотрудники, которым более 65 лет, чтобы не платить больничные. МРОТ вырос с 12 130 до 12 792 руб. (в Москве – с 20 195 руб. до 20 589 руб.) [Размер... web], но это не компенсирует резкого роста цен и оплаты ЖКХ. Точечные выплаты, обещанные в 2021 г. в Послании президента В.В. Путина Федеральному собранию, не изменят тренд на увеличение социальной дистанции в РФ (и во всем мире) по вертикали и горизонтали. Дистанционное образование ускорит этот процесс: еще в 2013 г. был издан Доклад «Будущее образования: глобальная повестка», в создании которого участвовали Агентство стратегических инициатив при Президенте РФ, ВШЭ, SKOLKOVO и др., что позволяет рассматривать Доклад как государственный заказ [Широкалова 2020, 238].

В то же время осенняя волна пандемии, осложненная мутациями вируса, показала, что карантинные меры, «уронившие экономику», помогли предотвратить более тяжелые последствия демографического характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Варфоломеев web – Варфоломеев А. Международные организации и борьба с новыми пандемиями [Международная жизнь. 2020. № 7] // <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2367>.
- Гафиатулина и др. 2020 – Гафиатулина Н.Х., Касьянов В.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19: монография. М.: Русайнс, 2020.
- Исследование... web – Исследование: доля теневого сектора экономики России составляет около 45 % ВВП // <https://newizv.ru/article/general/02-02-2020/issledovanie-dolya-tenevogo-sektora-ekonomiki-rossii-sostavlyayet-okolo-45-vvp>.
- На заседании Совета Федерации... web – На заседании Совета Федерации в рамках «Времени эксперта» выступил директор «Курчатовского института» М. Ковальчук // <http://council.gov.ru/events/news/59290>.
- Осипов (ред.) 2020 – Осипов Ю.М. (ред.). Коронавирусная пандемия и зачарованный мир: монограф. Ростов-н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2020.
- Размер... web – Размер МРОТ в регионах РФ в 2021 году // <https://www.26-2.ru/files/mrot-2021-po-regionam-tablitsa-4.pdf>.
- Робин Гуды... web – Робин Гуды в синих мундирах: как Краснов спасает бюджет коррупционными миллиардами // https://pasmi.ru/archive/297008/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr.
- Росстат... web – Росстат выяснил, что более 775 тыс. россиян получают зарплату ниже МРОТ // <https://tass.ru/ekonomika/6679757>.
- Шевцов web – Шевцов И. Доктор Лиза. Суть буржуазной филантропии // <https://zen.yandex.ru/media/id/5a745e103dceb711fa20e7e5/doktor-liza-sut-burjuaznoi-filantropii-5ff1d279af142f0b17221b31>.
- Широкалова 2020 – Широкалова Г.С. Коронавирус и «служебные люди» // *Философия хозяйства*. 2020. № 3. С. 235–253.
- Энгдаль web – Энгдаль У.Ф. Семена разрушения. Тайная подоплека генетических манипуляций // <https://readli.net/semena-razrusheniya-taynaya-podopleka-geneticheskikh-manipulyatsiy/>.

REFERENCES

- Varfolomeev A., 2020. International Organizations and the Fight Against New Pandemics. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 7. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2367>.
- Gafiatulina N.H., Kasyanov V.V., Samygin P.S., Samygin S.I.; Vaskov M.A. (ed.), 2020. *Russian Society in Conditions of Self-Isolation. Social Effects and Consequences of the COVID-19 Pandemic: monograph*. Moscow, Rusains Publ.
- Research: The Share of the Shadow Sector of the Russian Economy is About 45 % of GDP*. URL: <https://newizv.ru/article/general/02-02-2020/issledovanie-dolya-tenevogo-sektora-ekonomiki-rossii-sostavlyayet-okolo-45-vvp>.
- At the Meeting of the Federation Council Within the Framework of the "Expert Time", the Director of the "Kurchatov Institute" M. Kovalchuk spok*. URL: <http://council.gov.ru/events/news/59290>.
- Osipov Yu.M. (ed.), 2020. *Crowned Pandemic and the Enchanted World: monograph*. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2020.
- The Minimum Wage in the Regions of the Russian Federation in 2021*. URL: <https://www.26-2.ru/files/mrot-2021-po-regionam-tablitsa-4.pdf>.
- Robin Hoods in Blue Uniforms: How Krasnov Saves the Budget with Corrupt Billions*. URL: https://pasmi.ru/archive/297008/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr.
- Rosstat Found out that more than 775 Thousand Russians Receive a Salary Below the Minimum Wage*. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6679757>. 18.07.2019.
- Shevtsov I. *Doctor Lisa. The Essence of Bourgeois Philanthropy*. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5a745e103dceb711fa20e7e5/doktor-liza-sut-burjuaznoi-filantropii-5ff1d279af142f0b17221b31>.
- Shirokalova G.S., 2020. Coronavirus and "Service People". *Filosofiya Khozyaystva*, no. 3. pp. 235-253.
- Engdahl W.F., 2009. *Seeds of Destruction. The Secret Background of Genetic Manipulation*. URL: <https://readli.net/semena-razrusheniya-taynaya-podopleka-geneticheskikh-manipulyatsiy/>.

Information About the Author

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Volga Branch of Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Kholodny Lane, 4, 603000 Nizhny Novgorod, Russian Federation; Leading Researcher, International Interdisciplinary Research Laboratory for the Study of World and Regional Social Processes, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina St, 31a, 603155 Nizhny Novgorod, Russian Federation, shirokalova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>

Информация об авторе

Галина Сергеевна Широкалова, доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, Холодный пер., 4, 603000 г. Нижний Новгород, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Международная междисциплинарная научно-исследовательская лаборатория изучения мировых и региональных социальных процессов, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31а, 603155 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, shirokalova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4089-5446>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.18>

UDC 167
LBC 87.2

**THE ANATOMY OF RESEARCH PROCESS
IN THE LIGHT OF THE PHENOMENOLOGICAL APPROACH
AND THE PROBLEM OF IDENTIFICATION**

Margarita N. Kozhevnikova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The author undertakes a phenomenological analysis of research process on the example of the philosophical and anthropological study of education. In accordance with the phenomenological approach, the research process with its general methodological regularities is divided into three phases: 1) the preliminary phase of thematization; 2) the phenomenological phase itself, which opens up for the researcher his own direct experience of the subject, its obviousness; 3) the post-phenomenological phase. Within the boundaries of the last phase the tension between “experience” and “language” is resolved, that is, experience is expressed, an exit to the general life world appears, an approach to certification is carried out. From this point of view, the problem of “reliability” and “identity” is raised, which is especially relevant for the phenomenological perspective. Certain phenomenological solutions to this problem were developed by Hegel and Husserl. Taking into account the existing solutions, three possible versions of the interpretations of the identity are considered: proceeding from objectivity; intersubjectivity; subjectivity. The application of phenomenological analysis to practical, scientific and philosophical fields of research allowed us to distinguish three levels of verification during certification. At the first level, experience, representation and concept come to the fore; at the second level – the requirement of unity of experience, representation and thinking; at the third – a certificate consisting of checking the stability of the trusted before the other / Other. The understanding of the latter has the meaning of a “dialectical movement”, according to Hegel, and represents an “infinite horizon... of approximations”, according to Husserl. These criteria are explained in the perspective of subjectivity, which reveals its possibilities when compared with interpretations based on the understanding of the true as objective (in particular, when compared with “scientific realists”) and intersubjective.

Key words: research methodology, phenomenological method, dialectics, philosophical anthropology, theory of subjectivity, forms of human subjectivity.

Citation. Kozhevnikova M.N. The Anatomy of Research Process in the Light of the Phenomenological Approach and the Problem of Identification. *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 162-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.18>

УДК 167
ББК 87.2

**АНАТОМИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЦЕССА
В СВЕТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
И ПРОБЛЕМА «УДОСТОВЕРЕНИЯ»**

Маргарита Николаевна Кожевникова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В статье предпринят анализ исследовательского процесса (в частности, на примере философского антропологического исследования образования), трактуемого в свете феноменологического подхода. Осмысление процесса исследования с присущими ему общими методологическими закономерностями произведено в соответствии с тремя фазами, выделяемыми путем феноменологического подхода с точки зрения выявления «основы достоверного знания». Таковыми являются: 1) предварительная фаза тематизации; 2) собственно феноменологическая фаза, открывающая для исследователя собственный непосредственный опыт предмета, его *очевидность*; 3) постфеноменологическая фаза, разрешающая напряжение между «опытом» и «языком» и состоящая в выражении, то есть в выходе в общий жизненный мир, включающая тем самым в себя подступ к удостоверению. С этой точки зрения поднимается проблема «достоверности» и «удостоверения», особенно актуальная для феноменологической перспективы, в рамках которой задействованы определенные феноменологические решения, выработанные Гегелем и Гуссерлем. С учетом существующих решений рассмотрены возможные 3 версии трактовки удостоверения (исходящие из объективности, intersубъективности, субъектности). В результате феноменологический анализ удостоверения в исследовании – применительно к трем областям: практической, научной и философской – позволил различить разные уровни проверки при удостоверении, в котором на первый план выходят опыт, представление и понятие; требование единства (опыта, представлений, мышления) как главный критерий и способ удостоверения, состоящий в проверке, выстоит ли удостоверяемое перед другим / Другим. Понимание последнего имеет смысл «диалектического движения» (согласно Гегелю) и представляет «бесконечный горизонт... аппроксимаций» (по Гуссерлю). Эти критерии объяснены в перспективе субъектности, обнаруживающей свои возможности при сопоставлении с версиями трактовки, исходящих из пониманий истинного как объективного (в частности, при сопоставлении с «научными реалистами») и intersубъективного.

Ключевые слова: исследовательская методология, феноменологический метод, диалектика, философская антропология, теория субъектности, формы человеческой субъектности.

Цитирование. Кожевникова М. Н. Анатомия исследовательского процесса в свете феноменологического подхода и проблема «удостоверения» // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 162–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.18>

Введение

Метод всякого начинаемого исследования бывает необходимо брать в качестве предмета осмысления, а в ином случае, при техническом подходе к методу, происходит «скрывание» (по формулировке Гуссерля) [Гуссель 1992, 166–167] и во многом потеря его смысла. Достоверность составляет ключевое требование к методу исследования, а ее выявление – «удостоверение», соответственно, оказывается частью всякого метода. При этом вопрос о ней возникает, как нам кажется, относительно предъявляемых результатов исследования, то есть уже при завершении, и для его процесса может пониматься как требование соблюдения достоверности именно с точки зрения выводов. Вместе с тем «анатомия» процесса исследования способна позволить нам заметить возникновение тех чувствительных точек, в которых проблема достоверности выявляется в разных фазах процесса исследования¹.

Как можно наблюдать, проблему достоверности увязывают с проблемой истины в разных версиях ее трактовки [Glanzberg web], а сейчас включают в широкое проблемное поле,

охватывающее тематику истинности, верификации, правдоподобия (Verisimilitude), вероятности, эмпирически различимой истины (Empirically Discernible Truth), «примерной правды» (Approximate Truth), сходства с истиной (Truthlikeness), «близости к истине» (Closeness to the Truth), степеней подобия истинности (Degree of Truthlikeness) [Oddie web]. То, как трактуют проблему удостоверения, будет обсуждаться дальше, в завершение анализа «анатомии» исследовательского процесса.

Рассматривая исследовательский процесс и проблему удостоверения, мы обнаруживаем особые возможности феноменологического подхода для решения этих задач.

Анатомия исследовательского процесса

С точки зрения выявления «основы достоверного знания», в исследовательском процессе выделяются 3 фазы.

Предварительная фаза

Чаще при подступе к исследованию этот шаг бывает неотрефлексирован: мы как бы

сразу имеем тематизированный предмет (в антропологическом исследовании – это «человек», в образовательно-философском – «образование») и не замечаем уже принятых определенных представлений и позиции наблюдения, что, в свою очередь, сказывается на упущении требования достоверности. В рефлексии же, предписываемой феноменологическим подходом, я вижу и учитываю момент тематизации как первый шаг или предварительную фазу, в которой обнаруживаю себя в еще-не-собственно-моем мыслимом, погруженной в понятия общего жизненного мира.

В предварительной фазе я пока еще обретаю свой предмет по имеющимся «свидетельствам» соответствующей научной области. Анализируя и сравнивая их, уточняю предмет для более строгой дальнейшей тематизации. Результатом предварительной фазы в исследовании становится ориентация изучающего в тематизации феноменов (*что* тематизировать и *как*).

Собственно феноменологическая фаза

Данная фаза состоит в собственном усмотрении исследователем предмета мышления при целенаправленном воздержании от имевшегося известного взгляда на него. Она неотделима от исследования, хотя бы она и не осознавалась. Такая неотъемлемость означает существование «естественной феноменологии» – присутствующей и в естественном мышлении, обращающемся к исследованию; а в философской и научной феноменологии эта фаза культивируется².

То, что я «исследую» нечто – значит, что, даже имея представление о предмете, я стремлюсь изменить его, преобразуя в практическом исследовании условия своего опыта предмета, а в теоретическом исследовании производя изменения мысленно, помещая его в другие условия, в соотношения с другими предметами, сопоставляя свое представление с представлениями Других. Так «предмет для меня» (но все же не сам предмет, а мой опыт и мое представление) меняется.

Понимание состоится в поле напряжения между полюсами «опыта» и «представлений». Поэтому, когда нет действительного опыта предмета, мы чувствуем потребность отыс-

кать любую основу личного переживания (видеозапись, рисунок, схему, наконец, мысленный образ). Но эта самая фаза «обращения к своему опыту» обычно не бывает замечена, как не бывает замечено, что сознание обнаруживает феномены в качестве своего содержания. Заметить и признать это – задача, которая была осмыслена и сформулирована с распознаванием ее трудности в феноменологии [Гегель 1937, 25].

Значение феноменологической фазы в том, что именно она открывает основу обретаемого в исследовании достоверного знания – непосредственный опыт, *очевидность*³, отличную от повседневного «очевидного». То «очевидное» проникнуто предвзятостями, следуя колеям известного, смыкающегося с как бы «объективным».

Эта очевидность не существует где-то в пространстве между обсуждающими, а существует *для* меня (или для других Я). То есть очевидное – это ближайшее ко мне установление: *то*, что я наиболее близким, «непосредственным» образом устанавливаю. В этом смысле в «очевидности» на первый план выходит субъективная сторона: то, что должно стать *всеобще* признанным (объективным), для начала нуждается в том, чтобы быть *кем-то* признанным (субъективным). Очевидность содержится в индивидуальном опыте, но не как окончательная, а в качестве пребывающей в переустановлении.

Теперь феноменологический этап, если даже исходить из неизбежного присутствия понятийного мышления в любом рассмотрении, делается возможным, по словам Гегеля, при позиции «воздержания», требующей «освободиться от собственного вмешательства в имманентный ритм понятий, не вторгаться в него по произволу и с прежде приобретенной мудростью» [Гегель 1937, 36]. По Гегелю, конечно, это же – «существенный момент внимания к понятию» и, таким образом, источник становящегося постижения, при котором «наш предмет – являющееся знание» [Гегель 1937, 46].

Сформулируем еще раз феноменологический подход, как мы его принимаем для феноменологической фазы: это позиция исследования как базированного на обнаруживаемых в являющихся в сознании данных опыта, пос-

ледовательно отличающихся от «естественных представлений» («естественной установки»), с дальнейшим вопрошанием об этих данных. На этом «пути сомнения» в результате «естественное сознание... теряет свою истину» и оказывается «нереальным знанием» [Гегель 2000, 47–48].

Постфеноменологическая фаза исследования

Эта фаза как траектория пролегает между «опытом» и «языком», связывая их. Здесь феноменологически усмотренное в «собственно-моем мышлении» должно обрести «собственно-мое выражение» в концептуализации. Особенности этой фазы всегда вели и ведут к проработке или разработке языка в философии как прямому следствию усмотрений феноменологической фазы. Но можно понять, что, при всей строгости феноменологического метода, феноменологический пуризм невозможен. Ведь выражение означает язык, а язык, будучи общим с другими и потому концептуально нагруженным, будет нести в стадии выражения и опыт, дополнительный к тому, который тематизируется. Этот опыт приходится учитывать как интерпретационную составляющую и для очищения снова переусынять, *Ad Infinitum*. Признавая это, нужно осмысливать и использовать концептуальные данности языка. В частности, возможно использовать язык научной концептуальности, присутствующей в нашем фоновом знании и составляющей в систему интерпретативных релевантностей.

Проблема удостоверения

Третья фаза, состоящая в выражении, то есть в выходе в общий жизненный мир, тем самым включает в себя подступ к удостоверению, так как подразумевает его необходимость. Исследование не завершается однократным прохождением трех фаз, но, в силу вопрошания, такими же шагами движется дальше. Вопрос о методе, замеченный как основной и порождающий остальные вопросы, таков: «*Чем и как удостоверяется то, что я произвожу в процессе исследования, что в итоге понимаю?*»

И одной из трудностей самого феноменологического метода является то, что методо-

логическое сомнение возможно, когда предполагается несомненная (пусть еще и невыявленная) область абсолютного знания⁴. Иначе – методологическое сомнение возможно, когда остается надежда на обоснованное познание.

Рассмотрим предложенные феноменологами ответы относительно проблемы удостоверения. Гегель считает: «Нам нет необходимости прибегать к критерию» (то есть «внешнему критерию» у Гегеля), – ведь «сознание проверяет само себя». И так «мы достигаем того, что рассматриваем суть дела так, как она есть в себе самой и для себя самой» [Гегель 1937, 46–48]. В поздних работах Гуссерля отмечено, что под истинной действительностью не подразумевается очевидность и подтверждение в реальный момент текущего переживания, но сущее есть некая идеальная имманентность, и варьирование как очевидное обосновывает аподиктическое сознание всеобщности [Гуссерль 2010, 80–82].

Проблема удостоверения, исходя из содержания этого понятия, касается обнаружения усмотренного как достоверного – того, что подлинно есть как таковое, и не только для меня, но и для Других. В подходе к этой проблеме на поверхности лежит возможность следующих версий трактовок.

Первая версия: мое усмотренное соотносится с истинным, понимаемым как объективное («таково положение вещей»), с истиной как бытием (будь то взгляд материалистов, для которых это объективное бытие внешних вещей, независимых от сознания, или взгляд идеалистов, для которых это объективное бытие самого «положения вещей» как независимых идей). Происходящие из этой позиции риски – впадение в диктат объективизма.

Вторая версия: усмотренное соотносится с интерсубъективным, согласованным между Другими как истинное. Таковы, например, позиции в школе прагматизма [William 1979] или широкого спектра направлений социального конструктивизма [Latour, Woolgar 1986; Knorr-Cetina 1981; Pickering 1984; Collins, Pinch 1993], разделяющих понимание достоверности как неотъемлемо зависящей от социальных факторов, достигающих крайностей позиций школы «Сильной программы» [Bloor 1984, 75–94]. Трактовка значения научных терминов как «социальных институтов» (способов, при ко-

торых состоит их успешное использование в общении внутри языкового сообщества) привела к обоснованию научных понятий как продуктов социальных переговоров, вообще не требующих фиксированного определения [Kusch 2002]. В рамках этой же версии (истины как intersубъективного) может быть объяснено и существование научных парадигм Т. Куна, тяготеющего к конструктивизму [Zammito 2004].

Риски этой версии – растворение гносеологической ответственности субъекта intersубъективности и, как следствие, – релятивизм [Seidel 2014] и сведение всеобщего к общепринятому, имеющему заметные следствия в образовании, что ведет в мире к оправданию диктатора массового сознания.

Но рассмотрим обычное понимание результатов исследования (практического, научного и философского). Итак, исследование движимо неопределенностью, самой возможностью *другого* относительно данности. В практической области я исследую, как существует предмет (единичное), (например, обучение иностранному языку в данной группе), относительно которого есть видение и ожидание, требующие удостоверения. Оказывается, что мой опыт предмета («обучения») я, не различая, считаю им самим и не замечаю еще своего способа его понимания, представления о нем. При удостоверении исходная точка – «сам предмет», и для проверки, является ли *нечто* им, я действую с этим *нечто* так, как если бы это был «тот самый» предмет, и сверяю полученный опыт.

С чем я сверяю? Например, с бывшим у меня раньше «тождественным» опытом этого; с происходящим в других условиях моим другим опытом этого; с моим тождественным опытом, относившимся к другой вещи (таким же было обучение грамоте); с известным мне другим опытом этой вещи; с тождественным опытом совокупных Других – моего жизненного мира («так обучают все») и т. д. Обнаруживая, устаивают ли мои ожидания, я делаю выводы: достоверно ли это «тот самый» предмет, – хотя, по сути, остается вопрос, соответствует ли мой опыт тому, который, в свете моих представлений, относится к нему. Но может возникнуть вывод и о том, достоверен ли опыт, или, наконец, о моем представлении о вещи.

Исследование состоит в сопоставлении, а значит, в процессе удостоверения используется та же возможность *другого*, которая запустила и само исследование. А руководствующаясь в удостоверении я в основном необходимостью единства опыта – это главный критерий, – поэтому требуется тождество или аналогия с опытом, который уже был признан достоверным мною, отдельными Другими, жизненным миром. Такое удостоверение ограничивается известным опытом.

В научной области я исследую, *как существуют определенные категории вещей*: внимание от опыта (как единичного) продвигается к способу понимания вещей (категоризации), и на первый план выходит представление. Удостоверяя, я сравниваю мое представление с научными представлениями и законами как тем, что признается за истинное.

Законы утверждают обязательность (тождественность) естественного опыта, исходя из него же, и обязательность (тождественность) представлений и исходят из опыта и самих себя. Обязательный характер представлений обеспечивается рассудком и потому требует культивирования и дисциплинирования области представлений и рассудка, то есть существования науки как предназначенной для этого области и ученых как воплощающих ее в своем мышлении авторитетных Других. Так, критерий удостоверения в научном исследовании состоит в сохранении тождества и обязательности опыта и представлений *всей* научной области, – сверка производится с ними.

Возможность *другого* и Другого для удостоверения в науке уже не просто используется, но дисциплинированно культивируется. В этом смысл научных экспериментов и научного сообщества (как института диалога и критической дискуссии). Однако *другое* и Другой здесь еще взяты в их отдельно-внешнем существовании: как варьирование условий эксперимента, научных представлений и сопоставление.

В философском исследовании я устанавливаю *существование вещей как мыслимых* – и в результате определяю порядок мышления о вещах и мышления как такового. Отслеживая, как существует мой опыт предмета при условии моего представления о его

категории, я прихожу к понятию, которое становится не простым «отражением» предмета или моей рефлексией над своим (категориальным) представлением о нем или саморефлексией, распознающей мой опыт не как вещь, а как мое сознание, меня самого, но снятым (по Гегелю) противоречием их как *других* друг другу. В работе с понятием и при его проверке я восхожу на следующий уровень обращения с тождеством и различием, преодолевая их противостояние в той логике, которую проследил Гегель в развитии понятий.

Благодаря этому в понятии нет избегания *другого*. Мы проводим удостоверение, проверяя, выстоит ли удостоверяемое, пропуская его через другое / Другого. Хотя процесс сверки начинается в сопоставлениях, исходящих из *самости*, дойдя до понятия, этот процесс уже опирается на *другое*. Понятие уже не разрушается *другим*, но питается им, как продемонстрировал Гегель. Именно так из опыта и представления оно дорастает до общего и всеобщего, вбирая в себя *другое* вещей, опытов, представлений. От обязательности закона, характерного для результатов научного исследования, результативное (удостоверенное) философское понятие, вобравшее противоречие в себе, переходит к нерушимой аподиктичности.

Здесь в ответе на вопрос «*Как и чем* производится удостоверение понятия?» я возвращаюсь к формулировкам Гегеля и Гуссерля. Гегель объяснял: «Ибо сознание есть, с одной стороны, осознание предмета, а с другой стороны, осознание самого себя». Если знание о предмете ему не соответствует, «сознание должно изменить свое знание, дабы оно согласовалось с предметом; но с изменением знания для него фактически изменяется и сам предмет <...> и проверка есть проверка не только знания, но и своего критерия» [Гегель 2000, 48]. Гегель указывал на естественный характер этой проверки, присущей сознанию как таковому. Диалектическое движение составляет суть ответа Гегеля.

И эта позиция соответствует взгляду на проблему удостоверения в русле философской антропологии с точки зрения субъектности (понимаемой как неотъемлемое свойство живого: способность быть субъектом, трактуемая преимущественно в аспекте направ-

ленности⁵), реализующейся в бесконечном разворачивании.

В подступе к диалектическому движению происходит описанный Гуссерлем процесс «пробегания, в сознании безграничности поступательного хода внутренне согласных созерцаний...» [Гуссерль 2009, 429–432, 460–466]. Такой процесс объясняет развитие исследования в науке (и феноменологии) в силу «всеобщего характера научного стремления» и сомнения, ведущего к «утрате несомненности» под действием критической рефлексии.

Принимая во внимание современные позиции первой версии, утверждающие достоверность как существующую в самих вещах и ею обосновывающую научное познание, можно заметить дополнительные преимущества в точке зрения, представленной феноменологами, поскольку и сторонники «научного реализма», теряя почву под ногами, клонятся к ней. В результате опровержений прошлых научных истин новыми научными открытиями и теориями появились концепции «пессимистической индукции», или «пессимистической метаиндукции» (пессимизма, исходящего из эмпирических посылок), содержащие вывод о том, что и современные теории также являются ложными. Предполагаемое «банкротство науки» вслед за Х. Патнэмом [Putnam 1978, 22–25] можно понимать как проблему отсутствия референции для терминов относительно ненаблюдаемого, ведущую к невозможности говорить об истинности использующих их теорий. Реалисты в поиске ответов на эту проблему выработали утверждение, что более поздние теории предлагают более приближенно истинные описания своих предметов, а то, как они это делают, может быть частично прояснено при изучении способов, которыми они выстраивают свои постижения, на тех более ограниченных случаях, которые представляли их предшественники [Chakravartty 2010, 33–50; Chakravartty 2017].

Так обнаруживается тот же «бесконечный горизонт аппроксимаций», и научные реалисты оказываются уязвимыми перед вопросом: как и чем производится удостоверение научных идей. Были предложены формальные критерии: критерий относительных порядков «правдоподобия» (Verisimilitude) между теориями в данной области, которые

устанавливаются с течением времени посредством сравнения их истинных и ложных последствий, предложенный К. Поппером и опровергнутый в позднейших работах [Miller 1974]; критерий возможных миров или «подобия», по которому условия истинности теории отождествляются с набором возможных миров, в которых она истинна, и близость к истине определяется «расстоянием» между реальным миром и мирами в этом наборе [Tichý 1976; Tichý 1978]; критерий иерархий типов, согласно которому анализируются, с одной стороны, древовидные графы типов и подтипов научных концепций и, с другой стороны, те сущности в мире, которые они предположительно репрезентируют с точки зрения сходства между узлами в тех и других [Aronson 1990]. Предложенные критерии вычлениваются из общего предположения о том, что теория может считаться более приближенной к истине, чем предшествующая ей, если ранняя теория может быть описана как «ограниченный случай» более поздней. Х.Р. Пост это выразил в утверждении о том, что некоторые эвристические принципы в науке порождают теории, которые «сохраняют» успешные части своих предшественников, и в «Общем принципе соответствия», гласящем, что более поздние теории обычно учитывают успехи своих предшественников путем «разложения» их до более ранних теорий в тех областях, в которых более ранние хорошо подтверждаются [Post 1971].

Научные реалисты, изначально державшиеся первой версии трактовки проблемы удостоверения, отошли к «бесконечному горизонту аппроксимаций» со сдвигом критериев от сверки с «реальностью» к согласованию утверждений.

В качестве гипотезы предположим, что при объяснении удостоверения как происходящего в неограниченном движении феноменологическая трактовка может быть обогащена еще третьей версией, где она опирается на разворачивание субъектности [Кожевникова 2020].

Движение имманентно субъектности, и живое существует в изменении, являясь единством *самого* и *другого*. Движение сознания вызвано и производится тем, что сознание содержит и обнаруживает в себе *другое*, и в том подобно змее, кусающей себя за хвост,

но не идет по замкнутому кругу, ведь живое существует, перерастая себя, – это раскручивающаяся спираль, в которой движение, проходя один виток до конца, заставляет двигаться виток следующего уровня.

Субъектность в своем пределе (движении в беспредельное) составляет *всеобщее*. Вместе с движением субъектности, удостоверение тоже строится как нескончаемое перерастание. В философском исследовании то, что бывает переподтверждено, оказывается, как было замечено выше, подлинными понятиями, которые вобрали *другое* и несокрушимы.

Заключение

Благодаря применению феноменологического подхода произведен анализ исследовательского процесса с выявлением в нем фаз, имеющих разное значение с точки зрения выявления «основы достоверного знания». В связи с постфеноменологической фазой исследования и в ее завершение встает проблема удостоверения, которая традиционно видится трудной для феноменологического метода. Однако в результате произведенного осмысления сути феномена «удостоверения» для случаев повседневного практического, научного и философского исследований и концептуализации трех возможных версий трактовки «удостоверения» при сопоставлении с другими возможными трактовками феноменологическая версия обнаруживает свои особые возможности, понятые в связи с теорией субъектности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сама проблема достоверности обретаемого знания заняла значительное место в истории философской мысли со времен древней Греции до наших дней: у Платона, Аристотеля, скептиков, Дж. Локка, Дж. Вико, Б. Спинозы, Д. Юма, И. Канта, в разных направлениях позитивизма, феноменологии и многих других [Овчинников 2001].

² Например, помимо феноменологических методов в психологии, были развиты средства «феноменологии» [Marton 1981, 177–200].

³ В определении Гуссерля: «Очевидность в наиболее широком смысле есть опыт сущего и притом сущего так, как оно есть» [Гуссерль 2010, 24–27]. Здесь «очевидность» взята из сознания повсед-

невности: это «сущее», о котором это сознание пока не может судить. Иначе, что можно было бы заметить о «сущем» для сознания повседневности, – смысл его как предмета очевидности.

⁴ Таковой для самого Гуссерля в ранний период была сфера самоданности, а в «Идеях I» – исходное дающее созерцание [Ямпольская 2013, 25]. И, по мнению Ямпольской, анализ вопроса о данности приводит к обнаружению «неявного отождествления феномена и предметности» – этой «двусмысленности феномена как корреляции явления».

⁵ Направленность как задавание собственно-го направления; этот феномен лежит в основе психологических феноменов, охватываемых понятием «направленности личности» [Рубинштейн 2001, 519; Ломов 2000] и другими понятиями, относящимися к структуре направленности личности, к мотивационной сфере в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гегель 1937 – *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. М.: Соцгиз, 1937.
- Гегель 2000 – *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000.
- Гуссерль 1992 – *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология (введение в феноменологическую философию) // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–177.
- Гуссерль 2009 – *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М.: Академический проект, 2009.
- Гуссерль 2010 – *Гуссерль Э.* Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010.
- Кожевникова 2020 – *Кожевникова М.Н.* Феномен субъектности: проблемы интерпретации // Ценности и смыслы. 2020. № 6 (70). С. 31–45.
- Ломов 2000 – *Ломов Б.Ф.* Направленность личности. Субъективные отношения личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. СПб.: Питер, 2000. С. 60–66.
- Овчинников 2001 – *Овчинников Н.Ф.* Поиски достоверности // Философия науки. 2001. Вып. 7. С. 75–91.
- Рубинштейн 2001 – *Рубинштейн М.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001.
- Ямпольская 2013 – *Ямпольская А.В.* Феноменологический метод и его границы: от немецкой к французской феноменологии: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: РГГУ, 2013.
- Aronson 1990 – *Aronson J.L.* Verisimilitude and Type Hierarchies // Philosophical Topics. 1990. № 18 (2). P. 5–28.
- Bloor 1984 – *Bloor D.* The Strengths of the Strong Programme // Scientific rationality: The Sociological Turn. Dordrecht; Boston; Lancaster: D. Reidel. 1984. P. 75–94.
- Chakravartty 2010 – *Chakravartty A.* Truth and Representation in Science: Two Inspirations from Art // Beyond Mimesis and Convention: Representation in Art and Science. Dordrecht: Springer. 2010. P. 33–50.
- Chakravartty 2017 – *Chakravartty A.* Scientific Ontology: Integrating Naturalized Metaphysics and Voluntarist Epistemology. N. Y.: Oxford University Press, 2017.
- Collins, Pinch 1993 – *Collins H., Pinch T.* The Golem: What Everyone Should Know About Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Glanzberg web – *Glanzberg M.* Truth [The Stanford Encyclopedia of Philosophy] // <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/truth>.
- Knorr-Cetina 1981 – *Knorr-Cetina K.D.* Manufacture of Knowledge. Oxford: Pergamon, 1981.
- Kusch 2002 – *Kusch M.* Knowledge by Agreement: The Programme of Communitarian Epistemology. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Latour, Woolgar 1986 – *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986.
- Marton 1981 – *Marton F.* Phenomenography – Describing Conceptions of the World Around Us // Instructional Science. 1981. № 10 (2). P. 177–200.
- Miller 1974 – *Miller D.* Poppers Qualitative Theory of Verisimilitude // British Journal for the Philosophy of Science. 1974. № 25 (2). P. 166–177.
- Oddie web – *Oddie G.* Truthlikeness [The Stanford Encyclopedia of Philosophy] // <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/truthlikeness>.
- Pickering 1984 – *Pickering A.* Constructing Quarks: A Sociological History of Particle Physics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1984.
- Post 1971 – *Post H.R.* Correspondence, Invariance and Heuristics: In Praise of Conservative Induction // Studies in History and Philosophy of Science. 1971. № 2. P. 213–255.
- Putnam 1978 – *Putnam H.* Meaning and the Moral Sciences. London: Routledge, 1978.
- Seidel 2014 – *Seidel M.* Epistemic Relativism. A Constructive Critique. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
- Tichý 1976 – *Tichý P.* Verisimilitude Redefined // British Journal for the Philosophy of Science. 1976. № 27 (1). P. 25–42.
- Tichý 1978 – *Tichý P.* Verisimilitude Revisited // Synthese. 1978. № 38 (2). P. 175–196.
- William 1979 – *William J.* Pragmatism. Cambridge: Harvard University Press, 1979.
- Zammito 2004 – *Zammito J.H.* A Nice Derangement of Epistemes: Post-Positivism in the Study of

Science from Quine to Latour. Chicago: University of Chicago Press, 2004.

REFERENCES

- Hegel G.W.F., 1937. *Science of Logic*. Moscow, Sotsekgiz Publ.
- Hegel G.W.F., 2000. *The Phenomenology of the Spirit*. Moscow, Nauka Publ.
- Husserl E., 1992. The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology (Introduction to Phenomenological Philosophy). *Voprosy filosofii*, no. 7, pp.136-177.
- Husserl E., 2009. *Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy*. Book 1. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ.
- Husserl E., 2010. *Cartesian Reflections*. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ.
- Kozhevnikova M.N., 2020. The Phenomenon of Subjectivity: Problems of Interpretation. *Tsennosti i smysly*, no. 6 (70), pp. 31-45.
- Lomov B.F., 2000. The Orientation of the Personality. Subjective Relationship of Personality. *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov*. Saint Petersburg, Piter Publ., pp. 60-66.
- Ovchinnikov N.F., 2001. The Search for Authenticity. *Filosofiya nauki*, vol. 7, pp. 75-91.
- Rubinshteyn M.L., 2001. *Fundamentals of General Psychology*. Saint Petersburg, Piter Publ.
- Yampolskaya A.B., 2013. *The Phenomenological Method and its Boundaries: From German to French Phenomenology*. Dr. philos. sci. abs. dis. Moscow, RGGU.
- Aronson J.L., 1990. Verisimilitude and Type Hierarchies. *Philosophical Topics*, no. 18 (2), pp. 5-28.
- Bloor D., 1984. The Strengths of the Strong Programme. *Scientific rationality: The sociological turn*. Dordrecht; Boston; Lancaster, D. Reidel Publ., pp. 75-94.
- Chakravartty A., 2017. *Scientific Ontology: Integrating Naturalized Metaphysics and Voluntarist Epistemology*. New York, Oxford University Press.
- Chakravartty A., 2010. Truth and Representation in Science: Two Inspirations from Art. *Beyond Mimesis and Convention: Representation in Art and Science*. Dordrecht, Springer Publ., pp. 33-50.
- Collins H., Pinch T., 1993. *The Golem: What Everyone Should Know About Science*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Glanzberg M. Truth. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/truth>.
- Knorr-Cetina K.D., 1981. *Manufacture of Knowledge*. Oxford, Pergamon Publ.
- Kusch M., 2002. *Knowledge by Agreement: The Programme of Communitarian Epistemology*. Oxford: Oxford University Press.
- Latour B., Woolgar S., 1986. *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*. Princeton, Princeton University Press.
- Marton F., 1981. Phenomenography – Describing Conceptions of the World Around Us. *Instructional Science*, no. 10 (2), pp. 177-200.
- Miller D., 1974. Poppers Qualitative Theory of Verisimilitude. *British Journal for the Philosophy of Science*, no. 25 (2), pp. 166-177.
- Oddie G. Truthlikeness. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/truthlikeness>.
- Pickering A., 1984. *Constructing Quarks: A Sociological History of Particle Physics*. Edinburgh, Edinburgh University Press.
- Post H.R., 1971. Correspondence, Invariance and Heuristics: In Praise of Conservative Induction. *Studies in History and Philosophy of Science*, vol. 2, pp. 213-255.
- Putnam H., 1978. *Meaning and the Moral Sciences*. London: Routledge Publ.
- Seidel M., 2014. *Epistemic Relativism. A Constructive Critique*. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ.
- Tichý P., 1976. Verisimilitude Redefined. *British Journal for the Philosophy of Science*, no. 27 (1), pp. 25-42.
- Tichý P., 1978. Verisimilitude Revisited. *Synthese*, no. 38 (2), pp. 175-196.
- William J., 1979. *Pragmatism*. Cambridge, Harvard University Press.
- Zammito J.H., 2004. *A Nice Derangement of Epistemes: Post-Positivism in the Study of Science from Quine to Latour*. Chicago: University of Chicago Press.

Information About the Author

Margarita N. Kozhevnikova, Candidate of Sciences (Philosophy), Head of the Research Laboratory of Problems of Personality Social Support, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, mkozhevnikova1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9093-4936>

Информация об авторе

Маргарита Николаевна Кожевникова, кандидат философских наук, заведующая научно-исследовательской Лабораторией проблем социальной поддержки личности, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, mkozhevnikova1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9093-4936>



DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.19>

UDC 316.023

LBC 60.54



**PROFESSIONAL AGE:
ON THE ISSUE OF SOCIOLOGICAL CONCEPTUALIZATION
(ON THE EXAMPLE OF PROFESSIONAL ATHLETES)**

Anna V. Yermilova

Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The article presents a sociological conceptualization of the category “professional age” in relation to the field of professional sports. Based on the interpretation of the terms “age” and “professional athlete”, the author’s vision of the category “professional age” is proposed. The interpretation of the concept of “professional age” is carried out through the prism of chronological, biological, social, and psychological ages, as a result of which the specifics of professional age are determined on the example of professional athletes. The specific features of integration of athletes into the professional environment, which is associated with the specific functioning of this sphere of activity that affects the process of formation of their professional age, are shown. In turn, the professional age of athletes is determined, firstly, by the earlier entry of the individual into the professional sports environment and, consequently, by a faster entry into professional age; secondly, a shorter work experience depending on the sport compared to other areas of work and, accordingly, a faster completion of professional age. Factors leading to the formation of perceptions of professional age are established: discrepancy between the chronological and social functioning of the individual; effects of biological ageing on the course of professional age; effect of psychological aging on the duration of professional age. The characteristics of the professional age of athletes that have a changeable nature of existence are revealed: heterochronicity, variability, normativity, multidimensionality, linearity and cyclicity. The professional age of athletes is analyzed as a multivariate social phenomenon, in particular, the significance of biographical, ideological, social-stratificational, ethnological, historical, aesthetic research aspects is revealed. The socio-cultural features of the professional age of the representatives of elite sport are foregrounded, firstly, the construction of the sports self-awareness of the individual / community, which is specific depending on the kind of sport; secondly, the construction of a sports subculture based on a constant stressful situation. On the basis of theoretical developments, the author’s conceptualization of the professional age of athletes is proposed.

Key words: age, professional age, sports, characteristics of professional age, professional sports career.

Citation. Yermilova A.V. Professional Age: On the Issue of Sociological Conceptualization (On the Example of Professional Athletes). *Logos et Praxis*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 172-181. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.19>

УДК 316.023
ББК 60.54

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВОЗРАСТ: К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ)

Анна Вячеславовна Ермилова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. В статье осуществляется социологическая концептуализация категории «профессиональный возраст» применительно к сфере профессионального спорта. С опорой на трактовку терминов «возраст» и «профессиональный спортсмен» предлагается авторское определение категории «профессиональный возраст». Осуществляется интерпретация данного понятия через призму хронологического, биологического, социального, психологического возрастов, в результате чего определяется специфика профессионального возраста на примере профессиональных спортсменов. Показаны особенности интеграции спортсменов в профессиональную среду, которая сопряжена со спецификой функционирования данной сферы деятельности, откладывающей отпечаток на процесс формирования их профессионального возраста. На определение профессионального возраста спортсменов влияют: во-первых, более раннее вхождение индивида в профессионально-спортивную среду; во-вторых, менее протяженный стаж трудовой деятельности в зависимости от вида спорта по сравнению с иными сферами трудовой деятельности. Устанавливаются факторы, обуславливающие процесс формирования представлений о профессиональном возрасте: несовпадение хронологического и социального функционирования личности; влияние биологического старения на течение профессионального возраста; влияние психологического старения на продолжительность профессионального возраста. Выявляются характеристики профессионального возраста спортсменов, имеющие изменчивую природу существования: гетерохронность, вариативность, нормативность, многомерность, линейность и цикличность. Профессиональный возраст спортсменов анализируется как многомерное социальное явление, в частности, выявляется значимость биографического, идеологического, социально-стратификационного, этнологического, исторического, эстетического исследовательских аспектов. Актуализируются социокультурные особенности профессионального возраста представителей спорта высших достижений, во-первых, конструирование спортивного самосознания личности / общности, которое специфично в зависимости от вида спорта; во-вторых, конструирование спортивной субкультуры на основе постоянной стрессопорождающей ситуации. На основе теоретических разработок предлагается авторская концептуализация профессионального возраста спортсменов.

Ключевые слова: возраст, профессиональный возраст, спорт, характеристики профессионального возраста, профессиональная спортивная карьера.

Цитирование. Ермилова А. В. Профессиональный возраст: к вопросу о социологической концептуализации (на примере профессиональных спортсменов) // *Logos et Praxis*. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 172–181. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.2.19>

Процесс старения человека является неотъемлемым этапом его жизнедеятельности, для которого характерна в настоящее время в мировом масштабе тенденция смещения возрастных границ в сторону увеличения продолжительности жизни [Всемирный доклад... web]. Современный человек, в связи с возросшей продолжительностью жизни населения в РФ [Ожидаемая продолжительность жизни... web], пенсионной реформой, низким уровнем пенсионного обеспечения и, как следствие, преимущественно вынужденной

интеграцией в трудовые отношения [Saralieva, Sudyin, Ermilova 2020], функционирует как субъект рынка труда более продолжительное время. Однако продолжительность функционирования рабочей силы вариативна в зависимости от профессионально-должностного статуса и сферы трудовой деятельности [Федеральный закон от 03.10.2018... web], что связано, например, с опасностью нанесения вреда здоровью. Соответственно, не снижает своей значимости вопрос длительности стажа трудовой деятельности в зависимости

от вида труда, который мы ассоциируем с продолжительностью профессионального возраста в сфере занятости населения.

Понятие «профессиональный возраст» требует концептуальной интерпретации, что позволит в дальнейшем проследить специфику его проявления в сфере спорта высших достижений. Однако, прежде чем говорить о специфике трактовки понятия «профессиональный возраст», необходимо остановиться на такой категории, как возраст, представления о которой многообразны в сложившейся системе наук о человеке.

Категория «возраст» является одной из ключевых как в философской, социологической, психологической, биологической теориях, так и непосредственно в ходе проведения эмпирических исследований разной направленности. Особого внимания заслуживают научные работы основателя культурно-исторической школы в психологии Л.С. Выготского, полагающего, что возраст существует одновременно как абсолютное, количественное понятие (календарный возраст) и как этап в процессе физического и психологического развития (условный возраст). Выявляя закономерности психического развития личности, автор проанализировал специфику возрастных кризисов, для которых характерна неотчетливость границ, отделяющих начало и конец кризиса от смежных возрастов [Выготский 1996].

Американский психолог Л. Колберг разработал возрастную периодизацию [Kolberg 1963], основанную на изучении уровня морального развития человека, состоящую из трех уровней и шести ступеней нравственного развития.

Философская интерпретация возраста соотносится с научной деятельностью советского и американского философа М.Н. Эпштейна, предложившего проект философской теории возраста, построенной методом фрактального анализа, в результате чего была разработана возрастная матрица как вариант структурирования возрастов [Эпштейн 2006].

Исследовательский коллектив под руководством доктора психологических наук Л.Н. Захаровой актуализирует концепцию социального возраста, выявляя его индикаторы и технологии оценки. Они указывают на значимость характеристик социально-психологического воз-

раста (например, персонала внутри организационной культуры одного типа), которые независимы от хронологического возраста и гендерной принадлежности [Захарова, Леонова 2018; Захарова и др. 2019].

Особое внимание уделяется биологическому возрасту личности в связи с тем, что на протяжении существования человечества, а особенно сегодня в современном российском государстве, интенсивно продолжается процесс старения человечества, что, в свою очередь, актуализирует вопрос определения биологического возраста и скорости старения населения. Именно выявлению показателей функциональности возраста, способам и методам определения биологического возраста посвящены научные труды Л.М. Белозеровой [Белозерова 1998].

Под термином «возраст» мы подразумеваем характеристику человека, отражающую этапность его жизненного пути [Социологическая энциклопедия 2003, 159]. В зависимости от понимания продолжительности жизни человека как биологического организма, как члена общества и как психологической индивидуальности рассматриваются понятия биологического, социологического, психологического и хронологического возраста [Кон 1999; Белугина 2006, 12], которые обуславливают природу существования профессионального возраста, но не тождественны ему.

Профессиональный возраст представителей ФКС не тождественен:

– *хронологическому возрасту (календарному)*, поскольку он рассчитывается с момента рождения индивида и заканчивается смертью, тогда как профессиональный возраст спортсмена определяется моментом его интеграции в сферу спорта до этапа окончания трудовой деятельности в данной направленности;

– *психологическому возрасту* в связи с тем, что он представляет собой совокупность субъективных (самоощущение) и объективных (внешняя оценка личности) характеристик, отражая тем самым особенности перцептивных и регулятивных процессов;

– *социальному возрасту*, поскольку он аккумулирует социально значимые детерминанты в обществе, среди которых особую значимость имеют, во-первых, роли, которые при-

нимает на себя человек в зависимости от жизненных путей других людей (родителей, детей, друзей, коллег и т. д.); во-вторых, общественные институты и организации, влияние которых выражается в специфике воздействия на человека организационной культуры; в-третьих, сложившиеся и изменяющиеся общественные структуры и исторические события, для которых характерны экономические, политические, социоструктурные, правовые, культурные изменения в социальной реальности, оказывающие воздействие как на личность, так и на общность спортсменов;

– *биологическому возрасту (физиологическому, функциональному)* в связи с тем, что он определяет степень молодости / старости тела, которые зависят от генетической предрасположенности и образа жизнедеятельности личности. Биологическая характеристика возраста, как правило, указывает на степень изношенности / сохранности организма человека по отношению к ожидаемой в данном возрасте или периоде жизни. Биологический возраст может сильно отличаться и от календарного возраста человека.

Итак, **профессиональный возраст** – это возраст (количество лет), детерминированный особенностями профессиональной деятельности. Процессы формирования и продолжительности профессионального возраста вариативны в зависимости от вида трудовой деятельности. Особый исследовательский интерес вызывает такая сфера трудовой деятельности, как сфера спорта высших достижений, а именно профессиональное становление спортсмена и его функционирование в системе трудовых отношений.

Анализ Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» позволяет выделить следующие основные категории спортсменов: 1) спортсмены; 2) спортсмены высокого класса. В этом же законе (ст. 2) все спортсмены (любители, профессионалы, высокого класса) объединены единым понятием «спортсмен» – физическое лицо, занимающееся выбранным видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях [Федеральный закон от 04.12.2007... web]. Специалисты в области правовой защиты спортсменов полагают, что следует принять специальный Закон о

профессиональном спорте в РФ и прописать отдельно определение «спортсмен-профессионал» [Овчинникова 2008, 5]. При этом нельзя забывать, что термин «профессиональный спортсмен» всевозможными спортивными федерациями понимается по-разному. Имея в виду существующие сегодня дефиниции понятия «спортсмен» для раскрытия концепции профессиональный возраст, мы будем опираться на следующее определение: «профессиональным спортсменом является лицо, которое занимается спортом как основной деятельностью, направленной на получение доходов, являющихся основным источником средств для обеспечения его жизни» [Шевченко... web, 19]. Правовая трактовка термина «профессиональный спортсмен» позволяет осуществить концептуальную интерпретацию понятия «профессиональный возраст» данной категории населения, включенной в систему трудовых отношений.

Профессиональный возраст спортсменов обусловлен, во-первых, более ранним вхождением индивида в профессионально-спортивную среду и, соответственно, более быстрым вступлением в профессиональный возраст; во-вторых, менее протяженным стажем трудовой деятельности в зависимости от вида спорта по сравнению с иными сферами трудовой деятельности и, соответственно, более стремительным завершением профессионального возраста. Интеграция в профессионально-спортивную среду индивида сопряжена со спецификой функционирования данной сферы деятельности (путем включения в нее индивидов), которая накладывает отпечаток на процесс формирования профессионального возраста спортсмена:

– хронологический возраст вступления в сферу ФКС вариативен в зависимости от вида спорта;

– физиологические и психические особенности человека, обуславливающие его предрасположенность к определенному виду спорта;

– продолжительность профессионального возраста представителя ФКС сопряжена непосредственно с видом спорта, в который интегрируется актер;

– социально-историческая обусловленность развития спорта в мире / стране / реги-

оне накладывает отпечаток на развитие профессионального возраста спортсмена.

Представления о профессиональном возрасте формируются под влиянием различных факторов, которые напрямую сопряжены с вышеуказанными плоскостями интерпретации понятия «возраст» (хронологический, биологический, социальный, психологический):

1. *Несовпадение хронологического и социального функционирования личности.* Так, в различных видах спорта сложился стереотип, связанный со своевременным уходом из спорта. Нахождение человека на спортивной арене более продолжительное время, чем положено в соответствии со стандартами спортивной деятельности, способствует навешиванию на него ярлыков – «спортсмен в годах», «отработанный материал», «дедушка / бабушка», несмотря на то, что субъект еще достаточно молод с точки зрения хронологического возраста. Следовательно, стереотип связи хронологического и социального возрастов оказывает сильнейшее влияние на представления о профессиональном возрасте спортсмена.

2. *Влияние биологического старения на течение профессионального возраста.* Для представителей спорта высших достижений может быть характерно более раннее старение, которое Х. Гуфеленд называет преждевременным [Гуфеленд 1996]. Несмотря на то, что в целом такое старение может быть вызвано иперстенией (повышенный уровень жизнедеятельности) и астенией (пониженный уровень жизнедеятельности), более быстрому биологическому старению спортсменов способствует именно чрезмерная активизация в деятельности спортивно-тренировочной направленности. Иперстения как основная составляющая профессионального возраста может негативно отражаться на его течении, а именно способствовать сокращению профессионального возраста в связи с высоким уровнем нагрузок, травматизацией, риском инвалидизации. Специалисты в области здоровьесбережения выявляют объективные признаки преждевременного старения спортсменов: потеря зубов и волос, снижение остроты зрения, изменения позвоночника, появление морщин. Как отмечает доктор М. Макнамара, спортсмен в 24–25 лет выглядит значительно

старше, у него появляются морщины, выпадают волосы [Макнамара... web]. Соответственно, самым важным ресурсом в классификации ресурсного потенциала личности является именно физиологический, который, как правило, истощается у представителей спорта высших достижений, что подчеркивает значимость проблемы рисков в сфере ФКС, связанных, прежде всего, с таким ресурсом, как здоровье. В этой связи преждевременное старение профессиональных спортсменов может, во-первых, способствовать сокращению их профессионального возраста; во-вторых, затруднять процесс адаптации субъекта после завершения им спортивной карьеры; в-третьих, содействовать трансформации представителя ФКС из субъекта взаимодействия в объект помощи; в-четвертых, способствовать распространению негативно-го восприятия профессиональных спортсменов («отработанный материал») в современном социуме, закончивших функционировать в соответствующем статусе.

3. *Влияние психологического старения на продолжительность профессионального возраста.* В ходе реализации целей спортивной деятельности спортсменам приходится испытывать нагрузки, которые характеризуются высокой стрессогенностью. Личности приходится преодолевать целый спектр стресс-факторов внутренней и внешней природы, что способствует более быстрому психологическому старению, и, соответственно, сокращению продолжительности профессионального возраста. В связи с этим актуализируются такие немаловажные ресурсы, как стрессоустойчивость и вера в свои силы. Стрессоустойчивость играет важную роль в процессе функционирования спортсмена, положительно влияя на продолжительность профессионального возраста, она зависит от характера вегетативного реагирования спортсменов, уровня индивидуальных спортивных достижений, спортивной квалификации, возраста спортсменов [Шагиев 2009, 8]. Мониторинг данных компонентов структуры стрессоустойчивости спортсменов может положительно сказаться на продолжительности профессионального возраста представителей ФКС.

Следовательно, процесс профессионального старения представителей ФКС, как и

продолжительность их профессионального возраста, обусловлены процессом изнашивания организма, который представляет собой комплексное биолого-социально-психологическое явление, характеризующееся общими и специфичными механизмами старения.

Характеристиками профессионального возраста представителей спорта высших достижений являются гетерохронность, вариативность, многомерность, нормативность, линейность и цикличность.

Гетерохронность связана с разновременностью, асинхронностью, несовпадением во времени, во-первых, этапов вступления индивида в сферу физической культуры и спорта; во-вторых, периодов приобретения спортивной квалификации / разряда и профессионально-должностного статуса; в-третьих, этапов завершения профессиональной карьеры.

В основе *вариативности* профессионального возраста спортсмена лежит классификация видов спорта, отличающаяся особым многообразием, которое, как правило, может быть связано с процессом социализации и включенностью начинающего спортсмена в несколько видов спорта одновременно на определенном этапе становления личности. После периода чередования различных направлений спортивной деятельности вариативность утрачивает свою значимость, в результате чего индивид делает окончательный выбор вида спорта, с чего и начинается отсчет профессионального возраста спортсмена. Вариативность как характеристика профессионального возраста спортсмена подразумевает и вариативность нагрузок, которая зависит от уровня его подготовленности.

Многомерность связана с обширностью исследования, которое может включать:

– биографический аспект – влияние значительных фактов жизни человека в хронологическом порядке на процесс приобретения и становления профессионального возраста;

– идеологический аспект – влияние системы концептуально оформленных представлений и идей, выражающей интересы, мировоззрение и идеалы конкретного государства / страны относительно значимости спорта в жизнедеятельности современного социума, что естественным образом оказывает влияние как на результативность спортсменов, так и на про-

должительность профессионального возраста. Смена политической идеологии также оказывает воздействие на эффективность деятельности спортивного сообщества. Официальная идеология Советского Союза способствовала высоким достижениям на мировой спортивной арене, которая в настоящее время трансформировалась в «новую государственную идеологию», порой негативно сказывающуюся на результативности спортсменов;

– социально-стратификационный аспект по отношению к профессиональному возрасту спортсменов проявляется в нескольких направлениях. Во-первых, интеграция детей в спортивную деятельность ограничена наличием материальных ресурсов как непосредственно самой семьи, участвующей в становлении будущего чемпиона, так и иных государственных институтов (например, Министерство спорта, Департаменты спорта, спортивные школы / секции). Во-вторых, занимаемая позиция того или иного вида спорта в классификационной иерархичной структуре (элитный вид спорта или «эконом-класс»). В-третьих, положение спортсменов в стратификационной структуре современного общества, которое не так однозначно, как это может показаться на первый взгляд [Вишневский (ред.) 2013; Бабанов, Гришина 2018]. Социально-стратификационный аспект имеет особую значимость в связи с тем, что он оказывает влияние на специфику профессионального старения, на продолжительность профессионального возраста.

– этнологический аспект выражен в специфике идентификации профессиональных спортсменов, спортивного сообщества в глобальном социальном пространстве (например, несовпадение взглядов на значимость спорта в России и за рубежом). Так, например, значимым аспектом социализации молодых спортсменов и формирования их профессионального возраста является возможность совмещения образовательного и спортивно-тренировочного процессов, которые могут этноментально различаться. «В России, если заниматься любым видом спортом на профессиональном уровне, то уже с 14–15 лет полноценно учиться не получится. К этому времени большинство ребят оказываются в спортклассах и учатся по особой программе в уз-

ком кругу других потенциальных спортсменов. Тогда, как США предоставляют на законодательном и практическом уровнях все возможности совмещения образования и спорта» [Наши в NCAA... web], что в дальнейшем положительно отражается на жизнедеятельности личности после завершения ею спортивной карьеры, снижая актуальность проблемы навешивания ярлыков на спортивное сообщество. Процесс стигматизации спортсменов чаще наблюдается в российской действительности, что может негативным образом отражаться на протекании профессионального возраста и ускорять процесс профессионального старения данной категории населения;

– исторический аспект связан с эволюцией развития спорта в исторической динамике как в мировом масштабе, так и у нас в стране. Сегодня спортсмен – это не только призвание, но и профессия (в отличие от советской эпохи развития спорта), выбор которой может произойти в самом раннем возрасте, что обуславливает значимость такой категории, как «профессиональный возраст спортсмена»;

– эстетический аспект проявляется в демонстрации возможностей каждого вида спорта, в восприятии спортивной деятельности болельщиками, от которых во многом зависит желание индивида интегрироваться в спортивную сферу деятельности.

Нормативный критерий профессионального возраста представителей ФКС включает уровень физиологического соответствия определенному виду спорта субъекта (нормативно-предписанный показатель) и периодизацию жизненного цикла построения профессиональной спортивной карьеры. Нормативный критерий профессионального возраста спортсмена тесно связан с символизацией возрастных процессов, позволяющей составить представления о том, как должен формироваться, развиваться, протекать профессиональный возраст спортсмена в условиях построения спортивной карьеры. Формирование, как и развитие профессионального возраста в зависимости от вида спорта начинается по-разному: в одних видах спорта требуется включенность ребенка в спортивный процесс с самого раннего возраста (например, набор девочек в художественную гимнастику осуществляется с 3–4 лет, а к 14 годам они мо-

гут стать уже мастерами спорта), тогда как в иных видах спорта (бокс, фехтование) отбор детей осуществляется практически в подростковом возрасте. Следовательно, переход индивида из одной профессиональной стадии в другую, как и этап завершения спортивной карьеры, нормативно вариативен в зависимости от возрастных особенностей этапа вхождения будущего чемпиона в спортивную сферу и классификации видов спорта.

Линейность как характеристика профессионального возраста определяется стадийностью построения профессиональной спортивной карьеры, связанной с достижением наивысшего спортивного результата (цель деятельности).

Продолжительность профессиональной спортивной карьеры и профессионального возраста спортсмена, обусловлена:

– внутренне и внешне социализирующими факторами;

– состоянием здоровья как основного ресурса спортсмена;

– государственной поддержкой сферы физической культуры и спорта, а также конкретного вида спорта;

– уровнем инвестиционных вложений в спорт со стороны бизнес-структур;

– возможностью выступления спортсменов на международном уровне за иностранные клубы;

– развитостью системы здравоохранения в стране.

Цикличность применительно к профессиональному возрасту выражается в систематическом повторении относительно законченных структурных единиц спортивно-тренировочного процесса. Построение подготовки спортсмена на основе различных циклов дает возможность достичь более высоких результатов, выстроить успешную спортивную карьеру и дольше пользоваться накопленными ресурсами, основной характеристикой которых становится процесс их перетекания после завершения профессиональной спортивной карьеры. Сочетание одновременно таких характеристик профессионального возраста спортсмена, как линейность и цикличность, расширяют его ресурсный потенциал, что способствует более гибкой адаптации после ухода человека из спорта высоких достижений.

Профессиональный возраст представителей профессионального спорта существует в контексте единства культурно-специфических особенностей, а также сопровождается социокультурной обособленностью, что тоже может являться специфической характеристикой изучаемой категории «профессиональный возраст». Социокультурными особенностями профессионального возраста спортсменов являются:

– наличие процесса конструирования спортивного самосознания личности / общности, которое имеет специфику в зависимости от вида спорта (например, индивидуальный / групповой);

– конструирование спортивной субкультуры на основе постоянной стрессопорождающей ситуации, момента случайности (везения / невезения) во время выступления, и, как следствие, возникновение многочисленных суеверий, примет, табу, своеобразных фетишей, амулетов как у начинающих спортсменов, так и у профессионалов. Символизация возрастных процессов в профессионально-спортивной среде объективируется и институционализируется с привязкой к системе квалификационных процедур ритуалов спортсменов, под которой следует понимать «церемонию перехода» по вертикали в иерархической системе спортивных достижений, что сопровождается инкорпорацией в новое состояние в соответствии с Единой всероссийской спортивной классификацией (например, 1-й спортивный разряд, 2-й спортивный разряд, 3-й спортивный разряд, кандидат в мастера спорта России (КМС), мастер спорта).

Итак, профессиональный возраст – это возраст (количество лет), детерминированный особенностями профессиональной деятельности. Концептуальное рассмотрение категории «профессиональный возраст» позволило выявить ее специфику применительно к такой сфере трудовой деятельности, как спорт, в результате чего мы пришли к выводу: «профессиональный возраст» представителей спорта высших достижений вариативен, что изначально обусловлено многообразием видов спорта, гетерохронность которых может проявляться, во-первых, на этапах включения индивида в сферу физической

культуры и спорта и завершения профессиональной карьеры; во-вторых, в период приобретения спортивной квалификации / разряда и профессионально-должностного статуса. При этом, категория «профессиональный возраст» спортсменов обладает социокультурной обособленностью в социальном пространстве. Следует учитывать, что процессы формирования и продолжительность профессионального возраста представителей спортивной сферы уникальны в связи с особенностями профессиональной деятельности данной направленности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабанов, Гришина 2018 – *Бабанов И.В., Гришина Е.А.* Современный спорт – проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 116–124.
- Белозерова 1998 – *Белозерова Л.М.* Метод определения биологического возраста по работоспособности // Клиническая геронтология. 1998. № 2. С. 34–38.
- Белугина 2006 – *Белугина Е.В.* Социально-психологический анализ феномена возраста // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. С. 12–16.
- Вишневский (ред.) 2013 – *Вишневский Ю.Р. (ред.)*. Отношение жителей свердловской области к физической культуре и спорту. Итоги социологического мониторинга: монограф. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2013.
- Всемирный доклад... web – Всемирный доклад о старении и здоровье // https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf;jsessionid=805E848C0AEAAF964264A983D757F063?sequence=10.
- Выготский 1996 – *Выготский Л.С.* Психология: Классические труды. М.: Педагогика Пресс, 1996.
- Гуфеленд 1996 – *Гуфеленд Х.* Искусство продлевать человеческую жизнь (Макробиотика) // Время жить. СПб.: Лейла, 1996.
- Захарова, Леонова 2018 – *Захарова Л.Н., Леонова И.С.* Социально-психологический возраст персонала предприятий с организационной культурой разного типа // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 936–950.
- Захарова и др. 2019 – *Захарова Л.Н., Саралиева З.Х.-М., Леонова И.С., Заладина А.С.* Усталость как

- показатель социально-психологического возраста персонала // Системная психология и социология. 2019. № 2 (30). С. 36–52.
- Кон 1999 – Кон И.С. Социологическая психология. Воронеж: Модэк, 1999.
- Макнамара web – Макнамара М. Вряд ли у китайцев есть чудесная таблетка [Газета.ру] // https://www.gazeta.ru/science/2012/06/18_a_4630137.shtml.
- Наши в NCAA... web – Наши в NCAA. Будущее молодого спортсмена после обучения в США // <https://dwashaga.ru/basketball-generation/russian-in-ncaa/412-budushchee-molodogo-sportsmena-posleobucheniya-v-ssha>.
- Овчинникова 2008 – Овчинникова Н.А. Правовое регулирование профессионального спорта в Российской Федерации (общеправовой анализ): дис. канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
- Социологическая энциклопедия 2003 – Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003.
- Ожидаемая продолжительность жизни... web – Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет) // https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn7.htm.
- Федеральный закон от 04.12.2007... web – Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 23.06.2014) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038.
- Федеральный закон от 03.10.2018... web – Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 № 350-ФЗ // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156.
- Шагиев 2009 – Шагиев Р.М. Структурно-функциональные характеристики стрессоустойчивости в спортивной деятельности: дис. канд. психол. наук. Ярославль, 2009.
- Шевченко... web – Шевченко О.А. Правовая доктрина регулирования труда в сфере профессионального спорта и пути ее реализации: дис. д-ра юрид. наук // https://www.msal.ru/common/upload/Dissertatsiya_-_O.A._SHevchenko.pdf.
- Эпштейн 2006 – Эпштейн М. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5, № 5. С. 48–57.
- Kolberg 1963 – Kolberg L. The Development of Children's Orientations Toward a Moral Order // Human Development. 1963. № 6. P. 11–35.
- Saraliev, Sudyin, Ermilova 2020 – Saraliev Z.Kh.-M., Sudyin S.A., Ermilova A.V. The Trajectory of Social Inclusion and Activation of Older People Today // International Journal of Psychosocial Rehabilitation. 2020. Vol. 3, № 24. P. 2943–2950.
- Babanov I.V., Grishina E.A., 2018. Modern Sport – Problems and Contradictions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 116-124.
- Belozerova L.M., 1998. Method of Determining the Biological Age by Working Capacity. *Klinicheskaya gerontologiya*, no. 2, pp. 34-38.
- Belugina E.V., 2006. Socio-Psychological Analysis of the Phenomenon of Age. *Izvestiya visshikh uchebnikh zavedeniy. Severo-Kavkazsky region. Obstchestvenniye nauki*, pp. 12-16.
- Vishnevsky Yu.R. (ed.), 2013. *The Attitude of Residents of the Sverdlovsk Region to Physical Culture and Sports. Results of Sociological Monitoring: monograph*. Ekaterinburg, Ural'skii federal'nyi un-t.
- World Report on Aging and Health*. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf;jsessionid=805E848C0AEAAF964264A983D757F063?sequence=10.
- Vygotsky L.S., 1996. *Psychology: Classical Works*. Moscow, Pedagogika Press Publ.
- Gufeland H., 1996. The Art of Prolonging Human Life (Macrobiotics). *Vremya zhit'*. Saint Petersburg, Leyla Publ.
- Zakharova L.N., Leonova I.S., 2018. Socio-Psychological Age of Personnel of Enterprises with Organizational Culture of Different Types. *Sovremennoye sostoyanie i perspektivi razvitiya psikhologii truda I organizatsionnoy psikhologii*. Moscow, Institut psikhologii RAN, pp. 936-950.
- Zakharova L.N., Saraliev Z.Kh.-M., Leonova I.S., Zaladina A.S., 2019. Fatigue As an Indicator of the Socio-Psychological Age of Personnel. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya*, no. 2 (30), pp. 36-52.
- Kon I.S., 1999. *Sociological Psychology*. Voronezh, Modek Publ.
- McNamara M. Chinese Hardly Have a Miracle Pill. *Gazeta.ru*. URL: https://www.gazeta.ru/science/2012/06/18_a_4630137.shtml.
- Our in NCAA. The Future of a Young Athlete After Training in the United States*. URL: <https://dwashaga.ru/basketball-generation/russian-in-ncaa/412-budushchee-molodogo-sportsmena-posleobucheniya-v-ssha>.
- Ovchinnikova N.A., 2008. *Legal Regulation of Professional Sports in the Russian Federation (General Legal Analysis): Author's Thesis of the Candidate of Legal Sciences*. Vladimir. *Sociological Encyclopedia: In 2 Vols. Vol. 1*, 2003. Moscow, Mysl' Publ.
- Life Expectancy at Birth (Number of Years)*. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn7.htm.

Federal Law No. 329-FZ (ed. of 23 June 2014) "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation" Dated 4 December 2007. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038.

Federal Law No. 350-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Appointment and Payment of Pensions" Dated 3 October 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156.

Shagiev R.M., 2009. *Structural and Functional Characteristics of Stress Resistance in Sports Activity: Cand. psychol. sci. abs. dis. Yaroslavl*.

Shevchenko O.A., 2014. *Legal Doctrine of Labor Regulation in the Field of Professional Sports*

and Ways of its Implementation: Dr. jurid. sci. abs. dis. URL: https://www.msal.ru/common/upload/Dissertatsiya_O.A._Shevchenko.pdf.

Epstein M., 2006. Towards a Philosophy of Age. The Fractality of Life and the Periodic Table of Ages. *Bulleten' sibirskoi mediciny*, vol. 5, no. 5, pp. 48-57.

Kolberg L., 1963. The Development of Children's Orientations Toward a Moral Order. *Human Development*, no. 6, pp. 11-35.

Saraliev Z.Kh.-M., Sudyin S.A., Ermilova A.V., 2020. The Trajectory of Social Inclusion and Activation of Older People Today. *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*, vol. 3, no. 24, pp. 2943-2950.

Information About the Author

Anna V. Yermilova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation, ermilova.75@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-1628>

Информация об авторе

Анна Вячеславовна Ермилова, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ermilova.75@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-1628>

Миссия журнала «Logos et Praxis» – создание единого информационного и коммуникативного пространства для специалистов в области наук о человеке, обществе и культуре.



Свою задачу редакция журнала видит как в привлечении к сотрудничеству известных ученых, так и в поддержке научной активности молодых исследователей. Журнал призван содействовать распространению результатов научных исследований и созданию дискуссионного поля для обмена научными достижениями и исследовательским опытом между представителями различных сфер социального знания.

В журнале представлены теоретические статьи, а также результаты прикладных исследований социальной направленности.

Рубрика журнала «Философия» соответствует отрасли науки 09.00.00 Философские науки, рубрика журнала «Социология и социальные технологии» соответствует отрасли науки 22.00.00 Социологические науки.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2021 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20989.

Стоимость подписки на II полугодие 2021 года 1 291 руб. 98 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Logos et Praxis is an academic journal aiming at creating a unified informational and communicative environment for scholars in the field of Human, Social and Cultural



Sciences. The editorial board of the journal aims at attracting both well-known academics and young researchers. We publish both theoretical and empirical Social Science articles. We invite authors from various Social Science disciplines, such as Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Pedagogy, Social Psychology. Interdisciplinary studies in the field of Social Sciences are welcome. The journal accepts original articles only on the

basis of peer review system.

The journal heading “Philosophy” corresponds to academic branch 09.00.00 Philosophical Sciences, the journal heading “Sociology and Social Technologies” corresponds to academic branch 22.00.00 Sociological Sciences.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2021 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20989.

The cost of subscription for the 2nd half of 2021 is 1291.98 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LOGOS ET PRAXIS»

1. Редакционная коллегия журнала «Logos et Praxis» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (jvolsu7@gmail.com). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции jvolsu7@gmail.com является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Logos et Praxis».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить представленные статьи или отправить их на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://psst.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

**CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *LOGOS ET PRAXIS***

1. The Editorial Staff of *Logos et Praxis* publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have a novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail jvolsu7@gmail.com. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail jvolsu7@gmail.com the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Logos et Praxis* printed periodical. The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail. The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly. The review usually takes 8 weeks.
- For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://psst.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").**
-
-

ISSN 2587-9715



9 772587 971004



52 >